

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2021. № 8(152)

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом МГУ для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим наукам и Ученым советом РАНХиГС для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим и политическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде.

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO.

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна.

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2021
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2021
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2021
- © Все права защищены

Главный редактор: Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург), председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: Мерешкин Д. Е. — кандидат юридических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук (Москва);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бесчасная А. А. — доктор социологических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфвич Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Гавра Д. П. — доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кашина М. А. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Паутова Л. А. — доктор социологических наук, доцент (Москва);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council

Deputy Chief Editor: Mereshkin D. E. — PhD in Jurisprudence, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPA

EDITORIAL COUNCIL

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);

Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);

Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);

Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences (Moscow);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Beschasnaya A. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Gavra D. P. — Doctor of Science (Sociology), Professor (St. Petersburg);

Zaporojan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kashina M. A. — Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (St. Petersburg);

Pautova L. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (Moscow);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 8 От главного редактора.** Высшее образование. Как увидеть 2027 год из 2021-го?

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 10 ШАМАХОВ В. А., МЕЖЕВИЧ Н. М.**
Политические вызовы 2020 года и их последствия для экономической модели республики Беларусь

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 18 КАМИНЧЕНКО Д. И.**
Политический имидж регионального лидера в «Инстаграм»

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 35 МАЗУР Л. В., МОНАШОВА А. Э.**
Налоговые доходы в условиях пандемии: падение или рост в перспективе?
- 43 МАТРЕШИНА Д. Е., МАРЫШЕВ А. А.**
Россия на рубеже смены мирохозяйственных укладов

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 56 АЛЕКСАНДРОВ В. Б.**
Диалектика чести и репутации. О пределах эффективности репутационного менеджмента
- 65 БАЙЕР Ю. П., ЧУРАЕВ Н. А.**
Глобальные изменения в высшем образовании: постковидное время
- 71 КАШИНА М. А., НАСТАСЮК Н. П.**
Женщины на службе в МЧС России: мотивация к поступлению и особенности карьеры
- 87 ПАВЛОВА Т. А., ПАРОМОВ А. Ю.**
Оценка условий обеспечения качества образования при проведении общественной аккредитации образовательной организации
- 97 ТУЛУПЬЕВА Т. В., АБРАМОВ М. В., ТУЛУПЬЕВ А. Л.**
Модель социального влияния в анализе социоинженерных атак
- 108 КОРОЛЕВА Е. Н.**
Геоэкологическая характеристика и комплексная оценка эффективности управления городским благоустройством крупного города Сибири

A LINEA

- 117 АГАБАБОВ А. Р., ЛЕВОЧКИН Р. А.**
Неинституциональные формы политического участия мусульманской молодежи в современной Шотландии
- 128 ТУМАНОВ А. Д.**
Доминанты современной политической культуры и трансформация политического управления

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 139 АЛАБИНА Т. А.**
Эволюция экономических исследований стратегий: роль концепции стратегирования В. Л. Квинта

EDITOR'S COLUMN

- 8** **From the Chief Editor.** Higher Education. How to See 2027 from 2021?

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 10** **VLADIMIR A. SHAMAKHOV, NIKOLAY M. MEZHEVICH**
Political Challenges of 2020 and their Implications for the Economic Model
of the Republic of Belarus

POLICY AND LAWFUL STATE

- 18** **DMITRIY I. KAMINCHENKO**
Political Image of the Regional Leader on Instagram

POWER AND ECONOMY

- 35** **LIDIA V. MAZUR, ANASTASIA E. MONASHOVA**
Tax Revenues in a Pandemic: Decline or Growth in the Future?
- 43** **DARIA E. MATRESHINA, ALEXANDER A. MARYSHEV**
Russia at the Turn of the World Economy

SOCIETY AND REFORMS

- 56** **VLADIMIR B. ALEKSANDROV**
Dialectic of Honor and Reputation. On Limits of Reputation Management
Efficiency
- 65** **JULIA P. BAYER, NIKITA A. CHURAEV**
Global Changes in Higher Education: Post-Covid Times
- 71** **MARINA A. KASHINA, NATALYA P. NASTASYUK**
Women in the Russian Service for Emergencies: Motivation for Enter the
Service and Career Features
- 87** **TATYANA A. PAVLOVA, ALEKSEI Y . PAROMOV**
Assessment of Education Quality Assurance Conditions During Public
Accreditation of Educational Organization
- 97** **TATYANA V. TULUPIEVA, MAXIM V. ABRAMOV, ALEXANDER L. TULUPIEV**
Model of Social Influence in Analysis of Socio-engineering Attacks
- 108** **ELENA N. KOROLEVA**
Geocological Characteristics and Comprehensive Assessment
of the Effectiveness of Urban Improvement Management in a Large Siberian
City

A LINEA

- 117 ALEXANDER R. AGABABOV, ROMAN A. LYOVCHKIN**
Non-Institutional Forms of Political Participation of Muslim Youth
in Modern Scotland
- 128 ANDREY D. TUMANOV**
The Dominants of Contemporary Political Culture and the Transformation
of Political Governance

SCIENTIFIC LIFE

- 139 TATIANA A. ALABINA**
The Evolution of Economic Research Strategies: The Role of the Concept
of Strategizing V. L. Kvint

Высшее образование. Как увидеть 2027 год из 2021-го?

Higher Education. How to See 2027 from 2021?

Каждый год в августе разворачивается общественная дискуссия по поводу образования. Не будем касаться вопросов образования среднего, как и начального.

Директору Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, как и моим коллегам-преподавателям и студентам, интереснее вопросы образования высшего.

Многочисленные дискуссии, экспертизы, доклады не могут быть эффективным руководством к действию, они лишь более-менее верно могут указать направления развития системы высшего образования и дать ответ на главный вопрос: какие специальности востребованы?

Однако давайте будем внимательны. Нам могут предложить ответ на вопрос, какие специальности нужны сейчас. Кто может ответить на вопрос о том, какие специальности будут нужны через четыре

года, когда вчерашний школьник закончит бакалавриат, или через шесть лет, когда он закончит магистратуру?

Далее. Нельзя вопросы образования ограничивать собственно проблематикой профессиональной подготовки. Необходим анализ тенденций общественного развития. Попробуем их выявить. Первая магистральная тенденция — ренессанс технического образования. Вторая — рост интереса к биологическим и медицинским специальностям. Причины очевидны. Для нашей Академии более актуальна ситуация с гуманитарными специальностями, специальными управлениями. Абсолютно очевидно то, что численность государственных и муниципальных служащих, которые есть в России, стала примерно постоянной. Эти специальности были, есть и будут востребованы. Все реформы, связанные с оптимизацией управления, нужны и важны, но они приводят не столько к сокращению государственных и муниципальных служащих, сколько к перераспределению. Это, в общем-то, логично, поскольку постоянно возникают новые направления, новые управленческие вызовы.

Масштабное внешнее воздействие на российское общество и российскую экономику требует не просто юристов и экономистов, но специалистов, способных работать со смешанной и сложной моделью управления. Такой моделью, где государственное участие эффективно сочетается с рыночным. Наша Академия, ее

Северо-Западный институт эффективно работают именно в этом направлении. Об этом свидетельствуют мои контакты с работодателями.

Значение диплома никто не отменяет. Работодатели внимательно смотрят и будут смотреть этот жизненно важный документ. Вместе с тем коллеги подсказывают, что все большее значение приобретают вопросы студенческой активности в общественно-политических, научных, гражданских движениях, разумеется, чья деятельность конструктивна и направлена на развитие общества и государства. Эта часть CV, которую ни у нас в РАНХиГС, ни в провинциальном педагогическом институте, равно как и в МГИМО, за студента никто писать не будет. Обязательным критерием это у нас в стране не является, но это то, что может облегчить выбор работодателя спустя ваши четыре или шесть лет.

Выбирая специализацию и в бакалавриате, и, тем более, в магистратуре не следует исходить из того, что она должна быть очень «узкой», правильнее выбрать более универсальную платформу, на которой вы и ваш работодатель будете строить здание вашей квалификации на благо общества и лично вас.

*Директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
профессор В. А. Шамахов*

Политические вызовы 2020 года и их последствия для экономической модели республики Беларусь

Шамахов В. А.¹, Межевич Н. М.^{2, *}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; *mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

Выборы, прошедшие в республике Беларусь в августе 2020 года, и последующее развитие политической ситуации существенно повысили экономические риски для народного хозяйства страны. Однако прогнозы, связанные с существенным ослаблением экономики, не оправдались. Белорусскую экономику можно называть «гарнизонной» или «мобилизационной», но она выдержала уникальное для мирного времени испытание.

Ключевые слова: национальная экономическая модель, Беларусь, ВВП, государственный сектор, сфера услуг

Для цитирования: Шамахов В. А., Межевич Н. М. Политические вызовы 2020 года и их последствия для экономической модели республики Беларусь // Управленческое консультирование. 2021. № 8. С. 10–17.

Political Challenges of 2020 and their Implications for the Economic Model of the Republic of Belarus

Vladimir A. Shamakhov¹, Nikolay M. Mezhevich^{2, *}

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation

²Institute of Europe of Russian Academy of Sciences; Moscow, Russian Federation; *mez13@mail.ru

ABSTRACT

The elections held in the Republic of Belarus in August 2020 and the subsequent development of the political situation have significantly increased the economic risks for the country's national economy. However, forecasts related to a significant weakening of the economy did not materialize. The Belarusian economy can be called “garrison” or “mobilization”, but it has passed a unique test for peacetime.

Keywords: national economic model, Belarus, GDP, public sector, services sector

For citing: Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Political Challenges of 2020 and their Implications for the Economic Model of the Republic of Belarus // Administrative consulting. 2021. N 8. P. 10–17.

Понятие экономической модели присутствует в большинстве экономических теорий, и, разумеется, детально прописано в рамках институциональных подходов. Несмотря на очевидную принадлежность к экономической науке понятие «экономическая модель» имеет явный междисциплинарный характер.

Во-первых, экономическая модель является неотъемлемой частью понимания, с одной стороны, исторического становления страны, а с другой — влияет на перспективы дальнейшего развития.

Во-вторых, экономическая модель тесно связана с политикой, предопределена ключевыми политическими решениями. Этот вопрос особо важен в рассматриваемом случае, когда речь идет о развитии Республики Беларусь в 2020 г.

Третий, особо важный, момент. Для понимания экономической модели очень важен критерий стабильности экономики в исследуемый период. Иными словами, говорить об экономической модели в условиях войны, нестабильности, воздействия внешних сил, направленного на смену характера экономики и/или политических институтов, — заранее закладывать ошибку в анализ.

Приведем определение, предложенное коллегами из Института экономики РАН и разделяемое авторами данной статьи: «Экономическая модель — это результат увязывания через соответствующие институты целей национального социально-экономического развития с имеющимися материальными и интеллектуальными ресурсами, особенностями геоэкономического положения, культурными традициями, с одной стороны, и трендами развития мировой политики и экономики, вопросами национальной безопасности, с другой» [9, с. 100]. Обратим внимание на комплексность подхода и отсутствие указания на то, что речь идет исключительно о рыночной экономике. Где заканчивается рыночная экономика? При какой доле ВВП утрачивается неуловимый дух «свободного рынка»? Ответов на эти вопросы нет и быть не может.

Представления о разнообразии рыночных моделей изначально основывались на ключевых экономических характеристиках, таких как доля валового внутреннего продукта, перераспределяемого через государственный бюджет, соотношение долей частной и государственной собственности, специфика механизмов регулирования, осуществляемых как государством, так и рыночными институтами, однако количественные показатели — как минимум, предмет для дискуссий. Это логично. Национальная экономическая модель — это формализованное описание ключевых принципов развития государства. Основу любой современной государственной политики той или иной страны составляет не вообще рыночная экономика, а ее национальная модель.

Национальная экономическая модель Беларуси, как и других постсоветских стран, несет видимый отпечаток крайне сложных трансформаций. Как и в других республиках, «государство больше напрямую не контролирует спрос и предложение в основных секторах экономики, которые теперь, возможно, будут не всегда обеспечивать использование производственных мощностей народного хозяйства надлежащим образом» [8, с. 21]. Однако в отличие от большинства других республик, от России до Узбекистана, этап дерегулирования и резкого снижения роли государства закончился достаточно быстро к 1996–1998 гг. При этом экономические показатели не только не показали падения, но отразили устойчивый рост, опровергая либеральные подходы к макрорегулированию.

До резкого обострения политической ситуации в стране в 2020 г. большинство оппозиционных экономистов признавали (с определенными оговорками) успешность экономического развития страны, рассматривая возможность подобной модели ведения дел в экономике.

Опишем остальные ключевые особенности развития национальной экономики, признаки ее переходного состояния, характер реализуемой экономической модели.

1. Белорусская экономика уже в начале века претерпела переход от преимущественно интенсивного к преимущественно экстенсивному типу экономического роста, где на 1% количественного роста приходится всего 0,82% роста продуктивности [1, с. 106]. Высокая материалоемкость белорусской промышленности при низком технологическом уровне производства — трудно решаемая проблема в рамках действующих экономических практик. При этом ключевые социально-экономические показатели сохраняются на достаточно устойчивом уровне (табл. 1).

Основные социально-экономические показатели Республики Беларусь

Table. Main socio-economic indicators of the Republic of Belarus

2015	2016	2017	2018	2019
Среднемесячная номинальная заработная плата, долл. США)				
413	361	426	476	522
Индексы потребительских цен, процентов				
113,5	111,8	106,0	104,9	105,6

Источник: Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2020. С. 13.

2. Рост ВВП — традиционный показатель, характеризующий национальную модель экономики. Он далеко не идеален, но серьезной альтернативы не придумано. Обратимся к мнению экспертов Евразийского банка развития (ЕАБР). С их точки зрения, рост в белорусской экономике в первой половине 2020 г. складывается выше ожиданий ЕАБР, однако стагнация внутреннего спроса вызывает опасения в его качестве, отмечают эксперты банка. ВВП страны в январе–мае 2021 г. увеличился на 3,1% (0,9% в I квартале). Рост экономики преимущественно сосредоточен в промышленности: ее вклад оценивается в 2,9 пп. Еще около 0,5 пп. прироста ВВП обеспечил сектор информации и связи. Сильную динамику демонстрируют отрасли промышленности, ориентированные на экспорт: химический сектор, машиностроение, деревообработка¹.

Политический кризис в Беларуси достаточно очевиден, но даже в этих условиях представители оппозиции признают в целом позитивную динамику белорусской экономики. Эксперт BEROC (Белорусской экономической фабрики мысли) Дмитрий Крук признал: «За прошедший год мы наблюдали довольно быстрое восстановление экономики: к апрелю она вернулась на предковидный уровень и пока продолжает демонстрировать неплохую динамику роста. Если концентрировать внимание на этих тенденциях и отвлекаться от более широкого контекста, — можно считать, что не случилось ничего плохого из того, что могло случиться. Более того, глядя на макроэкономические индикаторы, «в моменте» можно даже утверждать, что экономика растет и дела налаживаются»² (рис. 1).

3. Беларусь проводит политику «социального государства» в ее скандинавском теоретическом варианте, но не имея и трети финансовых возможностей в душевом измерении от Финляндии, к примеру. Низкая производительность труда, отстающая от постиндустриальных и эффективных индустриально развитых государств в 1,5–2 раза не позволяет подвести под задачи социального развития адекватную базу. Отсюда относительно невысокая заработная плата и наличие признаков «уравниловки» при ее установлении. Однако в последние годы повышение доли затрат на трудовые ресурсы в выручке сократило чистую прибыль и ухудшило конкурентные позиции Республики Беларусь по сравнению со странами, имеющими схожие технологии, но более дешевую рабочую силу. «...Несмотря на снижение доходов госу-

¹ Что будет с курсом рубля и ценами, какие риски из-за санкций. Прогноз ЕАБР по экономике Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://www.intex-press.by/2021/07/11/chto-budet-s-kursom-rublya-i-tsenami-kakie-riski-iz-za-sanktsij-prognoz-eabr-po-ekonomike-belarusi/>

² Д. Крук: «То, что хорошо сошлись звезды, не значит, что рост сохранится» [Электронный ресурс]. URL: <https://thinktanks.by/publication/2021/08/30/dmitriy-kruk-to-chto-horosho-soshlizezdy-ne-znachit-chto-rost-sohranitsya.html>

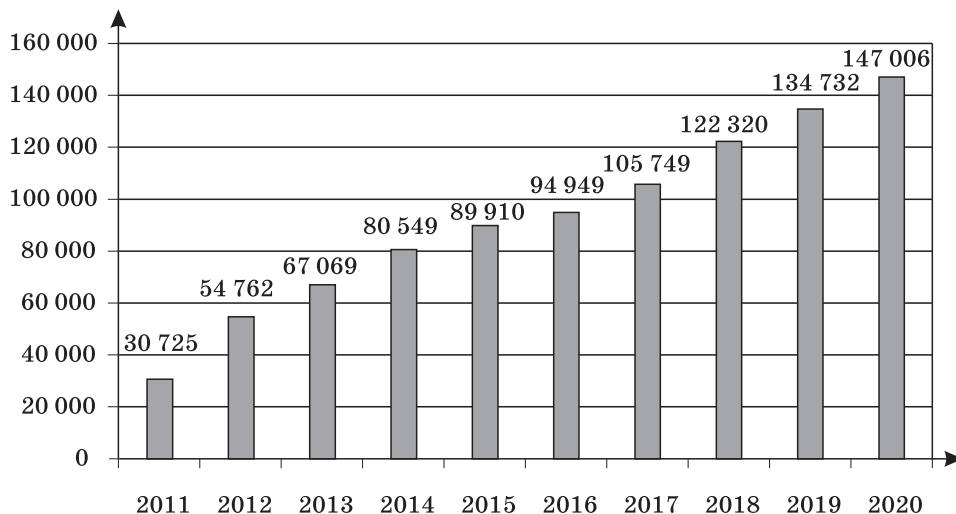

Рис. 1. ВВП Республики Беларусь, млн руб. (2011–2015 гг. — с учетом деноминации 2016 г.)

Fig. 1. GDP of the Republic of Belarus, million rubles (2011–2015 — taking into account the denomination of 2016)

Источник: <https://president.gov.by/ru/belarus/economics>

дарства и реального сектора поддержан рост доходов домохозяйств. Темп прироста реальных располагаемых денежных доходов населения — 5,4%, при опережающем росте заработных плат (8,2%) и продолжающемся росте потребительского кредитования — 17,4% (на 1 июля 2020 г. по сравнению с 1 июля 2019 г.)¹ (см. рис. 2).

Позитивным итогом развития следует считать то, что в 2018 г. коэффициент Джини, рассчитываемый Всемирным банком, составил 25,2%, что стало одним из самых низких значений среди стран, для которых рассчитывается данный показатель². Например, на iPhone 11 жителю России нужно потратить 1,4 средней зарплаты, белорусу — 2,2³. Но благодаря низкому социальному неравенству условно бедные белорусы живут немного лучше, чем условно бедные россияне.

4. Неполное соответствие системы управления экономикой изменившейся структуре отраслей (с выросшей сферой услуг) и формам собственности (с паритетом частной и государственной собственности) представляется определенной проблемой. За более чем 20 лет в структуре экономики Беларуси выросла сфера услуг. В 1990 г. услуги занимали 29% ВВП, а сфера производства — 69%, в 2000 г. — 38,6 и 48,7% соответственно, в 2013 г. — 44,8 и 44,9%. В 2020 г. сфера услуг формирует почти половину внутреннего валового продукта Беларуси (49,1%)⁴. Очень

¹ Беларусь: экономический обзор. Подготовлен при участии Министерства финансов Республики Беларусь, Национального банка Республики Беларусь, Министерства экономики Республики Беларусь, ОАО «Банк развития Республики Беларусь». Минск, 2021.

² Республика Беларусь. Суверенный рейтинг. АКРА-рейтинг 8 окт. 2020 г. С. 3.

³ Соколов А. Тезисы об экономике Белоруссии: страна для выживания или страна для жизни [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/11/05/845797-tezisi-belorusskoi>.

⁴ Сфера услуг в Беларуси. Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/economics/osnovnye-otrasli/sfera-uslug>.

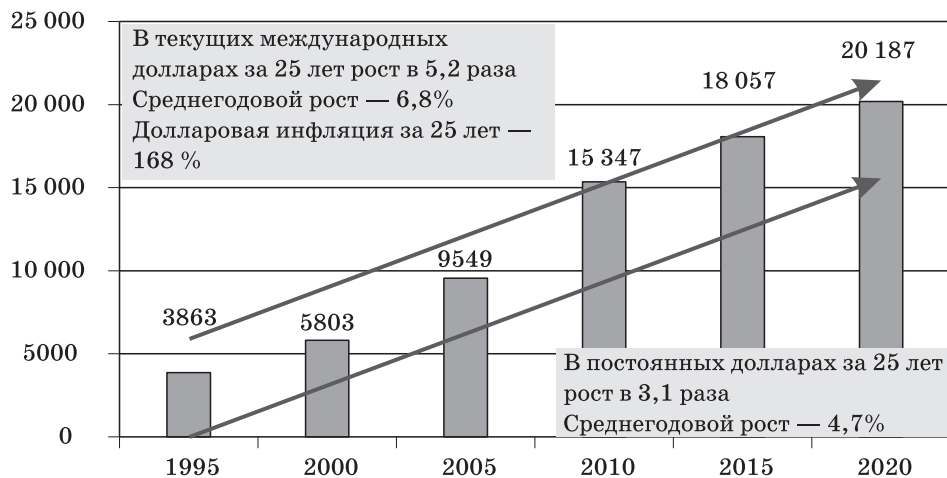

Рис. 2. Динамика роста благосостояния ВВП по ППС на душу населения, долл [4, с. 48]
Fig. 2. GDP per capita growth in wealth, USD

важен еще один показатель. В 2020 г. доля частного сектора в белорусском экспорте товаров и услуг увеличилась с 30,8% (в 2012 г.) до 64,7%¹.

5. Система регулирования экономики концентрируется в основном на предприятиях, которые относятся к обрабатывающей промышленности и сельскому хозяйству. В Беларуси достаточно большую часть экономики составляют организации, основным акционером которых является государство (в 2019 г. около 45% ВВП пришлось на компании с долей государства в уставном капитале более 50%). Правительство предпринимает меры для снижения доли госсектора в экономике, в том числе ужесточая мягкие бюджетные ограничения для государственных компаний и улучшая деловой климат. Многие меры государственной политики направлены на увеличение доли сферы услуг в экономике, поддержку малого и среднего предпринимательства и создание благоприятных условий для функционирования некоторых отраслей (например, ИТ). Частный сектор преимущественно представлен компаниями, работающими в ИТ, легкой промышленности и строительстве².

6. Укажем на то, что значение в экономике Беларуси госсектора постоянно уменьшается в течение как минимум 20 лет. Необходимость реформ, о которых говорит оппозиция, прекрасно понимается Президентом и правительством. Доля занятых на госпредприятиях (государству принадлежит более 50% собственности) уменьшилась за 15 последних лет с 68,8% до 38,1% и составляет 1,2 млн из 4,5 млн занятых. Например, количество рабочих на МАЗе за 10 лет сократилось с 23,8 тыс. до 13,8 тыс. человек. Уменьшается и доля в промышленном производстве ранее доминировавшего в нем госсектора. В сохранении и модернизации доставшейся советской промышленности играет большую роль госсектор, но даже в промышленном производстве его доля уменьшилась с 70% в 2005 г. до 52,4% к 2020 г. [4, с. 52].

¹ Назад в будущее, или краткая историческая справка о белорусском частном секторе [Электронный ресурс]. URL: https://telega.ph/Nazad-v-budushchee-ili-kratkaya-istoricheskaya-spravka-o-belorusskom-chastnom-sektore-07-07_ftn3

² Республика Беларусь. Суверенный рейтинг. АКРА-рейтинг 8 окт. 2020 г. С. 5.

В чем же заключались разногласия между либеральными экономистами и Президентом? До 2020 г. Президент двигался в направлении разгосударствления, но медленно, применяя меры амортизации. Альтернатива известна. В Санкт-Петербурге за 1992–1993 гг. количество промышленных рабочих уменьшилось на 300 000 человек и каждое второе промышленное предприятие закрылось. Разумеется, этот опыт не был востребован в Минске, где промышленность за годы советской власти стала важным (если не ключевым) фактором развития.

Политические процессы, идущие в Беларуси в последний год, мало повлияли на содержание дискуссий об экономической модели общественного развития. Власть и ее лидеры пережили реформы лично: «В начале 90-х годов псевдолибералы призывали государство вообще уйти из экономической жизни. Это привело к тому, что появилась группа лиц, присвоивших при антинародной приватизации природные богатства страны, ее экономический потенциал и претендовавших на власть в России. В результате российская экономика потеряла за 90-е годы больше, чем за время Второй мировой войны»¹. Уроки российской истории не выучены белорусской оппозицией. Стилистика протеста, уровень проработанности лозунгов и программ заставляет вспомнить о 1991 г. По-прежнему в распоряжении оппозиции нет минимально серьезной экономической и политической программы, хотя бы в масштабе проекта Г. Явлинского. (Программа Г. Явлинского «400 дней» — 50 страниц, последующая версия — «500 дней» — 430 стр.)

Теоретики от белорусской оппозиции хорошо знают академические подходы своих ведущих предшественников и много лет критикуют белорусскую экономическую модель. «В основе данной модели — сохранение неэффективного государственного реального сектора, значимость которого для белорусского государства и общества обусловлена политическими и идеологическими факторами» [10, с. 22]. Однако предложений как реформировать существующую структуру экономики и не потерять минимально достаточную социальную стабильность нет. По-прежнему остается проблема экстраполяции высокой теории на белорусскую почву: «Существует серьезная опасность, подстерегающая исследователя современного экономического роста, увлечься картиной сходных изменений, через которые проходят столь различные по культурным традициям общества, попытаться выстроить жесткую, обязательную для всех стран траекторию развития» [2, с. 23].

В существующей форме белорусская экономическая модель может существовать при существенной российской поддержке. Решением проблемы повышения конкурентоспособности мог бы стать переход от патерналистской, квазиресурсной модели развития экономики к постиндустриальной и инвестиционной. Однако этот путь неизбежно предполагает жесткие и непопулярные реформы, шоковую терапию в версии третьего десятилетия XXI в. Это было невозможно перед выборами, и практически исключено после них.

Товарная структура торговли с Россией по-прежнему выгодна для Беларуси — покупая у России энергоносители по низким ценам, Беларусь поставляет на российский рынок в основном продукцию сельского хозяйства и промышленности. В 2020 г. экспорт услуг из Беларуси в Россию составил 2,4 млрд долл., импорт услуг из России — 1,4 млрд долл., положительное сальдо — около 1 млрд долл. [7, с. 10].

По мнению экспертов, даже если Запад введет секторальные санкции в отношении основных белорусских товаров и запретит закупку продукции нефтяной

¹ *Примаков Е. М.* Современная Россия и либерализм [Электронный ресурс] // Российская газета. 17.12.2012. URL: <http://www.rg.ru/2012/12/17/primakov.html>.

и химической промышленности, кооперация с Россией только выиграет, так как белорусские предприятия смогут экспортировать подсанкционные товары в Россию, а российские компании будут ее реэкспортировать на Запад.

Если в 1990 г. негосударственных предприятий практически не было, то в 2013 г. организации без доли государства создавали 49,5% ВВП, столько же, сколько и госсектор. Кроме того, в 2013 г. частный сектор давал 58,4% всего экспорта страны и обеспечивал занятостью 49,4% всех трудовых ресурсов [6, с. 32].

Литература

1. *Власенко М. Н.* Оценка качественной составляющей экономического роста республики Беларусь // *Белорусский экономический журнал*. 2011. № 2. С. 100–110.
2. *Гайдар Е. Т.* Аномалии экономического роста [Электронный ресурс] // *Вопросы экономики*. 1996. № 12. URL: https://www.iep.ru/files/Gaidar/vopreco_12-1996.pdf.
3. *Жигунов Д. И.* Риски развития «голландского синдрома» для экономики республики Беларусь // *Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 20 мая 2021 г.)*. Минск : БГЭУ, 2021.
4. *Ковалев М. М., Господарик Е. Г.* Эволюционные изменения в белорусской модели экономического развития в VI пятилетке // *Беларуская думка*. 2021. № 6.
5. *Лизан И. Ю.* Внешнеэкономические связи и согласованная промышленная политика в Союзном государстве: почему нас разделяет то, что должно объединять? Научный доклад / И. Ю. Лизан; Н. М. Межевич, В. А. Шамахов (науч. ред., предисл.). СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019.
6. *Рудый К. В.* Структурные экономические реформы: необходимость для республики Беларусь и зарубежный опыт // *Белорусский экономический журнал*. 2015. № 1. С. 30–41.
7. *Союзное государство Беларуси и России: результаты для граждан и перспективы* / Громыко Ал. А., Рахманов С. К. и др.; Ассоциация внешнеполитических исследований им. А. А. Громыко. М., 2021.
8. *Танзи В.* Налогово-бюджетная политика в странах с экономикой переходного периода. Вашингтон : Междунар. валют. фонд, 1993.
9. *Трансформация моделей экономики в странах постсоциалистического мира: монография* / Отв. ред. М. О. Тураева, Л. Б. Вардомский. М. : ИЭ РАН, 2020.
10. *Царик Ю.* Белорусская экономика: достижения и ограничения «молчаливых реформ» 2015–2017 гг. Минск, 2017.

Об авторах:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

References

1. Vlasenko M. N. Assessment of the qualitative component of economic growth of the Republic of Belarus // *Belarusian Economic Journal [Belorusskii ekonomicheskii zhurnal]*. 2011. N 2. P. 100–110. (In Rus).
2. Gaidar E. T. Anomalies of economic growth [Electronic resource] // *Economic issues [Voprosy ekonomiki]*. 1996. N 12. URL: https://www.iep.ru/files/Gaidar/vopreco_12-1996.pdf. (In Rus).
3. Zhigunov D. I. Risks of the development of the “Dutch syndrome” for the economy of the Republic of Belarus // *Economic growth of the Republic of Belarus: globalization, innovation, sustainability: materials of the XIV International scientific and practical conference (Minsk, May 20, 2021)*. Minsk: BSEU, 2021. (In Rus).
4. Kovalev M. M., Gospodarik E. G. Evolutionary changes in the Belarusian model of economic development in the VI five-year plan // *Belarusian Duma [Belaruskaya dumka]*. 2021. N 6. (In Rus).

5. Lizan I. Yu. Foreign economic relations and the agreed industrial policy in the Union State: why do we share what should unite? Scientific report / I. Yu. Lizan; N. M. Mezhevich, V. A. Shamakhov (scientific ed., foreshadowed.). St. Petersburg: NWIM of RANEPa, 2019. (In Rus).
6. Rudy K.V. Structural economic reforms: necessity for the Republic of Belarus and foreign experience // Belarusian Economic Journal [Belorusskii ekonomicheskii zhurnal]. 2015. N 1. P. 30–41. (In Rus).
7. Union State of Belarus and Russia: results for citizens and prospects / Gromyko Al. A., Rakhmanov S. K. and others; Association for Foreign Policy Studies named after A. A. Gromyko. M., 2021. (In Rus).
8. Tanzi V. Fiscal policy in countries with economies in transition. Washington: International Monetary Fund, 1993. (In Rus).
9. Transformation of economic models in the countries of the post-socialist world: Monograph / Ex. ed. M. O. Turaeva, L. B. Vardomsky. M.: IE RAS, 2020. (In Rus).
10. Tsarik Yu. Belarusian economy: achievements and limitations of “silent reforms” 2015–2017. Minsk, 2017. (In Rus).

About the authors:

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@ranepa.ru

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

Политический имидж регионального лидера в «Инстаграм»

Каминченко Д. И.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация; dmitkam@inbox.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена изучению особенностей современной политической коммуникации в условиях сетевизации общества. Рассматривается взаимодействие регионального политического лидера и общества в знаково-символическом пространстве политической коммуникации.

Цель работы состоит в том, чтобы выявить основные имиджево-ролевые смысловые конструкты, которые отражены в записях руководителя субъекта РФ, размещаемых им на популярной интернет-платформе поддержки социальных медиа «Инстаграм». Помимо установления наиболее активно используемых смысловых имиджево-ролевых конструктов, в работе определяется степень их популярности и уровень их одобрения среди аудитории данной интернет-платформы.

В качестве основного прикладного метода исследования выбран качественно-количественный тип контент-анализа. В дополнение к нему задействован метод сравнительного анализа. Концептуальную основу исследования составляют теория информационного общества, а также концепты «сетевой имидж», «политика цифровизации» и «сетевая идентичность».

По результатам проведенного контент-анализа установлено, что чаще остальных в сообщениях, размещаемых на изучаемой официальной интернет-странице политического лидера в «Инстаграм», представлен такой имиджево-ролевой конструкт, как «организатор». Это соответствует типу лидерства, характерному для данного политического руководителя. Среди записей, вызвавших относительно повышенное внимание аудитории интернет-платформы, можно выделить сообщения, где представлен целый ряд имиджево-ролевых конструктов, среди которых: «кризисный менеджер», «организатор», «командный игрок», «строитель», «открытый лидер, слышащий общество» и «хозяйственник». Подобное равномерное распределение интереса аудитории к данным функционально-смысловым конструктам может быть объяснено тем, что главой региона активно уделяется внимание каждому из обозначенных тематических направлений. Наибольший уровень одобрения со стороны аудитории интернет-платформы получили записи, где отражены такие имиджево-ролевые конструкты, как «семьянин» и «лидер, устремленный в будущее». Учитывая относительно неактивное использование главой региона обозначенных смысловых конструктов в записях, размещаемых на его официальной странице в «Инстаграм», отмечается, что увеличение числа сообщений, где были бы отражены данные имиджево-ролевые конструкты, способно усилить положительный имидж лидера и, как следствие, уровень его поддержки в обществе.

Ключевые слова: политическая коммуникация, сетевое общество, политический имидж, имиджево-ролевой конструкт, социальные медиа, интернет, «Инстаграм»

Для цитирования: Каминченко Д. И. Политический имидж регионального лидера в «Инстаграм» // Управленческое консультирование. 2021. № 8. С. 18–34.

Political Image of the Regional Leader on Instagram

Dmitriy I. Kaminchenko

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation; dmitkam@inbox.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the features of modern political communication in the context of society networkization. The interaction of a regional political leader and society in the sign-symbolic space of political communication is considered.

The purpose of this paper is to identify the main image-role semantic constructs, which are reflected in the messages of the head of the constituent entity of the Russian Federation, posted by him on the popular Internet platform for social media Instagram. In addition to establishing the most actively used semantic image-role constructs, the research determines the degree of its popularity and the level of its approval among the audience of this Internet platform.

The qualitative and quantitative type of content analysis was chosen as the main applied research method. In addition to it, a comparative analysis method is used. The conceptual basis of the research is formed by the theory of the information society, as well as the concepts of “network image”, “digitalization policy” and “network identity”.

According to the results of the conducted content analysis, it was found that more often than others in the messages posted on the studied official Internet page of the political leader in Instagram, such an image-role construct as an “organizer” is presented. This corresponds to the type of leadership characteristic of this political leader. Among the entries that aroused a relatively increased attention of the audience of the Internet platform, there are messages where a number of image-role constructs are presented, including: “crisis manager”, “organizer”, “team player”, “builder”, “open leader, hearing society” and “business executive”. Such a uniform distribution of the audience’s interest in its functional and semantic constructs may be explained by the fact that the head of the region is actively paying attention to each of the designated thematic areas.

The highest level of approval from the audience of the Internet platform was received by the messages, which reflected such image-role constructs as “family man” and “leader looking to the future”. Considering the relatively inactive use of the designated semantic constructs by the head of the region in the messages posted on his official Instagram page, it is noted that an increase in the number of messages, which would reflect these image-role constructs, may enhance the leader’s positive image and, as a result, the level of his support in society.

Keywords: political communication, networked society, political image, image-role constructs social media, Internet, Instagram

For citing: Kaminchenko D.I. Political Image of the Regional Leader on Instagram // Administrative consulting. 2021. N 8. P. 18–34.

Введение

Интернет-технологии оказывают существенное влияние на современное политико-коммуникативное пространство. Ученые выделяют такие тенденции политической коммуникации в условиях цифровизации общества, как визуализация содержания непосредственно самой коммуникации и наполнение ее контентом, который больше ориентирован на развлечения (при сохранении политического контекста) [36, р. 352; 28, р. 219]. Современная сетевизация политики открывает новые возможности и создает риски для представителей власти и общества. Эффективное использование возможностей сетевого общества и успешная нейтрализация его основных рисков способны повысить уровень доверия политическим субъектам и активизировать граждан для участия в общественно и политически значимых процессах. Поэтому формируемое в условиях цифровизации общества политико-коммуникативное пространство, его особенности и характер требуют детального изучения со стороны научного сообщества.

Одним из наиболее актуальных направлений исследований является изучение темы конструирования и поддержания положительного политического имиджа в сетевом поле коммуникации. Особый интерес вызывают практики использования политическими лидерами современных интернет-платформ социальных медиа (на-

пример, «ВКонтакте», «Фейсбук», «Инстаграм», «Твиттер» и др.). Социальные медиа становятся неотъемлемым атрибутом информационного сопровождения деятельности политического лидера. При этом они нередко выполняют не только информационно-представительские функции, но и мобилизационные, а также — функцию обратной связи. От степени эффективности использования подобных интернет-платформ зависит и уровень поддержки лидера.

Важнейшую роль современные социальные медиа играют для региональных и местных политических лидеров, так как они позволяют качественно повысить уровень обратной связи с обществом, которое активно использует данные платформы для обращения со своими вопросами к представителям органов государственной власти. Неслучайно лидеры российских регионов активно применяют в своей деятельности возможности и инструменты социальных медиа, а ряд аналитических агентств выявляют как пользовательскую активность региональных лидеров в социальных медиа, так и показатели их цитируемости в общественном пространстве сетевой коммуникации. В данном исследовании основное внимание сосредоточено на выявлении основных тем содержательно-смыслового наполнения имиджа одного из региональных лидеров, а также — на анализе степени популярности тем, обозначенных главой субъекта в социальных медиа.

Теоретические основания

Изучению политического имиджа уделено немалое внимание научного сообщества. Анализируются различные направления, связанные с феноменом имиджа политического субъекта. Среди трактовок понятия «политический имидж» выделим позицию Т. Н. Пищевой, согласно которой под имиджем принято обозначать «специально сконструированное и растиражированное отражение личности политика (власти, партии, страны и т. д.)» [16, с. 47], а также мнение О. Ю. Шмелевой, интерпретирующей имидж «как технологический конструкт, подверженную воздействию внешних социальных механизмов систему ценностей и представлений» [25, с. 25]. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что содержание имиджа политика может включать как реальные, так и вымышленные свойства объекта [8, с. 80]. В работе бельгийских ученых Де Ландшира, Де Вриза и Вертессена имидж политического кандидата в ходе избирательной кампании определяется на основе мнений европейских политических экспертов как отчетливый и недвусмысленный профиль, транслируемый избирателям [28, с. 218].

Одним из наиболее распространенных направлений научной рефлексии имиджа политических акторов является изучение структуры и содержания имиджа [3; 15; 26; 32]. Например, в работе С. А. Шомовой осуществляется изучение имиджа различных политических лидеров через призму «архетипических риторических паттернов» [26]. Е. А. Неклюдова подробно изучает невербальные компоненты, составляющие значимую часть имиджа политика [15]. Ф. Гузман и В. Сиерра, проанализировав президентскую избирательную кампанию 2006 г. в Мексике, разработали структурную основу бренда-имиджа политического лидера, выделив те содержательные компоненты, которые вызывают наибольшую поддержку со стороны избирателей [31, с. 215–216].

Процесс формирования имиджа и ключевые технологии его конструирования также находятся в центре внимания в работах ряда ученых [11; 24; 29; 33; 34]. По мнению Д. В. Чижова, одним из наиболее эффективных инструментов для конструирования и распространения имиджа политического актора в рамках деятельности компоненты содержания самого имиджа является применение «так называемого событийного ряда, представляющего собой сценарий продвижения имиджа» [24, с. 329]. М. Зюльфлоу и Ф. Эссер, проводя в одной из своих работ сравни-

тельный анализ имиджа общенациональных политиков в США и Германии, ставят целью своего исследования установить, существует ли в двух выбранных государствах страновая специфика в выборе имиджевых стратегий и формировании новостного контента, посвященного политическим лидерам или же в обозначенных процессах в современных обществах преобладает глобализирующая (универсалистская) тенденция к конвергенции [35, с. 286]. Они приходят к выводу, что содержание процессов построения и реализации визуальных имиджевых стратегий в двух рассмотренных ими государствах действительно различаются, что свидетельствует о том, что помимо современных (универсальных) технологий проведения избирательных кампаний значимую роль в формировании имиджа политика играют национальные и культурные электоральные традиции [35, с. 302].

Сетевизация современного политико-коммуникативного пространства оказывает существенное влияние и на политический имидж, его состав и структуру, технологии его формирования и продвижения, а также — на его общественное восприятие. Сетевые организационные свойства (например, открытость и децентрализованность, гетерархичность и динамичность) определяют специфику политического имиджа, его популярность среди электората. Вместе с тем, особенности проявления подобных свойств в знаково-смысловом содержании имиджа политика, как и специфика воздействия данных свойств в его структуре и содержании на общественное и политическое сознание индивидов, до сих пор подробно не изучены. Полагаем, что ввиду своей общественной и политической значимости, обозначенное тематическое направление исследований будет особенно популярно в научном сообществе в ближайшее время.

Несмотря на выявленную лакуну в существующей системе знания по теме трансформации политического имиджа в условиях сетевизации общества, необходимо отметить, что в науке уже накоплен немалый пласт работ, посвященных анализу роли СМИ и в особенности — интернета и функционирующих на его технической основе современных социальных медиа в формировании и продвижении политического имиджа [1; 4; 10; 13; 14; 19; 23; 27; 34; 36]. Причем СМИ выполняют различные задачи в рамках формирования и внедрения имиджа политика в сознание индивидов и групп. В свое время Дэн Ниммо отмечал, что, согласно проведенному им исследованию, из трех целей, которые пытается достичь профессиональный имиджмейкер через СМИ — (1) информирование избирателей о кандидате, (2) усиление положительных эмоций по отношению к кандидату и (3) убеждение людей голосовать за кандидата — первое легче выполнить, чем второе, а второе — легче, чем третье [34, с. 43].

Проанализировав пользовательскую активность популярных российских политиков на интернет-платформах поддержки социальных сетей, О. В. Муронец сделала вывод о том, в социальных медиа политики (как и обычные пользователи на собственных интернет-страницах) активно используют визуальный контент [14]. Ученые отмечают важнейшую роль современных интернет-платформ социальных медиа не только в конструировании [10, с. 99] и продвижении политического имиджа [4, с. 175], но и в определении оценки результативности формируемого имиджа политического актора [19, с. 239], что говорит о комплексном и универсальном характере воздействия социальных медиа на политический имидж. Особенно подчеркнем возможность социальных медиа в кратчайшие сроки установить основные нереализованные властью и политическими деятелями запросы со стороны общества и оперативно среагировать на них [24, с. 336]. Причем сетевой политический имидж в этом случае может также выступать и определенным индикатором подобных запросов, в зависимости от того, какую общественную реакцию вызывает его знаково-символическое содержание.

Объектами исследования политического имиджа нередко выступают как лидеры

общенационального [2; 18; 22; 30; 31], так и регионального, и местного [6; 7; 8] уровней. Например, Г. С. Филаткина рассматривает коммуникационную стратегию никарагуанского правительства, возглавляемого Даниэлем Ортегой [22], а в работе А. В. Раскина анализируются имиджи американских общенациональных политиков [18]. Т. Б. Карпова, изучая имидж региональных политиков, анализирует основные характеристики речевых доминант, выраженных в коммуникативных практиках, используемых ими в сетевом пространстве [7].

Вместе с тем, несмотря на наличие целого ряда научных исследований по заданной проблематике, теме изучения политического имиджа региональных лидеров отведено еще недостаточно внимания, особенно — анализу возможностей и рисков использования лидерами регионального уровня современных интернет-платформ социальных медиа. Данные платформы позволяют выстраивать перманентный, интенсивный диалог с обществом в плане освещения текущей деятельности регионального лидера, а от степени активности и открытости представителя власти в сетевом коммуникативном пространстве нередко зависит не только восприятие обществом его имиджа, но и уровень его поддержки, а также — имидж и уровень доверия центральной власти и государству в целом. Важнейшую роль для имиджа регионального лидера играет и выбор конкретных тематических направлений и ролевых стратегий в ходе сетевой коммуникации в публичном пространстве, готовность обсуждать актуальные для общества вопросы. В данной работе представлена попытка качественно-количественного анализа коммуникационной активности главы субъекта Российской Федерации на одной из современных платформ поддержки социальных медиа («Инстаграм»). В ней изучается набор основных функционально-ролевых, содержательно-смысловых конструкторов, используемых политическим лидером, а также доля внимания к тем или иным смысловым конструкторам и степень доверия к ним со стороны общества (а именно: аудитории указанной сетевой платформы).

Материалы и методы

В качестве концептуальной базы исследования задействуется теория информационного общества, фокусирующая основное внимание на вопросах использования информационных технологий для «решения организационных проблем в рамках отдельных политических процессов, например, в ходе организации и проведения выборов» [20, с. 747].

Кроме того, в работе используется концепт «сетевой имидж» [12] или «цифровой имидж», представляющий собой такой содержательно-смысловой и знаково-символический конструктор, который формируется в результате обработки всех оставленных политическим актором в интернет-пространстве цифровых следов [23, с. 16]. Еще один актуальный концепт — это «политика цифровизации», в основном ракурсе которой находится изучение «политических методов и технологий, применяемых политическими акторами при принятии и реализации управленческих решений и координации общественных процессов» [17, с. 212].

Еще один концепт, применяемый на теоретическом уровне данной работы, — «сетевая идентичность», представляющая собой «отождествление человеком (интернет-пользователем) себя с той или иной группой, созданной в сети; виртуальная самопрезентация» [21, с. 535]. Указанный тип идентичности «как формируемый в политико-коммуникативном пространстве интернета символично-смысловой конструктор, воплощает в себе черты, присущие сети как структурному принципу организации» [5, с. 91–92].

В целом обозначенная в этой части работы теоретико-концептуальная основа охватывает несколько тематических блоков исследования. С одной стороны, теория информационного общества раскрывает общие особенности современной сетевой

коммуникации в публичном пространстве политики. С другой стороны, концепт «сетевой имидж» обобщает совокупность действий политических лидеров и представителей их команды по осуществлению эффективной коммуникации в сетевом публичном поле, а концепт «сетевая идентичность» позволяет сконцентрировать внимание на особенностях и закономерностях процессов, связанных с политическим сознанием общества в условиях цифровизации политического пространства.

Знаково-символическое наполнение имиджа политических акторов и идентичности индивидов, групп и общества в целом нередко тесно переплетены между собой. Не случайно Й. Хоффманн и Ю. Раупп в одной из своих работ формулируют вопрос о том, нужно ли отождествлять имидж с идентичностью [32, с. 462]. С одной стороны, фиксируемые в имидже политика идейно-смысловые конструкты становятся маркерами для самоидентификации и ассоциирования индивидами и группами себя с этими политическими лидерами. С другой стороны, конструирование имиджа происходит с учетом уже сложившихся идентичностей. Более того, от эффективного учета особенностей идентификационных процессов, происходящих в конкретном обществе, зависит успех в продвижении положительного имиджа политического деятеля.

Эмпирическую основу исследования составил качественно-количественный тип контент-анализа, смысловой единицей аналитического наблюдения которого стал тематический имиджево-ролевой конструкт (под ним подразумевается обобщенная совокупность содержательно-смысловых компонентов и символов, с помощью которых демонстрируются позиция и действия лидера в отношении целого ряда вопросов различной функционально-тематической направленности), а единицей счета — сообщения, размещаемые региональным лидером на интернет-платформе социальных медиа «Инстаграм». Информационный массив исследования составили записи, размещенные на официальной странице губернатора Нижегородской области Г.С. Никитина на данной интернет-платформе¹ в период с 16 октября 2020 г. по 2 мая 2021 г. Относительно небольшой временной диапазон наблюдения объясняется качественным типом анализа комплексного ряда данных, включающих в себя фото-, видео- и текстовый контент. Процесс наблюдения за ключевыми индикаторами (основными метриками социальных медиа: количество «лайков» и комментариев) проводился в апреле–мае 2021 г., поэтому основные количественные данные статистики приводятся именно на момент апреля–мая 2021 г.

В дополнение к контент-анализу использован метод сравнительного анализа. Он позволит сравнить статистические показатели частоты использования имиджево-ролевых конструктов в сообщениях главы Нижегородской области и выявить наиболее часто задействуемые из них. Кроме того, обозначенный метод позволит установить, какие из используемых смысловых конструктов вызывают повышенный интерес среди аудитории «Инстаграм»-платформы, а также те смысловые конструкты, которые получают наивысшую степень одобрения со стороны общества. Выбор указанных эмпирических методов отвечает основным задачам исследования.

Результаты

В ходе проведенного мониторинга выбранного информационного массива проанализировано 49 записей, размещенных на официальной странице Г.С. Никитина в «Инстаграм». Повторимся, на наш взгляд, обозначенная выборка удовлетворяет требованиям проведения исследования с применением качественного анализа фото-, видео- и текстового контента (с последующим использованием количественных техник анализа).

¹ Официальная страница Г.С. Никитина в Instagram [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/gsnikitin> (дата обращения: 04.04.2021).

В ходе рассмотрения информационного массива установлено, что в день на интернет-странице губернатора в «Инстаграм», как правило, публиковалось по одной записи и только в один из дней наблюдений количество сообщений, размещенных на интернет-странице составило 2. Если статистически рассматривать исключительно те дни, когда были размещены какие-либо сообщения (всего — 48 дней), то в среднем на официальной странице главы региона размещались по 1,02 сообщения в день, медианное значение равно единице. В среднем сообщения, размещаемые на интернет-странице регионального лидера в «Инстаграм» получают 12 067 «лайков» (медианное значение равно 7191). Пользователи данной интернет-платформы оставляют в среднем 1950 комментариев под записями главы региона (медианное значение равно 1478).

Качественный анализ записей, размещенных на официальной странице Г. С. Никитина в «Инстаграм», позволил определить перечень имиджево-ролевых конструктов, которые отражены в этих сообщениях (отметим, что в одном подобном сообщении может содержаться сразу несколько выявленных имиджево-ролевых конструктов), среди которых:

- 1) «организатор» (например, подобный имиджево-ролевой конструкт представлен в сообщении, посвященном призыву к жителям области выбрать территорию для благоустройства и проголосовать на сайте golosza.ru¹);
- 2) «кризисный менеджер» (записи, посвященные мерам по борьбе с распространением в регионе коронавирусной инфекции²);
- 3) «командный игрок» (например, в сообщении от 26 ноября 2020 г. губернатор рассказывает о рабочей встрече и переговорах с Президентом РФ В. В. Путиным в Сарове³; кроме того, глава региона интенсивно взаимодействует с представителями органов федеральной исполнительной власти⁴);
- 4) «болельщик» (сообщения о выступлениях местных спортивных команд⁵);
- 5) «открытый лидер, слышащий общество» (например, в сообщении, опубликованном главой региона 12 января 2021 г., он отвечает на вопрос жителей области и города Нижнего Новгорода о дальнейшем благоустройстве столицы региона к 800-летию города⁶);
- 6) «хозяйственник» (в частности, запись от 18 января 2021 г. посвящена вопросам жилищно-коммунального хозяйства в Бутурлинском и Гагинском районах Нижегородской области⁷);
- 7) «человек, знающий и чтущий историю страны/города» (например, 12 марта 2021 г. губернатор сообщил своим подписчикам об учреждении Агентства по сохранению и развитию объектов исторической среды Нижегородской области, подчеркнув необходимость и значимость сохранения исторической идентичности города⁸);
- 8) «строитель» (в частности, в записи, датированной 22 марта 2021 г., Г. С. Никитин сообщил о подготовке строительства в Нижегородской области экологичного электрометаллургического комплекса⁹);
- 9) «человек, интересующийся культурой и искусством» (в одной из записей глава региона рассказывает о посещении культурного мероприятия, организованно-

¹ Там же. URL: <https://www.instagram.com/p/COKh66AJ9G7/> (дата обращения: 04.05.2021).

² Там же. URL: <https://www.instagram.com/p/CGkXdHOp5zX/> (дата обращения: 04.05.2021).

³ Там же. URL: <https://www.instagram.com/p/CIeHjf0pcYG/> (дата обращения: 04.05.2021).

⁴ Там же. URL: <https://www.instagram.com/p/CIxdexjpdfz/> (дата обращения: 04.05.2021).

⁵ Там же. URL: <https://www.instagram.com/p/CKwtCfxJo4Z/> (дата обращения: 04.05.2021).

⁶ Там же. URL: <https://www.instagram.com/p/CJ8vpaMJ8KZ/> (дата обращения: 04.05.2021).

⁷ Там же. URL: <https://www.instagram.com/p/CKLJmmApyJe/> (дата обращения: 04.05.2021).

⁸ Там же. URL: <https://www.instagram.com/p/CMUzDgghlGe/> (дата обращения: 04.05.2021).

⁹ Там же. URL: <https://www.instagram.com/gsnikitin/> (дата обращения: 04.05.2021).

го МХТ имени Чехова в Нижнем Новгороде, а также перечисляет тех представителей культуры и искусства, которые посетят город в текущем, юбилейном году¹);

10) «лидер, устремленный в будущее» (например, 2 декабря 2020 г. глава региона рассказал о своем участии в заседании организационного комитета по подготовке к празднованию 800-летнего юбилея Нижнего Новгорода, обратив внимание на то, какое наследие оставит это событие для будущих поколений нижегородцев²);

11) «семьянин» (записи, посвященные семье главы региона³) и т. д.

Список наиболее активно используемых тематических имиджево-ролевых конструктов, представленных в записях главы региона на его официальной интернет-странице в «Инстаграм», отражен в табл. 1.

Обращает на себя внимание ошутимое преобладание сообщений, где выражен имиджево-ролевой конструкт «организатор», за ним (с существенным отставанием) в диапазоне 8 процентных пунктов расположены «открытый лидер, слышащий общество», «кризисный менеджер», «хозяйственник» и «строитель».

Об интересе со стороны аудитории «Инстаграм» к тому или иному имиджево-ролевому конструкту свидетельствует количество комментариев, оставленных пользователями платформы под записями губернатора области, в которых отражены данные конструкты. Отметим, что предварительно рассчитывался медианный показатель количества комментариев каждого смыслового конструкта из всей совокупности сообщений (где выражен данный смысловой конструкт), а затем была найдена доля каждого из смысловых конструктов от совокупного показателя, составленного из всех медианных значений, рассчитанных для каждого из имиджево-ролевых конструктов.

Таблица 1

Имиджево-ролевые конструкты в информационных сообщениях, размещенных на официальной странице Г. С. Никитина в «Инстаграм»

Table 1. Image-role constructs in information messages posted on the G. S. Nikitin's official page on Instagram

Имиджево-ролевые конструкты	Доля сообщений от общего числа записей, %
«Организатор»	40,82
«Открытый лидер, слышащий общество»	28,57
«Кризисный менеджер»	26,53
«Хозяйственник»	24,49
«Строитель»	20,41
«Командный игрок»	18,37
«Человек, знающий и чтущий историю страны/города»	10,20
«Семьянин»	8,16
«Человек, интересующийся культурой и искусством»	8,16
«Болельщик»	4,08
«Лидер, устремленный в будущее»	4,08

¹ Там же. URL: <https://www.instagram.com/p/CNwgmTSJRh/> (дата обращения: 04.05.2021).

² Там же. URL: <https://www.instagram.com/p/CISpEHhJN6J/> (дата обращения: 04.05.2021).

³ Там же. URL: <https://www.instagram.com/p/CIKvBмерOZc/> (дата обращения: 04.05.2021).

Соответствующие данные представлены в табл. 2.

Отметим отсутствие среди наиболее дискуссионных имиджево-ролевых конструктов ощутимого преобладания какого-либо одного из них: в пределах 3,3 процентных пункта расположены «кризисный менеджер», «организатор», «командный игрок», «строитель», «открытый лидер, слышащий общество» и «хозяйственник». Практически все указанные имиджево-ролевые конструкты активно используются в записях главы региона (хотя среди записей ощутимо преобладает тематически-ролевой конструкт «организатор»).

Уровень поддержки различных имиджево-ролевых конструктов определен по количеству «лайков», оставленных пользователями платформы под сообщениями Г. С. Никитина. Процедура расчета популярности сообщений аналогична той, которая использовалась при определении наиболее комментируемых записей. Соответствующая статистика представлена в табл. 3.

Таблица 2

Имиджево-ролевые конструкты, представленные в записях Г. С. Никитина в «Инстаграм», вызвавшие наибольший интерес аудитории

Table 2. The image-role constructs presented on the G. S. Nikitin's official page on Instagram, which aroused the greatest interest of the audience

Имиджево-ролевые конструкты	Медианная доля сообщений от общего числа записей, %
«Кризисный менеджер»	13,62
«Организатор»	11,06
«Командный игрок»	11,02
«Строитель»	10,84
«Открытый лидер, слышащий общество»	10,84
«Хозяйственник»	10,32
«Человек, знающий и чтущий историю страны/города»	9,86
«Семьянин»	9,26

Таблица 3

Имиджево-ролевые конструкты, представленные в записях Г. С. Никитина в «Инстаграм», получившие наибольшую поддержку аудитории

Table 3. The image-role constructs presented on the G. S. Nikitin's official page on Instagram, which received the most support from the audience

Имиджево-ролевые конструкты	Медианная доля сообщений от общего числа записей, %
«Семьянин»	25,61
«Лидер, устремленный в будущее»	13,70
«Хозяйственник»	7,85
«Открытый лидер, слышащий общество»	7,70
«Кризисный менеджер»	7,01
«Человек, интересующийся культурой и искусством»	6,99
«Организатор»	6,92
«Строитель»	6,88

С осязаемым отрывом наиболее популярным среди интернет-аудитории «Инстаграм» (в течение наблюдаемого периода времени) имиджево-ролевым конструктом стал «семьянин», за ним (с существенным отставанием) — «лидер, устремленный в будущее». Остальные имиджево-ролевые конструкты получили меньший уровень поддержки (причем, в диапазоне одного процента расположены сразу 6 тематических конструктов). Интерпретация полученных результатов проведена в последующей части работы.

Обсуждение

Анализ статистических данных позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, наиболее активно используемые губернатором области имиджево-ролевые конструкты гармонично соотносятся с присущим ему типом лидерства: молодой и активный руководитель, инициирующий запуск новых проектов и программ развития, интенсивно вовлеченный в процесс организации подготовки к празднованию юбилея города, энергично взаимодействующий с органами федеральной власти, нередко обращающийся к обществу с призывом к участию в решении общественно значимых вопросов (в этом проявляется смысловой конструкт «организатор»). Он активно взаимодействует с гражданами не только посредством обращения к обществу, но и реагируя на запросы со стороны самого общества (на что нередко обращается внимание в записях, размещаемых на его интернет-странице в «Инстаграм»), что содержательно воплощено в имиджево-ролевом конструкте «открытый лидер, слышащий общество». Глава региона часто рассказывает и объясняет смысл принимаемых мер по борьбе с распространением коронавирусной инфекции (это отражено в смысловом конструкте «кризисный менеджер»), энергично занимается решением вопросов жилищно-коммунального хозяйства как в самой столице региона, так — и по области в целом (смысловой конструкт «хозяйственник»), открывает строительство новых объектов социального и экономического развития («строитель»), а также активно взаимодействует с представителями органов федеральной власти («командный игрок»).

В целом отмечается широкий и разнообразный набор имиджево-ролевых конструктов «открытый лидер, слышащий общество», «кризисный менеджер», «хозяйственник» и «строитель», составляющих содержание представленного в интернет-пространстве имиджа главы региона, что соответствует сетевому характеру политического имиджа, который формируется в условиях современного сетевого общества. Более того, разнообразие имиджево-ролевых конструктов придает имиджу лидера динамичность и частичную сменяемость (что проявляется в использовании в одном сообщении сразу нескольких имиджево-ролевых конструктов). В этом находит воплощение такое свойство современного общества и происходящих в нем политических процессов и закрепленных политических отношений, как мобильность. С другой стороны, в представленном наборе имиджево-ролевых конструктов присутствует главенствующий смысловой конструкт («организатор»), что не совсем созвучно идее сетевого имиджа, которому теоретически свойственна децентрализация, т.е. отсутствие некоего центрального функционально-смыслового конструкта. Таким образом, для имиджа губернатора области характерны как сетевые (универсалистские) черты, так и централистские (с наличием одного доминирующего имиджево-ролевого конструкта).

Широкий набор используемых в записях главы региона в «Инстаграм» имиджево-ролевых конструктов свидетельствует и о ситуативности политического имиджа главы региона, что неслучайно, так как размещаемые на его официальной интернет-странице сообщения часто касаются описания текущей деятельности в рамках выполнения им служебных функций. Ситуативность и существенное влияние информационной повестки дня также являются одними из важнейших атрибутов по-

литической коммуникации в условиях современного сетевого общества. Вместе с тем отметим, что в структуре изучаемого политического имиджа главы региона существует функционально-смысловое ядро (содержащее имиджево-ролевой конструкт «организатор») и окружающая его оболочка (включающая другие имиджево-ролевые конструкты, такие, например, как «открытый лидер, слушающий общество», «кризисный менеджер», «хозяйственник», «строитель» и т. д.). Имиджево-ролевой конструкт, расположенный в этом ядре, часто используется для освещения разных событий и описания состояния конкретных вопросов развития области. При этом в указанных целях активно используются и другие имиджево-ролевые конструкты, выбор каждого из которых связан с тематикой и задачами, на выполнение которых нацелено размещение конкретного сообщения. Чем чаще в записях используется тот или иной составляющий оболочку вокруг функционально-смыслового ядра имиджево-ролевой конструкт, тем ближе он расположен к этому ядру.

Кроме того, если данное функционально-смысловое ядро занимает по своему масштабу господствующее положение, а окружающая его оболочка включает в себя некоторое количество крайне редко используемых имиджево-ролевых конструктов (т. е. когда в сообщениях в подавляющем большинстве случаев используется только один или два имиджево-ролевых конструкта), то в таком случае целесообразно говорить об отсутствии ситуативности и существенного влияния информационной повестки дня на содержание политического имиджа. И наоборот: если функционально-смысловое ядро содержит в себе один или два имиджево-ролевых конструкта (используемых чаще остальных, но не являющихся господствующими в общей семантике записей), а окружающая ядро оболочка включает в себя целый ряд активно (хотя и реже основных, входящих в ядро) используемых имиджево-ролевых конструктов, то в таком случае можно говорить о ситуативности содержания политического имиджа и влиянии на него особенностей информационной повестки дня. В рассматриваемой в данной работе структуре политического имиджа регионального лидера оболочка, расположенная вокруг функционально-смыслового ядра, включает в себя целый ряд активно используемых имиджево-ролевых конструктов, что говорит о ситуативности содержания рассматриваемого политического имиджа.

Во-вторых, равномерно распределенный интерес аудитории к используемым на интернет-странице губернатора имиджево-ролевым конструктам в целом может говорить об отсутствии среди аудитории повышенного внимания к тому или иному вопросу или теме развития региона. Отметим, что наименования первых шести смысловых конструктов из двух представленных выше списков имиджево-ролевых конструктов совпадают (хотя порядок их расположения отличен друг от друга), что свидетельствует о внимании главы региона к основным темам развития области, которые вызывают определенный интерес со стороны общества (возможно, именно этим объясняется отсутствие повышенного интереса аудитории «Инстаграм» к какой-либо одной конкретной содержательно-смысловой ролевой конструкции).

Кроме того, одним из объяснений равномерного распределения интереса аудитории к целому ряду имиджево-ролевых конструктов, представленных в сообщениях главы региона, может выступать распространение в современном обществе сетевого типа идентичности, когда индивид ассоциирует себя не с какой-либо одной темой или идеей, выполняющей централистскую функцию, а с целым рядом подобных тем и идей. Данная закономерность транспонируется и на уровень восприятия отдельного имиджа политика: индивид в сетевом обществе ассоциирует себя с тем или иным лидером, в содержании имиджа которого представлен целый ряд функционально-смысловых, знаково-символических конструктов. Следовательно, наличие разнообразного набора подобных смысловых конструктов способно усилить положительный имидж политического лидера в сетевом коммуникативном поле.

В-третьих, наибольшее одобрение среди всех сообщений, размещенных на официальной странице главы области, вызвали записи, посвященные семье (это может быть объяснено персоналистским характером изучаемой интернет-платформы (как и многих других социальных медиа) и повышенной поддержкой (количеством «лайков») именно личных и семейных историй и событий в целом). На втором месте записи, объединенные таким имиджево-ролевым конструктом, как «лидер, устремленный в будущее» (что может быть обусловлено наличием коронавирусных ограничений в регионе и желанием жителей области «заглянуть вперед», в тот момент в будущем, когда указанные ограничения могут быть отменены). Отмечается, что ни первый, ни второй обозначенные имиджево-ролевые конструкты не входят в число наиболее часто используемых на официальной интернет-странице губернатора. Здесь целесообразно привести еще одну таблицу, где будут отражены списки с имиджево-ролевыми конструктами, (а) активно используемыми на официальной странице губернатора области, (б) вызвавшими повышенный интерес со стороны аудитории и (в) получившими ее наивысшую поддержку. Данные представлены в табл. 4.

Соотношение данных первого и третьего столбцов позволяет сформулировать несколько возможных рекомендаций по усилению положительного имиджа главы региона. В частности, увеличение записей, посвященных личным, семейным историям и событиям, способно усилить положительное восприятие имиджа лидера в «Инстаграм». Впрочем, подобное изменение необходимо выполнять крайне осторожно, постоянно фиксируя динамику изменения степени одобрения записей и детально анализировать содержание комментариев, оставляемых аудиторией интернет-платформы. Кроме того, положительное влияние на имидж главы региона может

Таблица 4

Показатели имиджево-ролевых конструктов, представленных в записях Г. С. Никитина в «Инстаграм»

Table 4. Statistical indicators of image-role constructs presented in the records of G. S. Nikitin on Instagram

Наиболее часто используемые имиджево-ролевые конструкты	Имиджево-ролевые конструкты, вызвавшие повышенный интерес аудитории	Имиджево-ролевые конструкты, получившие наибольшее одобрение аудитории
«Организатор»	«Кризисный менеджер»	«Семьянин»
«Открытый лидер, слышащий общество»	«Организатор»	«Лидер, устремленный в будущее»
«Кризисный менеджер»	«Командный игрок»	«Хозяйственник»
«Хозяйственник»	«Строитель»	«Открытый лидер, слышащий общество»
«Строитель»	«Открытый лидер, слышащий общество»	«Кризисный менеджер»
«Командный игрок»	«Хозяйственник»	«Человек, интересующийся культурой и искусством»
«Человек, знающий и чтущий историю страны/города»	«Человек, знающий и чтущий историю страны/города»	«Организатор»
«Семьянин»	«Семьянин»	«Строитель»

оказать и увеличение количества записей, в которых лидер рассказывает о стратегических и ближайших планах развития региона. При этом важно отталкиваться от текущих событий в регионе и показателей развития с указанием четкого перечня шагов и степени их выполнимости, так как рассказ о целях должен быть предметным и предельно отчетливым. В качестве одной из возможных технологий здесь может быть эффективна демонстрация (например, с помощью фотоконтента) динамики изменений (по принципу: «было-стало») ситуации и/или состояния того или иного объекта.

Заключение

Цифровизация и сетевизация политико-коммуникативного пространства оказывает существенное влияние на деятельностные аспекты его основных акторов. Не остается в стороне от этого влияния и имидж современного политического субъекта: его структура и состав, технологии формирования и распространения, каналы трансляции и способы демонстрации и восприятия обществом претерпевают существенные изменения под воздействием сетевой коммуникативной среды. Интернет-пространство является важнейшим каналом распространения мультимодальных форм имиджа политического субъекта, используемое как лидерами федерального, так и регионального уровня. Причем для региональных лидеров современные интернет-платформы выполняют особую роль во взаимодействии с обществом по поводу их текущей деятельности, формируя определенный имидж самого лидера региона. Это актуализирует задачу анализа пользовательской активности региональных лидеров в интернет-пространстве и выявления основных имиджево-ролевых конструктов, представляющих собой генерализованную совокупность содержательно-смысловых компонентов и символов, с помощью которых демонстрируется позиция и действия лидера в отношении целого ряда вопросов различной функционально-тематической направленности. В проведенном исследовании установлен набор наиболее часто используемых смысловых, ролевых конструктов, составляющих содержание имиджа губернатора Нижегородской области Г. С. Никитина, доминирующее место среди которых занимает имиджево-ролевой конструкт «организатор», что объясняется типом лидерства, присущим главе региона. Среди используемых смысловых, ролевых конструктов имиджа лидера повышенное внимание среди аудитории вызывают следующие конструкты: «кризисный менеджер», «организатор», «командный игрок», «строитель», «открытый лидер, слушающий общество» и «хозяйственник», но при этом особой доминации какого-либо из указанных функционально-тематических направлений в течение рассматриваемого периода не наблюдается. Наибольшую поддержку со стороны аудитории получают записи главы региона, где отражены такие функционально-смысловые конструкты, как «семьянин» и «лидер, устремленный в будущее».

Проведение качественного-количественного анализа, подобного тому, который осуществлен в данном исследовании, позволяет установить особенности функционально-смыслового содержания имиджа регионального лидера и восприятие этого имиджа многочисленной интернет-аудиторией. Более того, подобный анализ способствует выявлению сложившихся общественных запросов жителей рассматриваемого региона и помогает оперативно среагировать на них, продемонстрировав это взаимодействие в сетевом коммуникативном поле. Среди дополнительных направлений исследований следует выделить проведение качественного анализа комментариев пользователей социальных медиа, оставленных под записями регионального лидера. Это позволит не только подробно проанализировать качество обратной связи в процессе коммуникации между властью и обществом, но и определить, какой образ власти формируется в обществе под влиянием распространения в сетевом поле

того или иного имиджа и воплощенного в нем функционально-ролевого, смыслового конструкта.

Литература

1. *Белинский А. В.* Проблемы формирования положительного имиджа современного политика // Вестник Пермского университета. Политология. 2012. № 1 (17). С. 150–155.
2. *Василенко С. А., Дебольская А. А.* Женщина-политик: эволюция имиджа на примере Терезы Мэй и Юлии Тимошенко // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9. № 3 (32). С. 33–36.
3. *Демочко С. В.* Имидж идеального политика в глазах российских избирателей: данные социологических опросов // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2014. № 24. С. 41–45.
4. *Ефанова Е. В.* Социальные медиа в американской публичной политике (на примере социальной сети Twitter) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 3. С. 172–179.
5. *Каминченко Д. И.* Типы сетевой идентичности в современном обществе // Современное российское общество: социально-политические тренды и вызовы: материалы конференции / общ. ред. Т. С. Акоповой; Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль : ЯРГУ, 2019. С. 90–95.
6. *Канюков А. Н.* Убедить россиянина. Структура убеждающего воздействия в формировании имиджевых характеристик депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 2. С. 124–146.
7. *Карпова Т. Б.* Пермский политический дискурс в сети Интернет глазами лингвиста // Медиаскоп. 2011. № 1. С. 11.
8. *Константинова А. Н., Кириллина Т. И.* Построение аттрактивного имиджа регионального политика (на примере имиджа Президентов Якутии) // Актуальные вопросы экономики и управления. Материалы V Международной научно-практической конференции / общ. ред. Н. Р. Балынской. Магнитогорск, 2020. С. 114–119.
9. *Кулиш Н. А.* Твиттер-дипломатия в системе современных международных отношений // Научные записки ОрелГИЭТ. 2020. № 4 (36). С. 76–85.
10. *Ленец А. В., Сергеева Д. С.* Языковая манифестация коммуникативной стратегии дискредитации как способа конструирования имиджа политика в виртуальном пространстве (на материале предвыборных твитов Д. Трампа) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 52. С. 98–111.
11. *Малышев Д. А.* Воздействующий потенциал новостных телевизионных текстов на раннем этапе избирательной кампании // Медиаскоп. 2016. № 1. С. 1.
12. *Медведева М. В.* Сетевой имидж как новая форма политической коммуникации (на примере выборов Президента РФ 2018 г.) // Молодежная политическая наука в Саратове. Ежегодник научных статей по проблемам политической теории и практики студентов, магистрантов, аспирантов саратовских вузов. Саратов, 2018. С. 63–67.
13. *Моисеев А. Н.* Роль социальных сетей в формировании политического имиджа // Актуальные вопросы социально-экономического развития и правового регулирования в регионе. Сборник научных статей / отв. ред. Г. Л. Белов. Чебоксары, 2020. С. 94–97.
14. *Муронец О. В.* Контент социальных сетей: тенденции и закономерности // Медиаскоп. 2015. № 3. С. 6.
15. *Неклюдова Е. А.* Невербальная составляющая имиджа современного регионального политика // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 1 (94). С. 80–90.
16. *Пищева Т. Н.* Политические образы: проблемы исследования и интерпретации // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 47–52.
17. *Попова Е. А., Ночевка А. А.* Цифровые трансформации политического управления: развитие онлайн-сервисов // Государственное и муниципальное управление. Уч. зап. 2020. № 4. С. 212–215.
18. *Раскин А. В.* Кризисные явления американской политики в освещении СМИ // Медиаскоп. 2008. № 1. С. 29.
19. *Синекокая Н. А.* Имидж политика, формируемый в современных электронных СМИ (на примере женщин-политиков Германии) // Филология и просветительство. научное, педагогическое, краеведческое наследие Н. М. Лебедева. Материалы конференции. 2017. С. 235–242.

20. *Современная политическая наука: Методология: науч. изд. / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. 2-е изд. М. : Аспект Пресс, 2020. 776 с.*
21. *Фадеева Л. А. Сетевая идентичность / Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. М. : Весь мир, 2017. С. 535–539.*
22. *Филаткина Г. С. Коммуникационная стратегия президента Никарагуа Даниэля Ортеги // Медиаскоп. 2014. № 1. С. 3.*
23. *Чижов Д. В. Векторы развития электронной электоральной демократии // Информационное общество. 2019. № 3. С. 11–22.*
24. *Чижов Д. В. Формирование имиджа российских политических партий в сети интернет // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1 (131). С. 313–338.*
25. *Шмелева О. Ю. «Образ государства» как категория политической науки: теоретико-методологические аспекты изучения // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2017. Т. 13. № 4. С. 23–36.*
26. *Шомова С. А. Ключ к власти (Архетипические паттерны политической риторики) // Медиаскоп. 2014. № 3. С. 13.*
27. *Boomgaarden H. G., Boukes M., Iorgoveanu Au. Image versus text: How newspaper reports affect evaluations of political candidates // International Journal of Communication. 2016. Vol. 10. P. 2529–2555.*
28. *De Landtsheer Ch., De Vries Ph., Vertessen D. Political impression management: How metaphors, sound bites, appearance effectiveness, and personality traits can win elections // Journal of Political Marketing. 2008. Vol. 7. N 3–4. P. 217–238.*
29. *Diehl P. Das politische Imaginäre und die politische Repräsentation // Österreichische Zeitschrift für Sociologie. 2019. Vol. 44. Spec. Is. 2. P. 37–55.*
30. *Gackowski T. Political image as the substance of the political communication in the Era of Post // Online Journal of Communication and Media Technologies. 2013. Vol. 3. Is. 4. P. 43–60.*
31. *Guzman F., Sierra V. A political candidate's brand image scale: Are political candidates brands? // Journal of Brand Management. 2009. Vol. 17. N 3. P. 207–217.*
32. *Hoffmann J., Raupp J. Politische Personalisierung // Publizistik. 2006. Vol. 51. N 4. P. 456–478.*
33. *Lindholm J., Carlson T., Högväg J. See Me, Like Me! Exploring viewers' visual attention to and trait perceptions of party leaders on Instagram // The International Journal of Press/Politics. 2020. Vol. 26. Is. 1. P. 167–187.*
34. *Nimmo D. Political image makers and the mass media // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1976. Vol. 427. P. 33–44.*
35. *Sülflow M., Esser F. Visuelle Kandidatendarstellung in Wahlkampfbeiträgen deutscher und amerikanischer Fernsehsender — Image Bites, Rollenbilder und nonverbales Verhalten // Publizistik. 2014. Vol. 59. N 4. P. 285–306.*
36. *Vowe G., Dohle M. Politische Kommunikation im Umbruch — neue Forschung zu Akteuren, Medieninhalten und Wirkungen // Politische Vierteljahresschrift (PVS) — German Political Science Quarterly. 2007. Vol. 48. N 2. P. 338–359.*

Об авторе:

Каминченко Дмитрий Игоревич, старший преподаватель кафедры прикладного политического анализа и моделирования Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация), кандидат политических наук; dmitkam@inbox.ru

References

1. *Belinskiy A. V. Problems of forming a positive image of a modern politician // Bulletin of Perm University. Political Science [Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya]. 2012. N 1. P. 150–155 (in Rus).*
2. *Vasilenko S. A., Debol'skaya A. A. Woman in politics: evolution of the image based on the example of Theresa May and Yulia Tymoshenko // Azimuth of Scientific Researches: Economics and Management [Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniy]. 2020. Vol. 9. N 3 (32). P. 33–36 (in Rus).*
3. *Demochko S. V. Image of an ideal politician in the eyes of Russian voters: data of sociological surveys // The intellectual potential of the 21st century: stages of knowledge [Intellectual'nyi potentsial XXI veka: stupeni poznaniya]. 2014. N 24. P. 41–45. (in Russ.).*

4. Efanova E.V. Social media in American public policy (on the example of the social network Twitter) // Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations [Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2020. Vol. 25. N 3. P. 172–179. (in Rus).
5. Kaminchenko D.I. Network identity types in modern society / ed. Akopova T.S. Contemporary Russian society: socio-political trends and challenges: Conference proceedings. Yaroslavl, 2019. P. 90–95. (in Rus).
6. Kanyukov A.N. To convince the russians. structure of persuasive influence in shaping image characteristics of St. Petersburg Legislative Assembly deputies // Bulletin of Perm University. Political Science [Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya]. 2018. N 2. P. 124–146. (In Rus).
7. Karpova T.B. Political discourse of the city of Perm in the Internet (a linguist's perspective) // Mediascope [Mediaskop]. 2011. N 1. P. 11. (in Rus).
8. Konstantinova A.N., Kirillina T.I. Building an attractive image of a regional politician (on the example of the image of the Presidents of Yakutia) // Topical issues of economics and management. Conference proceedings / ed. N.R. Balynskaya. Magnitogorsk, 2020. P. 114–119. (in Rus).
9. Kulish N.A. Twitter diplomacy in the system of modern international relations // Scientific Journal of Orel SIET [Nauchnye Zapiski OrelGIET]. 2020. N 4 (36). P. 76–85. (in Rus).
10. Lenets A.V., Sergeeva D.S. Language manifestation of the discrediting communicative strategy as a way of political image formation in the virtual space (as exemplified in pre-election tweets by D. Trump) // Tomsk State University Journal of Philology [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya]. 2018. N 52. P. 98–111. (in Rus).
11. Malyshev D.A. The potential impact of TV News at an early stage of an election campaign // Mediascope [Mediaskop]. 2016. N 1. P. 1. (in Rus).
12. Medvedeva M.V. Network image as a new form of political communication (on the example of Elections of the President of the Russian Federation of 2018) / In: Youth political science in Saratov. Yearbook of scientific articles on the problems of political theory and practice of students, undergraduates, graduate students of Saratov universities [Molodezhnaya politicheskaya nauka v Saratove. Ezhegodnik nauchnykh statey po problemam politicheskoy teorii i praktiki studentov, magistrantov, aspirantov saratovskikh vuzov]. Saratov, 2018. P. 63–67 (in Rus).
13. Moiseev A.N. The role of social networks in shaping political image // Topical issues of socio-economic development and legal regulation in the region. Conference proceedings / ed. G.L. Belov. Cheboksary, 2020. P. 94–97. (in Rus).
14. Muronec O.V. Content of social networks: Trends and patterns // Mediascope [Mediaskop]. 2015. N 3. P. 6. (in Rus).
15. Nekljudova E.A. Nonverbal component of the contemporary Vologda region politician's image // Vestnik ChSU [Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta]. 2020. N 1 (94). P. 80–90. (in Rus).
16. Pishcheva T.N. Political images: Problems of research and interpretation // Polis. Political Studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2011. N 2. P. 47–52. (in Rus).
17. Popova E.A., Nochjovka A.A. Digital transformations of political governance: Development of online services // State and Municipal Management. Scholar Notes [Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski]. 2020. N 4. P. 212–215. (in Rus).
18. Raskin A.V. Media coverage of US policy crisis // Mediascope [Mediaskop]. 2008. N 1. P. 29. (in Rus).
19. Sineokaya N.A. The image of a politician formed in modern electronic media (on the example of female politicians in Germany) / in: Domanskii Yu.V., Berdnikova M.A. (eds.): Philology and enlightenment. Scientific, pedagogical, local history heritage of N.M. Lebedev. Conference proceedings. 2017. P. 235–242. (in Rus).
20. Contemporary Political Science / eds: O.V. Gaman-Golutvina, A.I. Nikitin. M. : Aspekt-Press, 2020. 776 p. (in Rus.).
21. Fadeeva L.A. Network identity // Identity: The individual, society and politics. An encyclopedia / ed. I.S. Semenenko. M. : Whole World, 2017. P. 535–539. (in Rus).
22. Filatkina G.S. Communication strategy of president of Nicaragua Daniel Ortega // Mediascope [Mediaskop]. 2014. N 1. P. 3. (in Rus).
23. Chizhov D.V. Vectors of electoral E-Democracy development // Information society [Informacionnoe obshchestvo]. 2019. N 3. P. 11–22. (in Rus).
24. Chizhov D.V. Formation of the Internet image of Russian political parties // Public Opinion Monitoring [Monitoring obshchestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny]. 2016. N 1 (131). P. 313–338. (in Rus).

25. Shmeleva O.Yu. «The image of the State» as a category of political science: theoretical and methodological aspects of studying // *Politex [Politicheskaja ekspertiza]*. 2017. Vol. 13. N 4. P. 23–36. (in Rus).
26. Shomova S. A. Key to power (archetypal patterns of political rhetoric) // *Mediascope [Mediaskop]*. 2014. N 3. P. 13. (in Rus).
27. Boomgaarden H. G., Boukes M., Iorgoveanu Au. Image versus text: How newspaper reports affect evaluations of political candidates // *International Journal of Communication*. 2016. Vol. 10. P. 2529–2555.
28. De Landtsheer Ch., De Vries Ph., Vertessen D. Political impression management: How metaphors, sound bites, appearance effectiveness, and personality traits can win elections // *Journal of Political Marketing*. 2008. Vol. 7. N 3–4. P. 217–238.
29. Diehl P. Das politische Imaginäre und die politische Repräsentation // *Österreichische Zeitschrift für Sociologie*. 2019. Vol. 44. Spec. Is. 2. P. 37–55.
30. Gackowski T. Political image as the substance of the political communication in the Era of Post // *Online Journal of Communication and Media Technologies*. 2013. Vol. 3. Is. 4. P. 43–60.
31. Guzman F., Sierra V. A political candidate's brand image scale: Are political candidates brands? // *Journal of Brand Management*. 2009. Vol. 17. N 3. P. 207–217.
32. Hoffmann J., Raupp J. Politische Personalisierung // *Publizistik*. 2006. Vol. 51. N 4. P. 456–478.
33. Lindholm J., Carlson T., Högvåg J. See Me, Like Me! Exploring viewers' visual attention to and trait perceptions of party leaders on Instagram // *The International Journal of Press/Politics*. 2020. Vol. 26. Is. 1. P. 167–187.
34. Nimmo D. Political image makers and the mass media // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1976. Vol. 427. P. 33–44.
35. Süllow M., Esser F. Visuelle Kandidatendarstellung in Wahlkampfbeiträgen deutscher und amerikanischer Fernsehsender — Image Bites, Rollenbilder und nonverbales Verhalten // *Publizistik*. 2014. Vol. 59. N 4. P. 285–306.
36. Vowe G., Dohle M. Politische Kommunikation im Umbruch — neue Forschung zu Akteuren, Medieninhalten und Wirkungen // *Politische Vierteljahresschrift (PVS) — German Political Science Quarterly*. 2007. Vol. 48. N 2. P. 338–359.

About the author:

Dmitriy I. Kaminchenko, Senior Lecturer of Department of Applied Policy Analysis and Modeling of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation), PhD in Political Sciences; dmitkam@inbox.ru

Налоговые доходы в условиях пандемии: падение или рост в перспективе?

Мазур Л. В.^{1, *}, Монашова А. Э.²

¹Московский финансово-промышленный университет «Синергия», г. Москва, Российская Федерация; *lidi.mazur@ya.ru

²Управление Федерального казначейства по Орловской области, г. Орел, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Глобальным фактором, определяющим рецессионный сценарий развития мировой экономики, является коронавирусная пандемия и карантинные меры по предотвращению ее распространения. Необходимость увеличения расходов на социальную сферу и медицину, поддержку бизнеса и сокращение доходных источников в условиях локдауна бизнеса становятся серьезным испытанием для бюджетной системы. В статье рассмотрена динамика налоговых доходов в РФ в 2016–2020 гг. Сформировано представление о будущих налоговых поступлениях в Российской Федерации в условиях экономического кризиса, связанного с пандемией коронавируса.

Ключевые слова: налоги, пандемия, налоговые доходы, бюджетная система, консолидированный бюджет, федеральный бюджет, региональные бюджеты, исполнение бюджета

Для цитирования: Мазур Л. В., Монашова А. Э. Налоговые доходы в условиях пандемии: падение или рост в перспективе? // Управленческое консультирование. 2021. № 8. С. 35–42.

Tax Revenues in a Pandemic: Decline or Growth in the Future?

Lidia V. Mazur^{1, *}, Anastasia E. Monashova²

¹Moscow Financial and Industrial University “Synergy”, Moscow, Russian Federation; *lidi.mazur@ya.ru

²Office of the Federal Treasury for the Orel Region, Orel, Russian Federation

ABSTRACT

It is obvious that today the global factor determining the recessionary scenario for the development of the world economy is the coronavirus pandemic and quarantine measures to prevent its spread. The need to increase spending on the social sphere and medicine, business support and a reduction in revenue sources in the context of a business lockdown are becoming a serious test for the budget system. The article examines the dynamics of tax revenues in 2016–2020. An idea was formed about future tax revenues in the Russian Federation in the context of the economic crisis associated with the coronavirus pandemic.

Keywords: taxes, global pandemic, tax revenues, budget system, consolidated budget, federal budget, regional budgets, budget execution

For citing: Mazur L. V., Monashova A. E. Tax Revenues in a Pandemic: Decline or Growth in the Future? // Administrative consulting. 2021. No. 8. P. 35–42.

Пандемия COVID-19 оказала существенное влияние на все стороны социально-экономического развития практически всех государств¹. Трансформация затронула все сферы жизнедеятельности, существенно изменился механизм обучения практически во всех странах [1; 2], причем для всех категорий учащихся, начиная

¹ Impact of COVID-19 on Various Industries [Электронный ресурс]. May 18, 2020. Lucintel. URL: <https://covid19.who.int/>.

от школьников и заканчивая студентами вузов. Были запущены механизмы антикризисного налогового регулирования [4], основной акцент в которых сделан на меры государственной поддержки и уменьшение административной нагрузки. Существенно увеличились темпы цифровизации, внедрения новых технологий, особенно в сфере информационного посредничества [3].

Пандемия стала, с одной стороны, катализатором для запуска достаточно большого количества инноваций в цифровой сфере, а с другой стороны, существенно ограничила источники доходов бизнеса и населения. Произошел пересмотр подходов к формированию доходов и расходов бюджетных систем. В первую очередь существенно выросли расходы, связанные с необходимостью поддержки бизнеса и населения в условиях пандемии, затраты на медицинские разработки и лечение пациентов, социальную сферу. При этом локдаун бизнеса, закрытие границ для туристов, пересмотр потребительского поведения в сторону экономии, рост уровня безработицы существенно сокращают доходные источники бюджетной системы. На фоне роста расходных обязательств это естественно способствует нестабильности бюджетной системы и поиску источников роста доходов.

Публикуемые в последние месяцы прогнозы развития различных отраслей экономики и стран достаточно противоречивы. Так, например, прогноз МВФ «Перспективы развития мировой экономики», опубликованный 22 апреля 2021 г., достаточно оптимистичен, поскольку прогнозируется рост мировой экономики на 6% и на 4,4% в 2022 г.¹ По оценкам МВФ, экономика выйдет на докризисный уровень к концу 2021 г.

Несмотря на спад в 2020 г. мирового объема производства по всем странам, динамика ВВП в странах с развитой экономикой выглядит разнонаправленно. Среди стран с развитой экономикой самые неблагоприятные значения показателя получены в 2020 г. в Испании (-11%), Великобритании (-9,9%), Франции (-8,2%) и США (-3,5%). При этом, по оценкам МВФ, в 2021 г. для них прогнозируется рост ВВП: Испания и США — на 6,4%, Франция — на 5,8%, Великобритания — на 5,3%. Страной, в которой по итогам 2020 г. наблюдался рост объема производства, является Китай (2,3%). Практически сразу, в начале 2020 г., Китай, взяв под контроль распространение COVID-19, возобновил производство. В 2021 г. для Китая рост ВВП прогнозируется, по оценкам МВФ, на 8,4%.

Исходя из того, что для всех стран на 2021 г. МВФ прогнозирует положительное значение роста объема производства, налоговые доходы во всех странах в перспективе будут расти. Следует отметить, что финансовая поддержка пострадавших отраслей экономики России и населения в сравнении даже с развитыми странами в 2020 г. была достаточно существенна. В ее оказании важную роль сыграла устойчивость бюджетной системы, которая формировалась на протяжении достаточно длительного промежутка времени, о чем свидетельствуют статистические данные (рисунок).

Исходя из того, что налоговые доходы являются ключевыми в структуре бюджетной системы России, а статистические данные свидетельствуют об увеличении роли налоговых доходов в последние годы, и, соответственно, снижении доли неналоговых доходов, немаловажное значение имеет такой показатель, как процент исполнения бюджета по доходам, который имеет в целом неравномерную динамику, но с 2008 г. превышает 100%, что свидетельствует о перевыполнении плановых показателей.

Для Российской Федерации, ориентированной при получении доходов бюджетной системы во многом на нефтегазовые доходы, резкое падение спроса и цен

¹ Международный валютный фонд. Перспективы развития мировой экономики. Апрель 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021>.

Рис. Динамика доходов федерального бюджета за 2008–2019 гг., млрд руб.
 Fig. Dynamics of federal budget revenues for 2008–2019, billion rubles

Источник: Составлено авторами по данным Федерального казначейства

на нефть и другие ресурсы в 2020 г., обусловленное влиянием и последствиями пандемии коронавируса, оказало негативное воздействие на налоговые поступления от внешней торговли. В 2020 г. наблюдалось существенное снижение объемов как экспортных, так и импортных операций. За первое полугодие 2021 г. ситуация по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. существенно улучшилась: наблюдается рост товарооборота на 55,9%, рост экспорта на 73%, импорт увеличился на 33,2%¹.

В отношении импорта основными источниками доходов бюджетной системы являются: НДС (налог на добавленную стоимость), акцизы и таможенные пошлины, причем именно размер налоговой ставки по НДС определяет и роль налога в доходах бюджетной системы. При этом при экспорте по НДС устанавливается ставка в размере 0%.

Вместе с тем, если рассматривать ежемесячную динамику по собираемости налогов на товары, ввозимые на территорию Российской Федерации, то ситуация выглядит не столь критично. Поскольку ежемесячная динамика собираемости налогов на товары, ввозимые на территорию РФ, с июля 2020 г. демонстрирует устойчивую тенденцию превышения показателей над аналогичным уровнем 2019 г., при условии сокращения объема импорта. По нашему мнению, это можно объяснить увеличением спроса и ростом налоговых ставок по акцизам на отдельные группы подакцизных товаров в 2020 г., а также снижением порога беспошлинного ввоза товаров для физических лиц до 200 евро и 31 кг за одну посылку (так, в 2020 г. по сравнению с 2019 г. количество ТПО (таможенных приходных ордеров) увеличилось на 20,9%)².

Необходимо учитывать, что бизнес во всех странах оказался в условиях новой реальности, продиктованной не только ограничительными мерами, но и потреби-

¹ Итоги внешней торговли России. Аналитика за июнь 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru-stat.com/analytics/8466> (дата обращения: 16.08.2021).

² По данным ФТС России: <http://stat.customs.gov.ru/documents>.

тельским поведением, которое сместилось в сторону онлайн-покупок. Данный тренд вызывает необходимость увеличения расходов бизнеса, связанных с совершенствованием технологического оснащения, поскольку торговые онлайн-площадки требуют надежной инфраструктуры. Статистические данные (в 2020 г. покупатели совершили более 2,8 млрд онлайн-заказов — это 7,7 млн заказов в сутки)¹ свидетельствуют о том, что спрос сместился в сторону онлайн-покупки продуктов питания, товаров первой необходимости, средств дезинфекции и индивидуальной защиты.

Следовательно, требования потребителей к удобству сервисов, поисковым системам и безопасности онлайн-терминалов по оплате существенно выросли. Данная тенденция, в свою очередь, обусловила повышение спроса на продукты сферы IT-технологий, что также повлияло на увеличение занятости в данной сфере и рост заработной платы, а также рост доходов соответствующих компаний. Более того, наблюдается рост спроса на платные онлайн-сервисы. Это характерная тенденция особенно для периода самоизоляции, она распространяется как на развлечения, так и на образовательные ресурсы. Также некоторые предприятия сферы услуг пытаются осуществлять деятельность в онлайн-формате. Например, возможно проведение фитнес-тренировок в дистанционном формате. Покупатели обращают внимание и на безопасность офлайн-торговли. Здесь также выросли расходы на обеспечение безопасности покупателей (постоянная дезинфекция помещений, обеспечение средствами индивидуальной защиты сотрудников и покупателей, установка терминалов для самообслуживания и т. д.), все это сокращает налоговую базу.

Исходя из того, что Российская Федерация имеет достаточно существенную межрегиональную дифференциацию экономического потенциала и достаточно большое количество субъектов, важное значение имеет и исполнение региональных бюджетов. На официальном сайте Федерального казначейства опубликованы результаты исполнения региональных бюджетов за 2020 г. Снижение доходов относительно уровня 2019 г. отмечено более чем в 1/3 регионов страны. Снижение собираемости налогов в субъектах РФ в 2020 г. наблюдалось по налогу на прибыль организаций, что обусловлено как ростом расходов в связи с обеспечением мер безопасности, так и сокращением доходов в условиях локдауна бизнеса. Регионами-донорами, которые более чем на 85% формируют свои бюджеты за счет налоговых доходов, являются: г. Москва, Ямало-Ненецкий автономный округ, Тюменская область, г. Санкт-Петербург, Ленинградская область, Республика Коми, Свердловская область, Московская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Красноярский край, Республика Татарстан, Сахалинская область, Самарская область, Краснодарский край, Мурманская область, Пермский край, Ярославская область.

Общей тенденцией является сокращение удельного веса налога на прибыль организаций. Рассмотрим более подробно, каким образом формируются ежемесячные поступления по налогу на прибыль организаций на протяжении 2017–2021 гг. (табл. 1).

Большинство предприятий и организаций вынуждены существенно увеличивать свои расходы на соблюдение мер профилактики и дезинфекцию помещений. Ряд предприятий реального сектора экономики на протяжении 2020 г. был вынужден приостановить свою деятельность в условиях необходимости самоизоляции или перехода на дистанционную работу (невозможности ее осуществления для предприятий, не занятых производством товаров первой необходимости). Наблюдалось сокращение объема доходов хозяйствующих субъектов в условиях пандемии, а с другой стороны, происходило увеличение их расходов. Это способствует снижению

¹ Интернет-торговля. Рынок России [Электронный ресурс]. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Интернет-торговля_\(рынок_России\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Интернет-торговля_(рынок_России)) (дата обращения: 16.08.2021).

Ежемесячная динамика собираемости налога на прибыль организаций в 2017–2021 гг. в Российской Федерации, млрд руб.
Table 1. Monthly dynamics of income tax collection of organizations in 2017–2021 in the Russian Federation, billion rubles

Месяц	2017	2018	2019	2020	2021
Январь	26,7	33,7	49,3	45,0	39,5
Февраль	25,6	37,9	40,92773	41,83245	36,88712
Март	95,53954	136,7	164,5158	240,7977	187,1493
Апрель	54,24871	101,2	209,7749	119,8414	186,1699
Май	102,8428	86,4	74,00563	43,5816	82,06407
Июнь	54,54469	61,8	47,2614	45,77926	105,2086
Июль	87,90478	114,3	142,2011	120,1074	190,5658
Август	64,88001	90,9	111,5164	68,97285	–
Сентябрь	68,89559	74,1	78,54002	94,23236	–
Октябрь	73,08641	115,9	113,3464	105,7343	–
Ноябрь	41,69724	70,0	59,07482	39,4373	–
Декабрь	66,5183	72,8	94,55184	126,0851	–

Источник: Составлено авторами по данным Министерства финансов: <https://minfin.gov.ru/ru>.

налоговых поступлений в бюджетную систему по налогу на прибыль организаций. Также предоставленные предприятиям налоговые льготы, например в виде отсрочки по уплате налога, снижают собираемость налога на прибыль организаций.

Вместе с тем для некоторых отраслей характерно увеличение спроса на их продукцию, что естественно сказывается на росте прибыли. Так, например, льготные программы ипотечного кредитования привели к увеличению спроса на рынке недвижимости, который по сравнению с показателями 2019 г. в 2020 г. демонстрировал рост. В 2021 г. только июнь и июль показали положительную динамику поступлений налога на прибыль организаций по сравнению с предыдущими годами.

При сокращении удельного веса налога на прибыль организаций наблюдается, напротив, рост удельного веса налога на доходы физических лиц (НДФЛ) в доходах региональных бюджетов. При этом официальные данные Федеральной службы государственной статистики свидетельствуют о росте уровня безработицы в 2020 г. А также произошло сокращение размеров заработной платы для сотрудников в связи с вынужденными простоями, вызванными пандемией, необходимостью самоизоляции.

На фоне этой тенденции увеличение собираемости НДФЛ показывает рост заработной платы, причем данный рост в основном обеспечен сотрудниками бюджетной сферы и некоторых отраслей, на продукцию которых увеличен спрос, например, сотрудников IT-компаний, страховых организаций. Наиболее существенное значение на него оказал рост заработной платы медицинского персонала, осуществляющего лечение больных с новой коронавирусной инфекцией. В целом общей тенденцией для населения РФ является сокращение уровня доходов в 2020 г. Ее продолжение характерно и для 2021 г., что обусловлено и существенным уровнем инфляции.

Если говорить о поступлениях налога на доходы физических лиц, то данный показатель на протяжении анализируемого периода времени демонстрирует тенденцию устойчивого роста (табл. 2). На фоне негативных тенденций на рынке труда в 2020 г., связанных с ростом безработицы, сокращением сотрудников сферы услуг (кафе, рестораны, фитнес-центры и т. д.), рост собираемости НДФЛ является позитивным фактором, при условии пропорциональной ставки и ее неизменности в течение длительного периода времени. Изменение нормативно-правовой базы по формированию налоговой базы по НДФЛ, естественно, увеличивает его собираемость в 2021 г., о чем свидетельствуют статистические данные.

Введение прогрессивной шкалы по НДФЛ в 2021 г., расширение налоговой базы также, по мнению авторов, будет способствовать росту налоговых доходов по данному источнику.

Проведенный анализ налоговых доходов бюджетной системы РФ в условиях пандемии показал, что тенденция сокращения налоговых поступлений наблюдается не по всем доходным источникам. Реализуемые в настоящее время государственные программы по поддержке бизнеса и населения дают свои положительные результаты. Естественно, что снижение деловой активности негативно воздействует на налоговые поступления. Но реализуемые в настоящее время программы в ближайшем будущем дадут положительные результаты. Бизнес, переходя на новые IT-технологии и платформы, имеет возможность в будущем сокращать свои затраты, расширять географию продаж, выходить на новые рынки сбыта, что, естественно, будет способствовать росту налоговых поступлений в бюджетную систему.

При этом даже в условиях негативного влияния пандемии в России можно наблюдать положительные тенденции роста физического объема ВВП и валовой

Таблица 2

Ежемесячная динамика собираемости налога на доходы физических лиц в 2017–2021 гг. в Российской Федерации, млрд руб.

Table 2. Monthly dynamics of personal income tax collection in 2017–2021 in the Russian Federation, billion rubles

Месяц	2017	2018	2019	2020	2021
Январь	156	185	201	216	198
Февраль	245	277	304	324	361
Март	257	288	303	365	379
Апрель	261	304	352	287	429
Май	262	279	304	262	330
Июнь	280	298	310	319	392
Июль	322	371	409	434	–
Август	245	278	288	329	–
Сентябрь	239	262	288	326	–
Октябрь	263	305	328	360	–
Ноябрь	269	304	315	354	–
Декабрь	452	502	552	677	–

Источник: Составлено авторами по данным Министерства финансов <https://minfin.gov.ru/ru>.

добавленной стоимости относительно уровня 2019 г. в таких отраслях, как сельское хозяйство, информационные технологии, финансовая и страховая деятельность, социальное обеспечение. Бизнес вынужден адаптироваться к условиям новой реальности, быть более внимательным к потребителям, реагировать на изменение спроса. Закрытие внешних границ для туризма привело к росту туристического спроса внутри страны, построению новых маршрутов. Онлайн-торговля стимулирует в том числе и развитие логистических фирм. Наблюдается тенденция формирования спроса на рынке труда, обусловленная новой реальностью. Более того, практически во всех отраслях наблюдается переход на цифровые технологии, создание возможностей для дистанционной работы сотрудников, что сокращает издержки и в перспективе увеличивает прибыль, а следовательно, будет наблюдаться рост налоговых поступлений по налогу на прибыль организаций.

Механизм стимулирования в условиях пандемии не должен заключаться только в финансовой поддержке бизнеса, необходимо использовать весь арсенал прямых и косвенных инструментов, в том числе рассмотреть возможность трансформации законодательной базы функционирования бизнеса не с точки зрения ее ужесточения, а с целью стимулирования формирования точек роста, способных вывести национальную экономику из кризисного состояния и приводящих к росту налоговых доходов бюджетной системы.

Литература

1. *Котлярова О. В., Мироненко Н. В.* Трансформация системы дополнительного профессионального образования в процессе подготовки кадров государственного и муниципального управления // *Управленческое консультирование*. 2019. № 1 (121). С. 10–19.
2. *Мироненко Н. В., Котлярова О. В., Сухина Ю. В.* Трансформация системы обучения в процессе подготовки кадров государственного и муниципального управления // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2016. Т. 11. № 6. С. 432–439.
3. *Мироненко Н. В.* Процессы сетизации на рынках информационного посредничества : монография / Мироненко Н. В. ; Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Российская акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС), Орловский фил. Орел, 2012.
4. *Плахов А. В.* Развитие системы антикризисного налогового регулирования на региональном уровне // *Регион: системы, экономика, управление*. 2012. № 3 (18). С. 94–100.

Об авторах:

Мазур Лидия Викторовна, доцент кафедры «Оценочная деятельность и корпоративные финансы» Финансово-промышленного университета «Синергия», (г. Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук; lidi.mazur@ya.ru

Монашова Анастасия Эдуардовна, специалист 1 разряда отдела централизованной бухгалтерии Управления Федерального казначейства по Орловской области (г. Орел, Российская Федерация); monashova.anastasya@yandex.ru

References

1. Kotlyarova O. V., Mironenko N. V. Transformation of a system of vocational training of public and municipal administration // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2019. N 1 (121). P. 10–19. (In rus).
2. Mironenko N. V., Kotlyarova O. V., Sukhina Yu. V. Transformation of the education system during training of staff of state and municipal management // *Central Russian Journal of Social Sciences [Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk]*. 2016. Vol. 11. N 6. P. 432–439. (In rus).
3. Mironenko N. V. Setization processes in the markets of information mediation: monograph / Mironenko N. V. ; RANEPFA, Orel branch. Orel, 2012. (In rus).

4. Plakhov A. V. Development of the system of anti-crisis tax regulation at the regional level // Region: systems, economy, management [Region: sistemy, ekonomika, upravlenie]. 2012. N 3 (18). P. 94–100. (In rus).

About the authors:

Lidia V. Mazur, Associate Professor of the Chair of Valuation activities and corporate finance of the Moscow Financial and Industrial University “Synergy”, (Moscow, Russian Federation), PhD in Economics; lidi.mazur@ya.ru

Anastasia E. Monashova, Specialist of the 1st category of the Central Accounting Department of the Office of the Federal Treasury in the Orel Region (Orel, Russian Federation); monashova.anastasya@yandex.ru

Россия на рубеже смены мирохозяйственных укладов

Матрешина Д. Е.^{1, *}, Марышев А. А.²

¹Федеральная таможенная служба России, Москва, Российская Федерация; *Dama2312@yandex.ru

²Евразийская экономическая комиссия, Москва, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Цель исследования — определить и обосновать значение углубления сотрудничества Российской Федерации со странами азиатского региона в современных условиях. В рамках работы подчеркивается и обосновывается важность развития интеграционных процессов при формировании стратегии международного сотрудничества государств в условиях глобальной социально-экономической и политической перестройки. Приведены общемировые тенденции, оказывающие влияние на экономику России в условиях постепенного перехода к новому мирохозяйственному укладу. Описана трансформация и структура отношений государств — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) со странами Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в условиях формирующейся концепции Большого евразийского партнерства и смены мирохозяйственного уклада. При подготовке работы использован логический, факторный, статистический анализ, синтез, системный подход. Научная новизна работы состоит в определении и описании потенциала России в рамках перехода к новому мирохозяйственному укладу с учетом совокупности факторов, а именно: ее позиции в Евразийском экономическом союзе, реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., развития сотрудничества с государствами ШОС и АСЕАН, а также сопряжения ЕАЭС и глобального китайского проекта «Один пояс, один путь».

Ключевые слова: Россия, мирохозяйственный уклад, Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, торговое сотрудничество, Большое евразийское партнерство

Для цитирования: Матрешина Д. Е., Марышев А. А. Россия на рубеже смены мирохозяйственных укладов // Управленческое консультирование. 2021. № 8. С. 43–55.

Russia at the Turn of the World Economy

Daria E. Matreshina^{1, *}, Alexander A. Maryshev²

¹Federal Customs Service, Moscow, Russian Federation; *Dama2312@yandex.ru

²Eurasian Economic Commission, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The purpose of this study is to determine and substantiate the importance of deepening cooperation between the Russian Federation and the countries of the Asian region in modern conditions. The work emphasizes and substantiates the importance of the development of integration processes in the formation of a strategy for international cooperation of states in the context of global socio-economic and political restructuring. The general world tendencies influencing the Russian economy in the conditions of a gradual transition to a new world economic order are given. The article examines the policy pursued by the state that can influence its place within the framework of the new integral world economic order. The paper describes the transformation and structure of relations between the member states of the Eurasian Economic Union (EAEU) with the countries of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) in the context of the emerging concept of the Greater Eurasian Partnership and the change in the world economic order.

When preparing the work, first of all, we used a logical, factorial, statistical analysis, synthesis, a systematic approach.

The scientific novelty of the work consists in defining and describing Russia's potential within the framework of the transition to a new world economic order, taking into account a combination of factors, namely: its position in the Eurasian Economic Union, the implementation of the Strategic Directions for the Development of Eurasian Economic Integration until 2025, the development of cooperation with the SCO and ASEAN states, as well as conjugation of the EAEU and the One Belt, One Road project.

Keywords: Russia, world economic order, Eurasian Economic Union, Shanghai Cooperation Organization, Association of Southeast Asian Nations, trade cooperation, Great Eurasian Partnership

For citing: Matreshina D. E., Maryshev A. A. Russia at the Turn of the World Economy // Administrative consulting. 2021. N 8. P. 43–55.

Введение

В условиях глобальной структурной трансформации завершается Американский цикл накопления капитала, базирующийся на идеологии либеральной глобализации [6]. США утрачивают мировую гегемонию [4, с. 51]. Ядро нового мирохозяйственного уклада смещается в Юго-Восточную Азию. В его основе лежит сочетание государственного стратегического планирования и рыночной самоорганизации [6]. К формирующемуся ядру интегрального мирохозяйственного уклада присоединяются близлежащие государства, среди которых Россия, Индия, Вьетнам и другие, а также страны Латинской Америки и Африки. Как указывает в одной из своих научных работ Министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии доктор экономических наук, профессор, академик РАН С. Ю. Глазьев, новый мирохозяйственный уклад формируется на принципах добровольности, взаимовыгодности, равноправия, прозрачности, а также соблюдения норм международного права и взятых на себя обязательств [5, с. 9]. Эти же принципы лежат в основе Евразийского экономического союза (далее — Союз, ЕАЭС), локомотивом которого является Российская Федерация, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), сопряжение интеграционных потенциалов которых предусматривает Большое евразийское партнерство (далее — Партнерство, БЭП).

Цикл накопления капитала и мирохозяйственный уклад

Отметим, что определение «уклад» направлено на отражение соединенных технологической кооперацией производств (технологический уклад) и объединенных институтами хозяйственных образований (мирохозяйственный уклад) [6]. Академик РАН, доктор экономических наук, профессор С. Ю. Глазьев в своих работах определяет мирохозяйственный уклад как систему международных и ведущих национальных институтов, обеспечивающих расширенное воспроизводство национальных экономик и мировой экономики в вековом цикле накопления. Мирохозяйственный уклад создает основу для системного цикла накопления капитала, последовательная смена множества которых рассматривается Дж. Арриги как жизненный цикл всей капиталистической системы. К слову, именно он ввел и объяснил понятие «системный цикл накопления» [3, с. 36].

В настоящий момент идет процесс постепенного перехода к новому мирохозяйственному укладу и, одновременно, смена мирового лидера. Центр силы смещается в Юго-Восточную Азию. А. Э. Айвазов в одной из своих статей приводит в качестве необычного примера переезд в 2007 г. из Нью-Йорка в Сингапур миллиардера Дж. Роджерса, который настаивал на наступлении времени,

когда основной инвестиционный потенциал мировой экономики перемещается в Азию [2, с. 84–85].

Происходит структурная перестройка мировой экономики, обусловленная переходом на новый технологический уклад. Для роста нового уклада характерно падение цен на нефть, а также распространение новых технологий, снижающих энергоёмкость производства и повышающих его эффективность [6]. Уже можно выделить основные направления нового технологического уклада: биотехнологии, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети, интегрированные высокоскоростные транспортные системы [7]. Кроме того, продолжат развиваться авиаперевозки, космические технологии. Атомная промышленность и применение природного газа будут дополнены потреблением водорода и возобновляемых источников энергии. Все большую силу обретает медицинское направление в связи с революцией на основе клеточных технологий. Завершится переход к «интеллектуальному обществу».

Россия и ключевые тенденции нового мирохозяйственного уклада

В период смены технологических укладов у государств появляются возможности сделать рывок в сторону передового развития экономики [7]. На данном этапе для достижения нового уровня экономического развития Российская Федерация проводит активную политику в различных сферах. Реализуются государственные программы по таким направлениям, как: новое качество жизни, инновационное развитие и модернизация экономики, эффективное государство, сбалансированное региональное развитие, обеспечение национальной безопасности¹.

Важная задача для экономики России в течение последних лет — постепенный переход на инновационный путь, привлечение инвестиций, увеличение доли нефтегазовых доходов. Так, согласно статистическим данным Минфина России, приведенным на его официальном сайте (minfin.gov.ru), доля нефтегазовых доходов на протяжении последних 15 лет составляла 35–52% федерального бюджета, за исключением 2020 г., когда данный показатель снизился до 28% или 5235,2 млрд руб. (предварительные данные Минфина России) (рис. 1).

Для привлечения инвестиций в приоритетные виды экономической деятельности, развития конкретных отраслей экономики и коммерциализации технологий на территории России функционируют особые экономические зоны 4-х типов: промышленно-производственного, технико-внедренческого, туристско-рекреационного и портовые². Для обеспечения экономической безопасности России, совершенствования и ускорения процессов, прямо или косвенно касающихся государственного регулирования экономики страны, проводится активная цифровизация органов власти, в частности — таможенных органов.

С учетом современных реалий и тенденций нового технологического и мирохозяйственного укладов, важнейшее значение для развития экономики обретают транспортные и логистические проекты. В своем послании Федеральному Собранию от 21.04.2021 Президент России В. В. Путин отмечает развитие транспортно-логистических коридоров, в том числе в рамках ЕАЭС, как надежный инфраструктурный каркас предполагаемого Большого евразийского партнерства³. Как особый

¹ Официальный сайт «Портал госпрограмм РФ» [Электронный ресурс]. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/> (дата обращения: 19.02.2021).

² Особые экономические зоны. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/osobyie_ekonomicheskie_zony/ (дата обращения: 19.02.2021).

³ Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65418> (дата обращения: 25.04.2021).

Рис. 1. Динамика доходов бюджета России в 2006–2020 гг.

Fig. 1. Dynamics of Russian budget revenues in 2006–2020

Источник: Составлено авторами на основе официальных данных Минфина России.

вид транспорта, имеющий на текущий момент весомое значение как для сырьевой — отечественной экономики, выделим трубопроводный. В конце 2019 г. был запущен газопровод «Сила Сибири», с помощью которого сегодня осуществляется поставка газа в Китай. С 2020 г. функционирует «Турецкий поток», проложенный по дну Черного моря. Еще один глобальный проект — «Северный поток-2» (СП-2). Изначально завершение строительства планировалось на конец 2020 — начало 2021 гг. Однако на данный момент сроки строительства газопровода затянулись из-за проводимой американской санкционной политики.

Огромное значение для развития отечественной экономики и продвижения интересов на мировой арене в период смены мирохозяйственных укладов играет, в первую очередь, Евразийский экономический союз. Россия является локомотивом ЕАЭС, который, несмотря на свой молодой возраст — 6 лет, второе по степени интеграции объединение в мире¹. Государства-члены реализуют активную политику для достижения основных целей Союза, среди которых увеличение конкурентоспособности отечественных экономик в масштабах мировой и создание условий для развития национальных экономик для повышения уровня жизни населения государств-членов. За период существования механизм ЕАЭС показал свою эффективность: ключевые цели и задачи Союза постепенно, последовательно реализуются, углубление взаимного сотрудничества и интеграция различных государственных сфер продолжается.

В конце 2020 г. Решением Высшего Евразийского экономического совета № 12

¹ Евразийский экономический союз. Цифры и факты. Интеграция и макроэкономика. С. 6. [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/3264_%D0%95%D0%AD%D0%9A_%D0%A6%D0%98%D0%A4%20-%20%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3.%20%D0%B8%20%D0%BC%D0%B0%D0%BA%D1%80%D0%BE%D1%8D%D0%BA-%D0%BA%D0%B0.pdf (дата обращения: 20.02.2021).

утверждены Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. (Стратегия 2025)¹. Они охватывают широкий круг тем, по которым необходимо прийти к «общему знаменателю», разработать планы и механизмы реализации, в том числе: цифровая повестка, обеспечение развития научно-технического потенциала, устранение барьеров, минимизация изъятий и ограничений на внутреннем общем рынке товаров и услуг, а также для перемещения капитала и трудовых ресурсов.

ЕАЭС, ШОС и АСЕАН — основы взаимовыгодного сотрудничества

Немаловажное значение в условиях наступающего мирохозяйственного уклада для развития и перестройки российской экономики помимо синергии усилий со странами ЕАЭС обретает поиск новых форматов взаимодействия с третьими странами и объединениями, в том числе азиатского региона.

Один из способов развития торгово-экономического сотрудничества — создание зоны свободной торговли (ЗСТ). Так, с 2016 г. действует соглашение о ЗСТ ЕАЭС с Вьетнамом, в 2019 г. подписано соглашение с Сербией, Сингапуром, в том же году вступило в силу временное соглашение о либерализации торговли с Исламской Республикой Иран. Идет подготовка к переговорам с Индией. Около шести раундов переговоров реализовано с Израилем. Интенсивно продвигаются переговоры о создании ЗСТ с Египтом².

В 2015 г. в рамках ежегодного послания Федеральному Собранию Президент России предложил проработать вместе с коллегами по ЕАЭС вопрос формирования потенциального экономического партнерства с членами АСЕАН, ШОС и государствами, присоединяющимися к Шанхайской организации сотрудничества³, положив начало идее Большого евразийского партнерства (БЕП), которая в настоящее время переживает период постепенного оформления и наполнения. Важность данной идеи подчеркивает широкий круг ученых, среди которых С. Ю. Глазьев, выделяющий в качестве основной цели БЕП превращение Евразии в зону мира, сотрудничества и процветания [1, с. 8].

А. И. Субетто и В. А. Шамахов в одной из своих научных работ видят Россию как евразийскую общинную цивилизацию, без которой «Большая Евразия» невозможна, а также придают Большой Евразии миссию примера в реализации стратегии экологического спасения человечества посредством перехода к ноосферной парадигме устойчивого развития [10, с. 21]. Для А. И. Агеева, Е. Л. Логинова, С. И. Борталевич Большое Евразийское партнерство есть зона внешнеэкономических интересов России, которая позволит расширить сферы извлечения прибыли и нарастить добавленную стоимость компаниям ЕАЭС на евразийских рынках [5]. По нашему мнению, БЕП могло бы стать эффективным средством объединения стран Евразии, однако необходимо определить его формат, предварительные контуры, инструменты и механизмы реализации с возможностью их модернизации и дополнения без привязки к конкретным срокам.

На современном этапе ЕАЭС можно рассматривать как один из центров БЕП. В то же время М. Л. Энтин, например, в качестве основных драйверов БЕП выделяет Китай, Россию и Казахстан [11; 12]. Отметим, что в рамках Союза впер-

¹ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года».

² Евразийский экономический союз. Цифры и факты. Торговля. 2020. С. 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/Торговый%20блок%20-%20цифры%20и%20факты%202020.pdf> (дата обращения 14.04.2021).

³ Послание Президента Федеральному Собранию (от 03.12.2015) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения 14.04.2021).

вые среди трех исследуемых объединений официально закреплено определение Партнерства, которое нашло свое отражение в Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза¹. Этот же документ предусматривает активацию сотрудничества с рядом объединений, включая ШОС и АСЕАН, в том числе для расширения географии и объемов сбыта отечественных товаров Союза, привлечения иностранных инвестиций и технологий.

Для реализации вышеупомянутой Декларации 11 декабря 2020 г. были утверждены Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., которые уже упомянуты ранее. В рамках развития диалога с ведущими региональными объединениями данным документом предусмотрено: углубление торгово-экономического сотрудничества ЕАЭС и АСЕАН посредством проведения совместной работы по направлениям, представляющим взаимный интерес; развитие диалога Союза и ШОС посредством проведения публичных мероприятий с участием представителей деловых кругов и экспертного сообщества.

Раскрывая сотрудничество ШОС и ЕАЭС, отметим членство России, Казахстана и Кыргызстана в Шанхайской организации сотрудничества (данный факт учтен при дальнейшем рассмотрении торговли Союза с ШОС и АСЕАН, поэтому при расчетах и описании использованы показатели по странам Шанхайской организации сотрудничества кроме России, Казахстана и Кыргызстана), а также участие Армении и Беларуси в качестве наблюдателя и партнера по диалогу, соответственно. Страны ШОС стремятся активно сотрудничать в таких сферах, как торговля, инвестиции, инновации и иные. По итогам заседания Совета глав государств — членов ШОС, которое состоялось 10 ноября 2020 г. в формате видеоконференции, принята Московская декларация, в которой подчеркивается намерение укрепления разнородного сотрудничества, в том числе торгово-экономического — для достижения открытого, инклюзивного и устойчивого развития².

Немаловажным является Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 г. № 189 «О проекте Меморандума о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества». Проектом Меморандума определены основные направления сотрудничества, среди которых экономика и финансы, инвестиции, внешняя торговля, торговая политика, упрощение торговых процедур и иные направления, вызывающие общий интерес. Взаимодействие по данным направлениям предполагается реализовывать посредством проведения совместных мероприятий, обмена информацией, подготовки совместных докладов³.

Ведется активное сотрудничество ЕАЭС и АСЕАН. Из всех стран Союза Россия выступает полномасштабным партнером по диалогу. 14 ноября 2018 г. в Сингапуре подписан Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии в области экономического сотрудничества. Данный документ призван способствовать взаимодействию между объединениями для расширения торгово-экономического и инвестиционно-го сотрудничества по таким направлениям, как: таможенное регулирование и упрощение процедур торговли, электронная торговля, торговля услугами и инвестиции,

¹ Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза. Санкт-Петербург, 06.12.2018.

² Московская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества от 10.11.2020.

³ Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020 г. № 189 «О проекте Меморандума о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества».

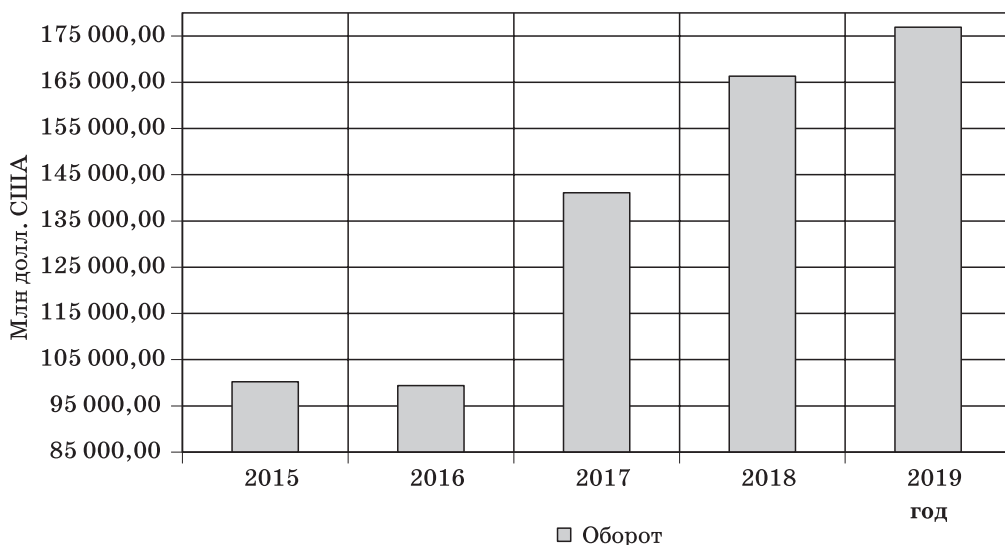
развитие предпринимательства и иное¹. Формат сотрудничества между государствами — членами ЕАЭС и АСЕАН возможен в виде консультаций, мероприятий с участием представителей органов государственной власти и бизнес-сообществ, обмена опытом и информацией, а также реализации иных мероприятий по соглашению сторон Меморандума.

Важнейшим индикатором отношений государств — членов ЕАЭС с Шанхайской организацией сотрудничества и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии является взаимная торговля. Поэтому, чтобы проследить динамику объемов торговли товарами государств — членов ЕАЭС со странами ШОС и АСЕАН обратимся к рис. 2.

В 2015 г. совокупный товарооборот между государствами ЕАЭС с ШОС и АСЕАН — 100 208,79, в 2017 г. — 141 103,71 млн долл., в этом же году к ШОС присоединились Индия и Пакистан, их доля в совокупном товарообороте Союза с ШОС и АСЕАН — 8,14% (11 492,23 млн долл.). К 2019 г. объемы взаимной торговли членов исследуемых объединений выросли до 176 884,12 млн долл. (на 25,4% по сравнению с показателями 2017 г.).

В табл. 1 приведена статистика взаимной торговли Союза с государствами ШОС и АСЕАН, чьи доли в совокупном товарообороте ЕАЭС с третьими странами составляют более 1%.

На протяжении многих лет основным торговым партнером некогда Таможенного союза, а ныне ЕАЭС, и России, как основного локомотива Союза, является Китай-

* Показатели взаимной торговли с Индией и Пакистаном учтены с момента присоединения данных государств к ШОС в 2017 г.

Рис. 2. Динамика стоимостных объемов совокупного товарооборота государств — членов ЕАЭС с ШОС и АСЕАН (млн долл.)

Fig. 2. Dynamics of total trade volumes of EAEU member states with the SCO and ASEAN (million USD)

Источник: Составлено и рассчитано авторами на основе уточненных данных статистики ЕЭК.

¹ Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии в области экономического сотрудничества (14.11.2018, г. Сингапур).

**Товарооборот государств — членов ЕАЭС с основными торговыми партнерами
ШОС и АСЕАН в 2017–2019 гг. (млн долл.)**

Table 1. Trade turnover of the EAEU member states with the main trade partners
of the SCO and ASEAN in 2017–2019 (million USD)

Ранг	Страна	Товарооборот		
		2017	2018	2019
1	Китай	102 744,13	126 163,85	133 415,08
2	Индия	10 840,01	12 758,87	13 840,50
3	Узбекистан	6 081,13	7 673,75	9 068,72
4	Вьетнам	5934,72	6691,71	5592,77

* Составлено авторами на основе уточненных данных статистики ЕЭК.

ская Народная Республика. В табл. 1 можно проследить ежегодное увеличение товарооборота с Китаем, доля которого в совокупных стоимостных объемах внешней торговли Союза в 2019 г. достигла 18,13% (133,4 млрд долл.).

Незначительно увеличились объемы взаимной торговли с Индией — с 1,71% товарооборота ЕАЭС с третьими странами до 1,88%. Узбекистан — еще одно государство ШОС и наблюдатель в ЕАЭС, занимающее лидирующие позиции среди государств ШОС и АСЕАН по объемам торговли с членами ЕАЭС — 1,23% (9068,72 млн долл.) от совокупного товарооборота Союза в 2019 г. Вьетнам — основной торговый партнер ЕАЭС среди государств АСЕАН. Его доля в совокупном товарообороте ЕАЭС в 2019 г. составила 0,76%. Доля остальных членов ШОС и АСЕАН незначительна. (Приведенные выше по тексту данные получены путем расчета авторами с использованием официальных статистических данных ЕЭК.)

Совокупный товарооборот государств — членов ЕАЭС со странами ШОС за исследуемый период составил 120 776,55 млн долл. Из них экспорт ЕАЭС — 62 004,26, импорт — 8772,29 млн. Что касается взаимной торговли Союза с АСЕАН, объемы внешней торговли за январь — октябрь 2020 г. — 14 216,54 млн долл. Из них экспорт Союза — 5152,79, импорт — 9063,75 млн. Отметим, что в торговле России (как основного локомотива ЕАЭС) с основными партнерами среди стран ШОС и АСЕАН наблюдается устойчивая многолетняя тенденция превалирования импортных поставок в государства — члены ЕАЭС (табл. 2). Так, импорт из государств АСЕАН — Индонезии, Вьетнама, Малайзии, Таиланда и Китая (входящего в ШОС) превышает российский экспорт, причем тенденция к сокращению отрицательного сальдо торгового баланса с каким-либо из указанных государств отсутствует. Только с Индией и Узбекистаном из указанных стран у России имеется положительное сальдо торгового баланса.

В январе 2021 г., в год председательства Республики Казахстан в Евразийском экономическом союзе, Председатель Высшего Евразийского экономического совета президент Республики Казахстан К.-Ж. К. Токаев обратился с предложением уделить особое внимание ряду вопросов. Среди них расширение выхода на внешние рынки, активизация торгово-экономических отношений с третьими странами, в том числе налаживание системного диалога со странами АСЕАН. Кроме того, предстоит разработать эффективную стратегию взаимодействия с новым торговым объединением — Всеобъемлющим региональным экономическим партнерством (ВРЭП), на долю которого приходится треть мировой торговли¹. Со-

¹ Обращение Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Кемелевича Токаева к главам государств — членов Евразийского экономического союза // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/18-01-2021-1.aspx> (дата обращения: 23.01.2021).

**Сальдо торгового баланса России с основными торговыми партнерами
ШОС и АСЕАН в 2015–2020 гг. (млн долл.)**

Table 2. Trade balance of Russia with the main trading partners
of the SCO and ASEAN in 2015–2020 (million USD)

Государство	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Китай	-6358,50	-10 090,05	-9140,32	3790,01	3162,04	-5837,66
Индонезия	-1083,66	-1809,47	-1696,64	-847,33	-912,63	-1223,25
Индия	3315,64	2914,48	3552,44	4526,59	3386,15	2340,95
Вьетнам	-211,34	-1093,79	-1421,37	-1167,01	-2648,52	-2423,61
Малайзия	-692,73	-232,15	-944,45	-540,12	-512,36	-531,57
Таиланд	-930,28	-531,69	-1205,57	-1102,38	-1139,54	-1067,19
Узбекистан	1633,76	1204,59	1598,73	1063,55	2740,38	3440,78

Источник: Рассчитано и составлено авторами на основе данных статистики ЕЭК (дата обращения: 23.05.2021).

глашение о ВРЭП подписано 15 ноября 2020 г. Сюда входят, в том числе, страны АСЕАН и КНР.

Колоссальное значение для становления Российской Федерации в качестве составляющей ядра нового мирохозяйственного уклада имеет углубление партнерских отношений России, Союза с Китаем и сопряжение ЕАЭС и масштабного проекта «Один пояс, один путь». Значимость этого процесса подчеркивается в Стратегии–2025. О перспективности тандема Россия — Китай в своих работах пишет В.Е. Петровский, выделяя также сопряжение Союза с китайским проектом как силу (базис) для становления Большой Евразии [9]. В то же время, еще в 2016 г. директор Института сравнительных экономических исследований Шанхайского института международных исследований Ли Синь отмечал развитие сотрудничества России и ЕАЭС с государствами ШОС и АСЕАН, а также активизацию процесса сопряжения ЕАЭС и «Одного пояса, одного пути» как способ преодолеть последствия западной экономической блокады [13].

5 апреля 2021 г. Советом Евразийской экономической комиссии принят план по реализации Стратегии 2025, включающей порядка 330 мер и механизмов, разработку и подписание порядка 13 международных договоров, около 60 актов ЕАЭС и иное, что позволит обеспечить опережающее развитие экономик стран-участниц Союза за счет роста инвестиционной и инновационной активности, формирования гибких механизмов содействия росту и занятости¹.

Заключение

В условиях постепенного завершения существующего американского мирохозяйственного уклада и перехода на новый этап с формированием центра силы в Юго-Восточной Азии, мы можем наблюдать ярко выраженные тенденции формирования нового мирохозяйственного уклада, способные оказать как негативное, так и позитивное влияние на экономику Российской Федерации и ее место в новом инте-

¹ В ЕАЭС утвержден план реализации Стратегии-2025 // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. URL: <http://eec.eaunion.org/news/v-eaes-utverzhdn-plan-realizatsii-strategii-2025/> (дата обращения: 25.04.2021).

гральном мирохозяйственном укладе. Данный уклад влечет постепенную перестройку мирового экономического порядка, а также международных отношений с изменением идеологии международного сотрудничества. На первый план выходят взаимовыгодность, равноправие и консенсуальная основа, на базе которой созданы, в том числе, ЕАЭС, ШОС и АСЕАН. Страны данных объединений, а также Африки и Латинской Америки постепенно «подтягиваются» к ядру нового уклада. Совокупную экономическую мощь данных государств можно сопоставить со странами ядра американского цикла накопления капитала [7].

С плавным переходом к азиатскому циклу государства — члены ЕАЭС, ШОС и АСЕАН стремятся активно развивать и углублять взаимное сотрудничество, в том числе в сфере торговли. Это наглядно отражено как в динамике показателей взаимной торговли (однако здесь необходимо учитывать устойчивую многолетнюю тенденцию превалирования над экспортными поставками из России импорта большинства основных торговых партнеров — стран ШОС и АСЕАН), так и в основных документах, закрепляющих положения о сотрудничестве и взаимодействии, среди которых (помимо уже указанных) «Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств — членов Шанхайской организации сотрудничества», направленная на углубление торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия и программа сотрудничества между Евразийской экономической комиссией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии на 2020–2025 гг., которая предусматривает комплекс мероприятий с участием представителей деловых кругов и государственных органов власти, а также экспертные консультации и обмен опытом в различных областях сферы торговли¹.

Взаимодействие России со странами Азиатского региона постепенно набирает силу, достигаются новые договоренности, необходимые нашей стране не только для развития партнерских отношений в различных сферах, но и обеспечения реализации идеи Большого евразийского партнерства, способного при четко очерченных контурах, по мнению авторов, объединить страны Евразии, вывести их взаимодействие в разных сферах на качественно новый уровень (достижение новых договоренностей, заключение преференциальных соглашений, гармонизация норм в отдельных сферах государственного регулирования), и, вероятно, стать площадкой как для продвижения собственных интересов России, так и для создания новых производственных, транспортно-логистических и иных сетей, необходимых для развития отечественной экономики и упрочнения позиций на внешнеполитической арене. Стратегическое проектирование в рамках Евразии направлено, в том числе, на решение задач создания коалиции государств, учитывающих их национальные интересы, и обеспечение безопасности их совместной деятельности [8, с. 91].

Ну и конечно же, на развитие экономики и торговых отношений как России, так и в целом государств ЕАЭС, помимо всего прочего, окажет значительное влияние сопряжение ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс, один путь», ключевыми направлениями которой являются взаимодействие в области торговли, транспорта и инфраструктуры, цифровая сфера и иное. 16 сентября 2020 г. в рамках онлайн-конференции «Какой путь выберут страны ЕАЭС и Китай?» руководитель Китайско-Российского исследовательского центра гуманитарных обменов Чжоу Ли заявил:

¹ Программа сотрудничества между Евразийской экономической комиссией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии на 2020–2025 годы // Официальный сайт Министерства экономического развития [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/mnogostoronnee_ekonomicheskoe_sotrudnichestvo/dialogovoe_partnerstvo_rossiya_asean/ (дата обращения: 22.01.2021).

«Цели у „Большого евразийского партнерства“ и китайской инициативы „Один пояс, один путь“ во многом совпадают. Мы ориентированы на развитие стратегического сотрудничества с государствами ЕАЭС и его наблюдателями»¹.

Исходя из вышеизложенного, в зависимости от того, какие реальные меры в ближайшее десятилетие будут предприняты руководством Российской Федерации, а также в рамках ЕАЭС в части инновационного развития, привлечения инвестиций, реализации и сопряжения транспортно-логистических проектов, в том числе «Одного пояса, одного пути» и механизмов взаимодействия со странами Юго-Восточной Азии (направления только обозначены в Концепции–2025, план по ее реализации по состоянию на 25.04.2021 не опубликован), Россия может оказаться как в ядре стран нового мирохозяйственного уклада, так и за его пределами (при отсутствии четкого плана и механизмов, инструментов реализуемой политики по вышеуказанным направлениям).

При этом рассматривать Россию (и ее экономику) в структуре нового мирохозяйственного и технологического уклада, по мнению авторов, представляется корректным именно в составе ЕАЭС — интеграционного объединения, способного стать одним из столпов Большого Евразийского партнерства, которое, в свою очередь, может получить роль мощного инструмента в продвижении экономических и политических интересов России и Союза в целом. Став частью масштабного транспортно-логистического комплекса и нового формата отношений, выстраивающегося на взаимовыгодной, прозрачной, консенсуальной основе, Россия получит возможность выйти в своем экономическом развитии на более высокий уровень, обретет доступ на новые рынки, получит приток инвестиций, толчок к развитию сотрудничества в области инноваций с государствами, преуспевшими в данной сфере, что, в конечном итоге, позволит обеспечить более высокий уровень общественного благосостояния.

Таким образом, полученные авторами результаты, изложенные в статье, комплексно раскрывают потенциал России и появляющиеся для нее возможности в рамках ЕАЭС в условиях формирующегося БЕП, перехода к новому мирохозяйственному укладу и сотрудничества со странами ШОС и АСЕАН; обосновывают необходимость продолжения развития и углубления взаимодействия со странами Азиатского региона, в том числе посредством таких инструментов, как торговые соглашения, дискуссионные площадки, обмен опытом, сопряжение Союза с проектом «Один пояс, один путь», в том числе, как качественная основа Большого евразийского партнерства.

Литература

1. Агеев А. И., Логинов Е. Л., Борталевич С. И. Большое евразийское партнерство: проект, встречный Транстихоокеанскому партнерству // Экономические стратегии. 2016. Т. 18. № 6 (140). С. 20–31.
2. Айвазов А. Э. Периодическая система мирового капиталистического развития // Кондратьевские волны. 2013. № 2. С. 84–123.
3. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2006. 472 с.
4. Балацкий Е. В. Концепция Циклов накопления капитала Дж. Арриги и ее приложения // Terra Economicus. 2018. Т. 16, № 1. С. 37–55.
5. Глазьев С. Ю. Концептуальные предложения по практической реализации Большого Евразийского партнерства // Экономические стратегии. 2019. Т. 21, № 1. С. 6–17.

¹ Сергей Глазьев: «В рамках сопряжения ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс, один путь» доля расчетов в нацвалютах должна существенно вырасти» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-09-2020-1.aspx> (дата обращения: 23.01.2021).

6. Глазьев С. Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52, № 1. С. 3–29.
7. Глазьев С. Ю. Будущий мировой порядок из нынешнего хаоса // Пленарное заседание. Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости. 2019. С. 66–73.
8. Кефели И. Ф., Колбанев М. О., Малафеев О. А., Плебанек О. В. Проект «Большая Евразия» в контексте междисциплинарного дискурса // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 4. С. 88–102.
9. Петровский В. Е. Россия, Китай и контуры «Большого евразийского партнерства» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. № 22. С. 37–51.
10. Субетто А. И., Шамахов В. А. Ноосферное призвание «Большой Евразии» в XXI веке // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 4. С. 17–28.
11. Энтин М. Л., Энтина Е. Г. Всеобъемлющее Большое Евразийское партнерство: уход от реальности или возвращение к ней // Вся Европа.ru. 2016. № 11 (115). С. 1.
12. Entin M., Entina E. Russia's role in promoting Great Eurasia geopolitical project // Rivista di studi politici internazionali. Luglio-Settembre 2016. Anno 83. Fasc. 331. P. 331–352.
13. Li Xin. Chinese perspective on the creation of a Eurasian Economic Space // Valdai discussion club, 2016.

Об авторах:

Матрешина Дарья Егоровна, главный государственный таможенный инспектор Центрального информационно-технического таможенного управления ФТС России (Москва, Российская Федерация), аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); Dama2312@yandex.ru

Марышев Александр Анатольевич, главный специалист-эксперт Евразийской экономической комиссии (Москва, Российская Федерация), кандидат политических наук; maryshevaa@yandex.ru

References

1. Ageev A.I., Loginov E.L., Bortalevich S.I. Great Eurasian Partnership: a project counter to the Trans-Pacific Partnership // Economic strategies [Ekonomicheskie strategii.]. 2016. Vol. 18. N 6 (140). P. 20–31. (In rus)
2. Aivazov A.E. Periodic system of world capitalist development // Kondratyev waves [Kondrat'evskie volny]. 2013. N 2. P. 84–123. (In rus)
3. Arrighi G. The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times. M.: Publishing House "Territory of the Future," 2006. 472 p. (In rus)
4. Balatsky E.V. Concept of Capital Accumulation Cycles by G. Arrighi and its applications // Terra Economicus. 2018. Vol. 16, N 1. P. 37–55. (In rus)
5. Glazyev S.Yu. Conceptual proposals for the practical implementation of the Great Eurasian Partnership // Economic strategies [Ekonomicheskie strategii.]. 2019. Vol. 21, N 1. P. 6–17. (In rus)
6. Glazyev S.Yu. World Economic Ways in Global Economic Development // Economics and Mathematical Methods [Ekonomika i matematicheskie metody]. 2016. Vol. 52, N 2. P. 3–29. (In rus)
7. Glazyev S.Y. Future world order from the current chaos // Plenary meeting. World development: problems of predictability and manageability. 2019. P. 66–73. (In rus)
8. Kefeli I.F., Kolbanev M.O., Malafeev O.A., Plebanek O.V. Project "Big Eurasia" in the context of interdisciplinary discourse // Eurasian integration: economy, law, politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2020. N 4. P. 88–102. (In rus)
9. Petrovsky V.E. Russia, China and the contours of the "Great Eurasian Partnership" // China in world and regional politics. History and modernity [Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost']. 2017. N 22. P. 37–51. (In rus)
10. Subetto A.I., Shamakhov V.A. Noosphere calling of "Great Eurasia" in the 21st century // Eurasian integration: economy, law, politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2020. N 4. P. 17–28. (In rus)
11. Entin M.L., Entina E.G. Comprehensive Great Eurasian Partnership: Leaving Reality or Returning to It // Вся Европа.ru. 2016. N 11(115). P. 1. (In rus)

12. Entin M., Entina E. Russia's role in promoting Great Eurasia geopolitical project // Rivista di studi politici internazionali. Luglio-Settembre 2016. Anno 83. Fasc. 331. P. 331–352.
13. Li Xin. Chinese perspective on the creation of a Eurasian Economic Space // Valdai discussion club, 2016.

About the authors:

Daria E. Matreshina, Chief state customs inspector of Central Information Technology Customs Department (Federal Customs Service (Moscow, Russian Federation)), Postgraduate Student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation); Dama2312@yandex.ru

Alexander A. Maryshev, Chief specialist-expert of Eurasian Economic Commission (Moscow, Russian Federation), PhD in Political Science; maryshevaa@yandex.ru

Диалектика чести и репутации О пределах эффективности репутационного менеджмента

Александров В. Б.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; vladboralex@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье обосновывается положение, согласно которому репутационный менеджмент проходит мимо проблем, связанных с личностными смыслами субъекта, осуществляющего конкретную профессиональную деятельность. Показывается, что для выражения данной проблематики особое значение имеет категория чести. Профессиональная честь при принятии решений предполагает выведение на первый план не стремление сохранить репутацию, а установку на сохранение личного достоинства, сопровождающееся готовностью взять на себя ответственность за принятые решения в критических ситуациях. Эта готовность коренится в фундаментальных мировоззренческих представлениях личности, формирующих ее направленность. Отмечается, что профессиональная честь является значительно более сильным мотивирующим фактором, чем стремление сохранить репутацию, она определяет отношение к профессии, желание и готовность совершенствоваться в ней.

Ключевые слова: репутационный менеджмент, репутация, честь

Для цитирования: Александров В. Б. Диалектика чести и репутации. О пределах эффективности репутационного менеджмента // Управленческое консультирование. 2021. № 8. С. 56–64.

Dialectic of Honor and Reputation. On Limits of Reputation Management Efficiency

Vladimir B. Aleksandrov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; vladboralex@mail.ru

ABSTRACT

The article justifies the provision that reputational management passes by problems related to the personal meanings of a subject conducting a specific professional activity. It is shown that the category of honor is of particular importance for the expression of this issue. Professional honor in decision-making involves bringing to the fore not the desire to preserve a reputation, but the attitude to preserve personal dignity, accompanied by the willingness to take responsibility for decisions made in critical situations. This willingness is rooted in the fundamental worldviews of the personality that shape its orientation. It is noted that professional honor is a much stronger motivating factor than the desire to maintain a reputation, it determines the attitude to the profession, the desire and willingness to improve in it.

Keywords: reputational management, reputation, honor

For citing: Aleksandrov V. B. Dialectic of Honor and Reputation. On Limits of Reputation Management Efficiency // Administrative consulting. 2021. N 8. P. 56–64.

Потребительское общество, все в большей степени становящееся реальностью современной России, несет с собой особые жизненные смыслы, так или иначе обнаруживающие себя в самых разных сферах общественной жизни. Думается, что

самой общей характеристикой этих смыслов является утрата вкуса к сущностному, глубинному восприятию жизни, «застревание» на внешних ее сторонах, акцентировка внимания на достижении успеха и самоосуществления в эмпирической, «чувственно данной» стороне жизни. Движение в этом направлении представляет собой проявление общей тенденции перемен в европейской культуре, начавшейся с эпохи гуманизма, с эпохи утверждения рационального мировидения, пришедшего на смену эпохе, смысловой основой которой было острое переживание человеком непостижимости средствами разума истоков собственного бытия. Прорыв к их пониманию людям этой эпохи виделся в иррациональном, основанном на вере, единении с подлинным началом всего сущего — с Богом. На смену такому мировидению пришла новая религия — религия, по выражению некоторых русских философов, «человекобожия».

В русской культуре всегда существовала мощная тенденция, нашедшая свое выражение в русской философии и литературе, тенденция противостояния этого рода религии, тенденция духовного поиска единения с высшими смыслами бытия, лежащими за пределами эмпирической реальности, источником которых является Бог. При этом возможность движения в этом направлении рассматривалась лишь на пути соборного объединения людей.

Своеобразное проявление этой тенденции просматривается и в советский период отечественной истории, когда для атеистической идеологии значимыми являлись служение обществу, труд на благо общества, предполагавшие и самоотдачу, и даже жертвенность.

В дальнейшем в извечной диалектике переплетения личного интереса и готовности сделать что-то значимое для других, для общества на первый план все в большей степени выходит первый момент.

Характерным следствием такой установки являлось и отношение к тому, что сегодня называется продвижением по карьерной лестнице. Ментальной парадигмой, в свете которой осмысливалось такое продвижение в условиях социалистического общества, было «доверие общества». Конечно, субъект, имевший право трактовать интересы общества и через которого общество даровало конкретному человеку свое доверие, понимался иначе, нежели в эпоху самодержавия. Таким, как известно, выступала партия, которая, правда, далеко не всегда адекватно оценивала качества того, кому она решила доверять. Однако общая идея — идея служения обществу и обретения в этом служении смысла личностного бытия, понимания служебного роста как вторичного феномена по отношению к честному исполнению своего долга, так или иначе, присутствовала.

В настоящее время в мотивационную сферу человека, вступающего в активную социальную жизнь, все в большей степени включается тема самоутверждения, успеха, достижения личного процветания. При этом тема служения отодвигается на второй план. Соответственно понимается характер пути, на котором достигается эта цель. Прежде всего, это касается соотносительности в нем профессионального совершенствования, т. е. самоутверждения за счет продвижения в своей профессии, и момента, который мы определим как «оберточный», связанный со способностью презентации себя, как товара, на «ярмарке тщеславия».

С выбором тех или иных способов достижения жизненного успеха связываются и определенные личностные качества, и даже моральные основы личности. Ориентация на профессиональное совершенствование в большей степени сопрягается с такими качествами, как ответственность, чувство долга, самоотверженность. Для «оберточной» установки характерны легкое отношение к жизни, «нравственная подвижность», прагматизм в человеческих отношениях.

К сожалению, приходится констатировать, что последний фактор социального продвижения в наше время занимает все большее место. Конечно, для этого есть

вполне объективные причины. Потребительское общество — это общество, для которого характерна возрастающая роль производства и осуществления услуг, отвечающих все более разнообразным потребностям населения, что в свою очередь означает необходимость работы по продвижению различных форм их удовлетворения — рекламу продукции, популяризацию брендов, разного рода маркетинговую практику. В силу этого формируется тенденция к увлечению рекламной, «оберточной» стороной жизни и соответствующим ей способом мышления.

Есть и другая, в определенном смысле субъективная сторона вопроса. В условиях безудержного продвижения средствами массовой информации стандартов красивого образа жизни, путь профессионального совершенствования для людей нетерпеливых, начинающих выстраивать свою жизнь, может показаться слишком длительным и, вообще, не гарантирующим приобщения к стандартам подобного рода. Беспокоят и примеры людей, растиражированные опять же средствами массовой информации, которые, «креативно» решая проблемы жизнеустройства, смогли найти быстрый путь к обогащению. Откликом на стремление к успешной и прекрасной жизни явились различные формы «образовательной» деятельности, призванной восполнить недостаток реальных способностей к воплощению в жизнь данного стремления.

Создаются и оказываются востребованными школы личностного роста, делового успеха, успешного общения и влияния на людей, курсы развития лидерских качеств, академии, готовящие руководителей и пр. В системе высшего образования создаются и пользуются спросом вузы, факультеты, направления, предлагающие управленческое или «менеджерское» образование, которое предполагает подготовку «универсальных» специалистов в области управления, не обремененных глубоким освоением конкретной профессии.

Появляются специальные менеджерские дисциплины, отвечающие потребности расширения «оберточных» средств достижения делового успеха. К числу таковых относится, в частности, «репутационный менеджмент», идеи которого получают в последнее время достаточно широкое освещение, как в публикациях концептуального свойства, так и в работах, имеющих учебно-методическое назначение.

Для оценки возможностей такого рода «менеджмента» остановимся на понятии репутации, которое очевидно имеет принципиальное значение для понимания предмета дисциплины и его возможной результативности. Тема репутации, ее формирования и сохранения в наш прагматический век получила весьма широкое распространение. Она появляется и при оценке деятельности человека или организации, осуществляющих коммерческую деятельность, и при установлении эффективности работы государственных структур.

Конечно, тема репутации при всей злободневности ее в наши дни существует так же давно, как давно существует взаимная оценка людей в целях определения перспектив совместного существования и совместной деятельности. Это касается и отношений в сфере управления, и в сфере сотрудничества, в области игровой деятельности, и в области научного и художественного творчества. В деловых отношениях репутация — это выражение соответствия субъекта требованиям, которые накладываются на него занимаемой должностью, профессиональным статусом, и, тем самым, условие определения возможностей продвижения человека по должностной лестнице, фактор, на основе которого оценивается перспектива его привлечения к решению тех или иных деловых проблем.

Необходимо, конечно, иметь в виду, что содержание тех позиций, по которым устанавливается репутация человека, меняется от эпохи к эпохе, от культуры к культуре. Она зависит от сферы деятельности, в которой выстраиваются значимые для субъекта отношения. Меняются и формы установления репутации, и круг значимых субъектов, на мнение которых предполагается возможным опи-

раться при установлении репутации, и круг тех субъектов, чья репутация имеет социальное значение.

В самом общем плане репутация понимается как образ субъекта, формирующийся в сознании индивидов, групп, во взаимоотношении с которыми осуществляется его деятельность. При этом вопрос о репутации, явно или неявно, решается через призму разрешения противоречия между акцентированием личностных качеств субъекта и вниманием к его поведенческим проявлениям.

Ядро личностных качеств субъекта, взятых в их отношении к осуществляемой профессиональной деятельности, составляет *профессиональная честь*. Отношение между честью и репутацией не является симметричным в том смысле, что человек чести — это человек с высокой репутацией, а человек с высокой репутацией является человеком чести. Конечно, человек чести — обычно имеет высокую репутацию, однако эта зависимость осуществляется не по типу «жесткой детерминации». Для человека чести сохранение имиджа не является самоцелью. Во всех значимых ситуациях выбора он исходит из мировоззренческой установки, призывающей быть самим собой, сохранять благородство, укорененное в системе ценностей, с которой человек связывает смыслы своего личностного бытия, позволяющей последовательно отстаивать свою профессиональную позицию. Человек чести может быть весьма неудобным для окружающих и это обстоятельство в определенных условиях может поставить под сомнение его деловую репутацию.

Ориентация на репутацию — это проявление иной «философии», имеющей свои корни в практицизме, утилитарной установке на достижение успеха, необходимость быть принятым в значимом для субъекта сообществе. Эту философию можно определить как «философию рекламного образа», предполагающую вектор активности, направленный на формирование некоей целевой аудитории, ориентированной на бренд, за которым стоит репутация компании или ее руководителя. Если говорить о личности, руководствующейся данной философией, то для нее она означает рассмотрение продвижения собственного образа, в котором кодируется ее репутация, как главного средства достижения успеха в значимой для нее деятельности.

Главным упущением увлечения репутационным «конструированием» собственной жизнедеятельности является подчинение индивида внешним обстоятельствам, снижение личностной суверенности, ограничение творческого, нестандартного начала желанием соблюсти реноме, отвечать ожиданиям значимой для него среды.

Для человека, исповедующего такую философию, обычно свойственна боязнь того, что называется «непопулярным» решением, могущим повредить благоприятному имиджу, наработанному предшествующей деятельностью.

В отличие от философии рекламного образа философия чести акцентирует внимание на творческом подходе к решению проблем, на качестве личности действующего субъекта. Эта философия предполагает возможность жертвенности, но с одной важной оговоркой. В жертву можно принести самого себя, но не ценности, создающие личность субъекта.

Что касается репутационного менеджмента, то даже поверхностный взгляд на его программу убеждает в том, что он ориентирован на внешнюю, «оберточную», сторону человеческих отношений. Изучая программу данного курса, приходишь к заключению, что его задачей является как раз подготовка именно к этой стороне деятельности профессионала. Достаточно перечислить некоторые понятия, вокруг которых формируется предмет курса — паблисити, медиарепутация, имидж, узнаваемость, репутационный рейтинг и т. п. Иными словами, курс ориентирован на усвоение некоторых технологий, а не на формирование высоких личностных качеств. Собственно, иначе быть и не может, поскольку профессиональная честь не формируется за некоторое количество часов, отведенных на освоение курса. Способность иметь профессиональную честь — это результат воспитания, многотрудного про-

цесса формирования человека как личности. Более того, возможности формирования профессиональной чести, ее содержательное наполнение, восприятие ее как ценности глубочайшим образом зависят от особенностей существующей культуры.

Следует отметить одно важнейшее обстоятельство, которое характеризует отношение к человеку с точки зрения понимания его как носителя определенной репутации в отличие от видения его как человека чести. Репутация человека означает прежде всего *прогнозируемость* его поведения в некоторых конкретных деловых ситуациях, в условиях «нормального» течения событий. Но она не дает возможности предвидения того, как человек поведет себя в сложных критических ситуациях, таких, которые можно определить как ситуации экзистенциального выбора, когда невозможно говорить о единственно верном способе поведения. В ситуации такого рода качество выбора зависит от его глубинных моральных установок.

Отношение в категории чести предполагает иной тип смысловой основы. Эта смысловая основа выражается понятием *доверие*. Она означает, что человек воспринимается не столько в плане прогнозируемости поведения, его соответствия нормам ведения бизнеса или осуществления какого-то другого вида деятельности, сколько с точки зрения его моральной состоятельности, которая гарантирует искренний и честный выбор в критических условиях, когда казавшиеся незыблемыми правила начинают обнаруживать свою недееспособность. **Доверие заслуживается не внешними манипуляциями, а способami действия и личностного самонаблюдения в экзистенциально значимых ситуациях. Оно не гарантирует прогнозируемого и результативного общения, а является условием подлинного глубинного единения на уровне совпадения жизненных смыслов.**

Понятие доверие очень глубокая в мировоззренческом отношении категория. На это обстоятельство было обращено внимание в русской философии. Здесь возможность доверия связывалась с рангом личности, который естественно не формируется в ходе изучения учебного курса. На понятие ранга как глубинное основание отношения доверия со всей определенностью указывал большой русский философ И. А. Ильин¹.

Размышляя об основании доверия к монарху, он полагает, что таковым выступает «уверенность подданных в том, что монарх сам ставит себя перед лицом Божие и сам измеряет свои дела и решения критериями божественного откровения» [3, с. 545]. Приведенные слова русского философа отчетливо фиксируют отечественную культурную традицию в вопросах человеческих отношений, которая в полной мере может быть спроецирована и на деловые отношения. Атеистически мыслящий человек может не принимать возведение чести к осознанию своего бытия как обретающего смысл перед лицом Бога, но и для него должно быть очевидным значение содержащейся в этом способе мышления установки на сохранение, не предполагающих погоней за репутацией, высших смыслов личностного бытия. Жизнь человека — это цепь выборов, и каждый выбор — это творческий акт, конечным основанием для которого должно быть сохранение чести.

Ранг — это качественная характеристика, выражающая степень подлинности человеческого бытия с точки зрения его соответствия некоторому абсолютному уровню совершенства. Вообще, по Ильину, возможность говорить о ранге существует только при наличии особой культуры, несущей в себе тему качественного различия человеческих личностей. В этой культуре ранг выступает абсолютной основой взаимного доверия, готовности к взаимопомощи и солидарности.

Понятие ранга в толковании И. А. Ильина коррелирует с категорией чести. Категория чести, имеющая свои корни в рыцарской культуре, принципиально проти-

¹ Подробнее о концепции ранга в философии И. А. Ильина см.: В. Б. Александров. Русская социально-философская мысль. Темы. Идеи. Традиции. СПб., 2017. С. 153–159.

воположна буржуазному практицизму и мещанству. Эту противоположность отчетливо выразил Н. А. Бердяев, полагавший, что и та и другая культуры являются в своем роде универсальными культурными парадигмами, существующими во все времена. «Категории рыцарства и буржуазности, — писал он, — категории религиозно-метафизические, а не социально-исторические, они пребывают в меняющихся одеяниях разных времен» [2, с. 472].

Он указывает, что честь предполагает исключение двух основных крайностей в мотивации поведения субъекта. С одной стороны, она не может заключать в себе как самоцель достижение субъектом благоприятного восприятия себя окружающими, партнерами или клиентами. С другой стороны, она не означает самоутверждение любой ценой через противопоставление себя другим. Преодоление этих крайностей, по мнению Бердяева, осуществляется в рамках христианской мировоззренческой парадигмы, в соответствии с которой «честь представляет собой «блюдение в человеке образа и подобия Божьего, который не должен быть унижен» [2, с. 471].

Целый ряд идей, касающихся темы ранга, могут быть перенесены и на категорию чести. В частности, это касается рассуждения Ильина о том, что ранг имеет как субъективную, так и объективную стороны. Человек осознает свой ранг, и вместе с тем ранг представляет собой характеристику, устанавливаемую другими людьми. Точно так же и честь, с одной стороны, это сознание своего достоинства, с другой — совокупность черт, которыми наделяет человека общность, в отношении которой устанавливается его честь. Эта последняя, объективная сторона, в определенном смысле, сближается с тем, что мы сегодня называем репутацией.

Соотношение объективной и субъективной сторон профессиональной чести имеет исторический характер. Выраженность второй, субъективной стороны, а значит, и идея чести, предполагает большую степень развитости рефлексивного начала культуры.

Если обратиться, например, к существовавшим в XVI–XVII вв. принципам определения, говоря современным языком, «качества» служилых людей, их боевой годности и, соответственно, размеров выделяемых им «окладов», т. е. земельных наделов и денежного жалованья, то честь в указанном выше смысле еще не имела в виду, а речь шла о том, что мы сегодня, по сути дела, называем репутацией.

Субъектами, чье мнение было значимым при решении этой задачи, были выборные представители уездного дворянства. Руководствуясь их мнением, присланный из Москвы «разборщик» назначал каждому претенденту особый род службы.

Детальное рассмотрение этой практики мы встречаем в труде В. О. Ключевского «История сословий в России». Вопросы, которые задавал разборщик и по ответу на которые определялась служивая годность дворянина, сводились к следующим: 1) «каков он *собою*» (хорошо, когда молод и «молодец»); 2) каков он «*своею головою*» (как ведет свое хозяйство, какое имеет вооружение); 3) «каков *отечеством*» (кем был и как служил отец); 4) каков он «*своею службой*» [см.: 4, Т. 6, с. 337]. Ориентация на определение перечисленных качеств, как отмечалось, по сути дела, есть стремление установления репутации, но не чести (или ранга) в глубинном смысле этого понятия.

В это время тема собственного личностного отношения к осуществляемой деятельности, т. е. тема профессиональной чести в собственном смысле слова еще не была, по-видимому, темой специальной рефлексии.

Об этом, в частности, свидетельствует и сам способ употребления понятия чести, существовавший в это время. Здесь честь относится не к субъекту, носителю чина, а к самому чину, имеющему определенное социальное измерение, связанное со значением соответствующей ему функции, государственной пользой. Как писал В. О. Ключевский, «Первоначально под этим термином (честью — *В. А.*) разумелось значение, которое придавал закон известному чину, и в котором выражалась государственная

оценка сравнительной пользы, приносимой государству разными общественными чинами» [4, Т. 6, с. 377]. Соответственно бесчестье относилось не к самому носителю чина, а к хулителю, допускавшему «оскорбление лица действием и преимущественно «непригожим словом»» [Там же]. Соответственно степень ответственности хулителя определялась не «качеством» критики деятельности человека, обладателя чина, а значением чина, устанавливаемым законом, предполагающего определенный род государственной деятельности. Эта установка на значимость деятельности самой по себе для установления чести проявлялась в это время и в сравнительной оценке чести походного холопа и простого холопа. Несмотря на то, что чин у них был одинаковый, честь первого ценилась выше — в силу большей значимости осуществляемой им деятельности.

В дальнейшем в связи с развитием культуры, усложнением духовной жизни служилого сословия в определенном, достаточно узком его слое, формируется понятие дворянской чести, отражающее понимание дворянством своего места и роли в защите и сохранении Российского государства. Развитие самосознания в этом направлении началось, по словам Ключевского, с Петровских времен, когда «Россия впервые почувствовала сквозь слезы столь нежданно быстро создавшуюся международную и политическую мощь». Важными этапами на этом пути стали заимствование чуждой, но все-таки ведущей к свету западной культуры в эпоху Екатерины Второй, новая система образования, создававшаяся И.И. Бецким, в которой главный упор делался на воспитании нравственных качеств военного сословия, просветительские усилия Н.И. Новикова. Важным фактором стало осознание в результате победной войны с Наполеоном того, что «Россия единственная страна, в которой образованнейший и руководящий класс пренебрегает родным языком и всем, что касается Родины... что в русском народе таятся могучие силы, лишённые простора и деятельности...» [4, Т. 9, с. 96]. С этой минуты, отмечает Ключевский, представители дворянства «круто и прямо повернулись лицом к российской действительности» [Там же].

История темы чести — это история диалектики соотношения самосознания личности, укорененного в ее мировоззрении и определяющего формы ее деятельности-самообнаружения, и внешних «оберточных» способов обретения репутации. Диалектика здесь, по-видимому, такова: чем более выражено реальное деятельностное начало, несомое социальной категорией, конкретной личностью ее представляющей, тем менее значимо «оберточное» начало. И, наоборот, чем меньше деятельностного начала, начала реальной социально полезной деятельности, тем в большей степени выходит на первый план внешнее, оберточное начало.

Известно, например, что в XVIII в. происходят весьма характерные изменения в положении дворянства как служилого сословия, которые обусловили изменение представления о содержании чести дворянина. Благодаря реформе Петра III дворянин перестает быть служилым сословием, он становится, по словам Ключевского, «бездельником» и потому для него актуальным становится тема оправдания собственного существования, тема репутации. «Дворянство, — писал Ключевский, — освободившись от обязательной службы, почувствовало себя без настоящего серьезного дела, ...это безделье послужило урожайной почвой, из которой выросло во второй половине века (XVIII — В.А.) уродливое общежитие со странными понятиями, вкусами и отношениями» [4, Т. 5, с. 148]. Эти отношения обусловили сведение представления о чести к навыкам светского приличия и благовоспитанности. Появляется новый тип дворянина — «петиметр», представлявший собой великосветского кавалера, воспитанного во французском духе. Его «житейский катехизис состоял в том, чтобы со вкусом одеться, грациозно выйти, приятно поклониться, изящно улыбнуться». На первое место выходит тема внешних характеристик, тема репутации. Тема подлинности собственного бытия уходит далеко на второй план. Значимыми чертами становятся совершенно иные качества, отлича-

ющиеся от тех, которые были значимы для служилого сословия, реально несшего положенную ему службу.

Понятие чести в условиях утраты связи с реальной социально значимой деятельностью может трансформироваться в своеобразный симулякр, не несущий в себе глубокого жизненного смысла. Нечто подобное происходит в России XVIII в. Для значительных слоев русского дворянства реальная экономическая, хозяйственная жизнь, воинская служба уходят на второй план, представление о подлинных смыслах жизни начинает обретать умозрительный характер, связанный с ориентацией на книжные ценности, не укорененные в реальной действительности, и в основном сформированные чтением западной художественной и философской литературы. Умозрительно толкуется и политическая реальность, таким же способом создаются представления о путях ее улучшения или даже коренного преобразования. Честь в этих условиях получает превращенное толкование, она связывается с ориентацией не на действительные заслуги в социально значимой деятельности, а на умозрительно конструируемые идеалы.

Это несоответствие умозрительно воспринятых идеалов справедливости и отождествления с ними чести и реальной жизни приводило иногда к курьезным и трагическим последствиям. Ключевский приводит пример помещика Опочинина, покончившего жизнь самоубийством в 1793 г. и написавшего в предсмертном послании, что «отвращение в нашей русской жизни есть то самое побуждение, принудившее меня решить своевольно свою судьбу» [4, Т. 5, с. 168].

Но, конечно, Опочинин был исключением. «Вольтерьянец времен Екатерины, — писал Ключевский, — был весел и только; он праздновал свой выход в отставку после вековой обязательной службы и подобно выпущенному из корпуса кадету не мог налюбоваться на свой дворянский мундир, с которым его освободили от службы» [Там же]. Грустить они начали, по словам Ключевского, позже — во времена Александра I, а скучать еще позже — во времена Николая I.

Таким образом, честь обретает свое содержание в реальной результативной деятельности, с которой субъект связывает свои личностные смыслы. Конечно, репутация также во многом зависит от успешной практической деятельности, но она существенно «подправляется» усилиями внешнего свойства, направленными на презентацию субъекта и его деятельности. Здесь личностные смыслы коренятся в большей степени не в самой деятельности, по поводу которой выстраивается репутация, а в принятии деятеля значимым для него сообществом.

В свете сказанного об отличии чести от репутации можно сказать, что репутационный менеджмент должен осознаваться во вполне конкретном смысле, как технология значимая для выстраивания отношений в более или менее стандартных ситуациях. В ситуациях же, требующих творческого подхода, точках бифуркации, предполагающих ответственный нестандартный выход с неясными до конца последствиями, репутационный образ вряд ли может гарантировать надежность в деловых и просто человеческих отношениях.

Более того, борьба за репутацию может в определенных случаях противостоять интересам дела, когда опасение потерять ее обуславливает отказ от рискованных, но могущих привести к выходу из кризисных ситуаций, решений. Профессиональная честь при принятии решений предполагает выведение на первый план не сохранение репутации, а ориентацию на общественный интерес, сопровождающуюся готовностью взять на себя ответственность за их осуществление. Эта готовность коренится в фундаментальных мировоззренческих представлениях личности, формирующих ее направленность. Вообще следует отметить, что профессиональная честь является важнейшим мотивирующим фактором, значительно более сильным, чем стремление сохранить репутацию, определяющим отношение к профессии, желание и готовность совершенствоваться в ней.

К сказанному следует добавить, что увлечение идеями репутационного менеджмента в учебном процессе может привести и к серьезным просчетам в воспитании студента, и к просчетам в деле развития деловых качеств будущего специалиста. Заботясь о своей репутации, студент может добиться хороших оценок в зачетной книжке, заботиться о своем внешнем виде, быть активным участником общественной и спортивной жизни, заниматься научной работой и пр. Все эти параметры, по которым мы обычно предлагаем фото героя на доску почета, не означают того, что он является человеком чести, и того, что в дальнейшем его выбор способов решения деловых проблем будет соотноситься с высокими нравственными смыслами, стремлением отвечать на реальные запросы общества.

Литература

1. *Александров В. Б.* Русская социально-философская мысль. Темы. Идеи. Традиции. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2017. 226 с.
2. *Бердяев Н. А.* Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М. : Правда, 1989. 608 с.
3. *Ильин И. А.* О монархии и республике // Ильин И. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 4. М. : Русская книга, 1994. 624 с.
4. *Ключевский В. О.* Соч. в 9 т. М. : Мысль, 1987–1989.

Об авторе:

Александров Владимир Борисович, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; vladboralex@mail.ru

References

1. Alexandrov V. B. Russian socio-philosophical thought. Topics. Ideas. Traditions. St. Petersburg : SZIU of RANEPA, 2017. 226 p. (In rus).
2. Berdyaev N. A. The meaning of creativity // Berdyaev N. A. The philosophy of freedom. The meaning of creativity. M. : True, 1989. 608 p. (In rus).
3. Ilyin I. A. On the monarchy and the republic // Ilyin I. A. Collected works in 10 vols. Vol. 4. M. : Russian book, 1994. 624 p. (In rus).
4. Klyuchevsky V. O. Works in 9 vol. M. : Thought, 1987–1989. (In rus).

About the author:

Vladimir B. Aleksandrov, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; vladboralex@mail.ru

Global Changes in Higher Education: Post-Covid Times

Julia P. Bayer^{1, *}, Nikita A. Churaev²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation; *bayer-yp@ranepa.ru

²Committee for Science and Higher Education of the Government of Saint-Petersburg, Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

In this article we talk about education as a global phenomenon that includes many actors with their own political interests. In this regard, the question of the anthropological component of modern education, including in the international context, arises extremely sharply: what kind of person is formed by the new global education, to whom it applies, and what values it forms. Main trends in global education policy are defined. The formation of a global educational policy has not yet been completed, and the pandemic of coronavirus infection has brought both positive and negative aspects. We name both of them: the advantages and disadvantages of pandemic situation that shifted the global higher education into the different format. Also, we make the forecast on further higher education development.

Keywords: global education policy (GEP), pandemic, digitalization of education, citizen of the world

For citing: Bayer Ju. P., Churaev N. A. Global Changes in Higher Education: Post-Covid Times // Administrative consulting. 2021. No. 8. P. 65–70.

Глобальные изменения в высшем образовании: постковидное время

Байер Ю. П.^{1, *}, Чураев Н. А.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *bayer-yp@ranepa.ru

²Комитет по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В этой статье мы говорим об образовании как о глобальном феномене, включающем множество акторов со своими политическими интересами. В этой связи крайне остро встает вопрос об антропологической составляющей современного образования, в том числе в международном контексте: какого человека формирует новое глобальное образование, к кому оно применяется и какие ценности оно формирует. Определяем основные направления глобальной образовательной политики. Формирование глобальной образовательной политики еще не завершено, и пандемия коронавирусной инфекции принесла как положительные, так и отрицательные аспекты в образование. Мы рассматриваем и преимущества, и недостатки пандемической ситуации, которая перевела мировое высшее образование в другой формат. Также мы делаем прогноз по дальнейшему развитию высшего образования.

Ключевые слова: глобальная образовательная политика (ГОП), пандемия, цифровизация образования, гражданин мира

Для цитирования: Bayer Ju. P., Churaev N. A. Global Changes in Higher Education: Post-Covid Times // Управленческое консультирование. 2021. № 8. С. 65–70.

The process of globalization in recent decades has covered almost all spheres of social life. Education, which is rapidly acquiring an increasingly global character, overcoming national borders and reaching the transnational level, is no exception. Today we can already speak with a certain degree of confidence about such a phenomenon as “Global Education Policy” — the purposeful activity of a number of national and global actors that are shaping a single global educational agenda.

As we considered it earlier publications, in the current global context, it is important to note that education is, firstly, viewed by the UN leadership as an ongoing process that facilitates growth for children and adults; secondly, the importance of education was understood as going beyond the framework of socio-cultural restrictions imposed in every society in the process of cultural production and reproduction; thirdly, education became primarily a technical endeavor and as such could be improved through the application of principles revealed by scientific research [12].

As A. V. Torkunov states, “international leadership is increasingly determined by the state’s ability to purposefully develop its neighbor or competitor” [13]. And in this aspect, of course, one of the most important tools of influence is education, which serves as a powerful factor in the formation of the cultural and civilizational identity of the individual, his/her value orientation, political preferences, and so on. So, for example, funding in universities began to acquire a more selective and targeted nature, such as, the Erasmus + (that is financed by EU) program is aimed at individual grants for successful students, undergraduates, teachers and research, as well as scientific projects.

The trend that we pointed out in 2019 [12], is developing further: a prerequisite for the funding of grants from the representatives of the European Union is the highly detailed paragraph of the application on the “dissemination of European values” [12]. Thus, the European Union, as an actor of the GEP, pursues its own goals, which do not always coincide with the opinion of possible grantees. Nevertheless, this program is very successfully implemented among students, undergraduates and scientists all over the world.

Modern education is complex architectonics associated with a significant increase in the functional aspect of the educational process. If earlier education was necessary only for the transfer of knowledge, then since the second half of the XX century it begins to play an increasing political role, both within the country and in foreign policy processes [12]. Today we can talk about education as a global phenomenon that includes many actors with their own political interests. In this regard, it seems extremely important to determine the actors of global education policy today, what goals they pursue, and what are the mechanisms of their interaction. In this regard, the question of the anthropological component of modern education, including in the international context, arises extremely sharply: **what kind of person is formed by the new global education**, to whom it applies, and what values it forms [1].

The concept of “global education policy” is reflected in the works of a number of Western experts. The problem of globalization of educational policy is reflected in the works of such authors as N. Stormqvist, E. Green, K. Mandy, B. Lingard and others. Such authors as T. Falg, T. Bieber, K. Martens and others turn their attention to problems of actorship in the new global education, including at the national and supranational levels [2–11].

If we talk about specific Russian scientific schools, then in the context of the study of global educational policy, one should single out the schools that have developed at MGIMO and RANEPА.

Today, we can fix the basic directions of the development of higher education in the world, which we define as the main trends in GEP. Among them, we should highlight such as:

- massification, expressed in the increasing accessibility of higher education, individualization and nonlinearity of educational trajectories,

- openness (Life Long Learning) — learning throughout life,
- delocalization of the educational space (computerization, e-learning), an increase in the share of project and problem-oriented learning.

Major new players such as China, Korea, Taiwan, Brazil and India have emerged in the global economy. They began to undermine US and European dominance in manufacturing and education. Global education policy is an integral part of world politics. We see that among the countries exporting educational services, the first places are taken by the United States and the European Union, which is quite natural from the point of view of the geopolitical ambitions of these countries. Russia, in turn, historically, since the Cold War, and also due to language restrictions, exports educational services to countries that are historically close to it and are its allies geopolitically.

Nevertheless, it can be noted that the 2019–2020 pandemic has significantly accelerated the process of delocalization of education, since the universal transition to distance learning took place as soon as possible.

So, for example, 03/11/2020, the World Health Organization announced a pandemic of the new coronavirus infection COVID-19. However, as early as January 24, 2020, an emergency regime was introduced throughout the People's Republic of China. The Chinese authorities banned all sports events, significantly restricted movement on public transport, canceled mass cultural and entertainment events, closed museums, and in a number of regions of the country that are zones with a particularly high epidemiological risk, a full lockdown was introduced.

With these restrictions, the preservation of traditional classroom forms of conducting classes becomes almost impossible. As in a number of other countries, educational organizations of the People's Republic of China were forced to switch to distance forms of education as soon as possible to ensure the continuity of education. The most massive online educational platforms in the People's Republic of China are: "XuetangX" (www.xuetangx.com), which was launched back in 2013 and as of 2020 contained over 3000 online courses from leading universities in the world, and also online platform "iCourse International" (www.icourse163.com), which was launched on 28/04/2020.

The Russian Federation has a similar platform — the national Open Education platform (<https://openedu.ru/>), developed with the support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. This platform was created by the Association "National Platform for Open Education", which includes the following leading Russian educational organizations: Moscow State University M.V. Lomonosov, St. Petersburg State Peter the Great Polytechnic University, St. Petersburg State University, National Research Technological University MISiS, National Research University Higher School of Economics, Moscow Institute of Physics and Technology, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, as well as the National Research University ITMO.

The development, filling with educational materials and programs, as well as supporting the functioning of the above platforms, both in Russia and abroad, most clearly testifies to the need of a modern person for an affordable, continuous and high-quality education.

In addition, the relevance of the topic is determined by the already well-known fact that education and its export are often used as "soft power", as a way of informational and ideological influence of one country on another, thus, carrying out the conquest of minds by information. So, the EU countries export their influence through the provision of educational services and grants (for example, the Erasmus+ program), the USA provides significant benefits in education for citizens of Georgia, Latin America, etc. Step by step, national traditions in education are eroded, social norms and values become universal, and geopolitical influence is carried out at a more subtle level than trade or military action. As a result of the transition to distance learning and the erasure of geographical physical boundaries, education becomes generally available.

Not so much has been written about globalization and educational policy and about the creation of a separate area of global educational policy, as it deserves. It seems that the process of development of the GEP is developing more rapidly than the process of its comprehension. Both in politics and in practice, the concept of using “soft power” is already the most relevant and one of the most effective.

The process of globalization in recent decades has covered almost all spheres of social life. In this case, education was no exception, and is rapidly acquiring an increasingly global character, overcoming national borders and reaching the transnational level. Today, we can already speak with a great deal of confidence about such a phenomenon as global educational policy — the purposeful activity of a number of national and supranational actors to form a single global educational policy.

There are a lot of definitions of GEP in the scientific world discourse, but we, on the basis of the studied literature, believe that global education policy is the current trend in the field of modification, improvement and development of educational processes occurring at the global level. Through the information sphere, one (as a rule, more economically wealthy and politically strong) state (union of states) influences another state (states), thereby using “soft power” to win the minds of the most promising target audience — youth. Thus, values and norms become universal, there is no need to conquer other states physically, if this can be done informationally. The nationality of citizens is losing its meaning. As a result of the GEP, a unified formation of a “citizen of the world” takes place, possessing the personal and professional competencies necessary for survival in the world society. We don't give here our opinion on that intentionally, being scientists, we are free of judging, we only study pure facts and processes in society, trying to extrapolate them and foresee social and political consequences.

At the same time, it is necessary to understand that at the moment the formation of a global educational policy has not yet been completed, and the pandemic of coronavirus infection in this formation has brought both positive and negative aspects.

The positive aspects include the following:

- self-aligning by students of their own time necessary for mastering educational programs,
- convenience in choosing a place for training and reducing the time and financial costs for the journey to the educational institution,
- a fairly wide range of additional information resources that are available at any time, both to students and to the teaching staff thanks to access to the Internet.

The negative aspects include the following:

- the lack of full-fledged social contact of students between each other and the teacher,
- the geographical aspect when conducting group classes in the online format, that is, the difference in time zones between cities affects, with all the abundance and availability of information, the organization of distance learning in the Russian Federation.
- lack of uniform standards and (or) unified educational platforms,
- a decrease in the motivation of a number of students to systematically master educational programs,
- an increased load on the teaching staff during the period when students provide lots of materials that needed to be checked,
- the impossibility or extreme difficulty in conducting practical classes, which is especially important for a number of specialties,
- now, in almost post-covid times, difficulty in returning students (as well as teaching staff) to the traditional (classroom) form of education, lack of students' discipline in attending off-line classes, probably because that during 2020 they learned so well to “stay safe home”.

Summing up, it should be noted that the global pandemic of the new coronavirus infection COVID-19, which broke out in 2019 and continued in 2020 and 2021, clearly marked the following trend towards the transformation of the education system — the traditional form of education, which has already undergone forced changes due to the pandemic and further, the trend towards hybridization of forms of education will continue, and more and more attention will be paid to the creation and (or) development of unified educational Internet platforms.

Still, we have to admit that these extreme circumstances has sped up the process of digitalization of education all over the world. If under “normal” environmental conditions it would have taken 10 years to get all educational levels into digital form, under stress of pandemic it took only one year. We can surely state that since global fast digitalization of education already occurred, students will never get back to only off-line format of studying.

The education, we suppose, will continue developing into global, boundaries-free shape. Since the time of post-pandemic arrives, we are talking about developing better, interactive, convenient forms of e-study platforms that the competitive education global environment will create. Those actors of global education, who create the most competitive, creative and developing “clouds” will win the game. Still, education will continue to be less national and more global, because the competences that we develop in students, should be in demand on international labor market. Pandemic times has proven to us that the world is small and we all are interconnected. That is why any university should make their educational programs above their national interests and in alliance of the global labor market demands and internal desires of the students involved.

References

1. *Ball S. J.* (2012). *Global education inc.* London: Routledge., Rizvi, F., & Lingard, B. (2010). *Globalizing education policy.* London: Routledge.
2. *Bieber T.* (2010), ‘Playing the Multilevel Game in Education-the PISA Study and the Bologna Process Triggering Swiss Harmonisation’, in K. Martens, A. Nagel, M. Windzio and A. Weymann (eds), *Transformation of Education Policy.* Basingstoke: Palgrave Macmillan, pp. 105–131.
3. *Green A.* (2003), ‘Education, Globalisation and the Role of Comparative Research’. *London Review of Education*, 1, (2), 84–97.
4. *Lingard B., & Rawolle S.* (2011). *New scalar politics: Implications for education policy.* *Comparative Education*, 47, 489–502.
5. *Lingard B., Rawolle S. and Taylor S.* (2005), ‘Globalising policy sociology in education: working with Bourdieu’. *Journal of Education Policy*, 20, (6), 759–777.
6. *Martens K. and Wolf K. D.* (2009), ‘Boomerangs and Trojan Horses: The Unintended Consequences of Internationalising Education Policy Through the EU and the OECD’, in A. Amaral, G. Neave, C. Musselin, and P. Maassen (eds), *European Integration and the Governance of Higher Education and Research.* Dordrecht: Springer Netherlands, pp. 81–107.
7. *Martens K., Nagel A., Windzio M. and Weymann A.* (2010), *Transformation of Education Policy.* Basingstoke: Palgrave Macmillan.
8. *Mundy K.* (1998), ‘Educational Multilateralism and World (Dis)Order’. *Comparative Education Review*, 42, (4), 448–478.
9. *Mundy K.* (1999), ‘Educational multilateralism in a changing world order: UNESCO and the limits of the possible’. *Journal of Education Development*, 19, (1), 27–52.
10. *Mundy K. and Menashy F.* (2011), ‘Varieties of Organized Hypocrisy: The Case of the World Bank and Private Provision of Education’, paper presented to Workshop ‘Studying International Organisations in Social Policy’, Bremen, 21 October.
11. *Mundy K. and Murphy L.* (2001), ‘Transnational Advocacy, Global Civil Society? Emerging Evidence from the Field of Education’. *Comparative Education Review*, 45, (1), 85–126.
12. *Bayer Ju. P.* Actor approach to researching global educational policy [Байер Ю. П. Акторный подход к исследованию глобальной образовательной политики] // *Administrative consulting [Управленческое консультирование].* 2019. № 3. P. 72–78. (In Rus)

13. *Torkunov A. V.* Education as a soft power tool in Russian foreign policy [Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России] // *MGIMO Review of International Relations* [Вестник МГИМО университета]. 2012. № 5. P. 85–93. (In Rus)

About the authors:

Julia P. Bayer, Head of “Sociology” and “Social work” programmes, Associate Professor of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Sociology; bayer-yp@ranepa.ru

Nikita A. Churaev, Chief specialist of the Department of Development of Programs and Projects in the Field of Vocational Education of the Committee for Science and Higher Education of the Government of St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation); nikitazch@yandex.ru

Об авторах:

Байер Юлия Паулевна, директор образовательных программ «Социальная работа» и «Социология», доцент кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат социологических наук; bayer-yp@ranepa.ru

Чураев Никита Антонович, ведущий специалист отдела развития программ и проектов в сфере профессионального образования Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Российская Федерация); nikitazch@yandex.ru

Женщины на службе в МЧС России: мотивация к поступлению и особенности карьеры

Кашина М. А.^{1, *}, Настасюк Н. П.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; kashina-ma@ranepa.ru

²Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Социологических исследований службы в структурах Министерства по чрезвычайным ситуациям Российской Федерации очень мало. Недостаточно также работ, посвященных ее гендерным аспектам. Хотя эта служба всегда воспринималась как сфера мужской занятости, женщин в ней не так уж мало. Особый интерес представляет решение этими женщинами ролевого конфликта «семья-работа». **Цель исследования:** выяснить мнение выпускников Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России и женщин — действующих сотрудниц МЧС о мотивации поступления женщин в этот вуз, перспективах их карьерного роста и создания семьи. **Методы:** анализ документов и ведомственной статистики, интернет-опрос, групповое фокусированное интервью. Выборка: в интернет-опросе приняли участие 200 выпускников университета, репрезентирующих все направления подготовки. В фокус-группе участвовало 6 женщин, имеющих стаж службы в МЧС от 5 до 10 лет. **Результаты.** В ходе исследования проверялись следующие гипотезы. 1) Мотивация к поступлению в вуз силового ведомства у женщин и мужчин различна. Гипотеза была опровергнута. При этом выяснилось, что для женщин оказывается более существенным, чем для мужчин, влияние ближайшего окружения на принятие решения о поступлении. 2) Служба в МЧС имеет значимые отличия от работы в других организациях, которые могут повлиять на создание семьи. Гипотеза подтвердилась частично. Особенности службы были выделены, но они не оказывают существенного влияния на создание семьи. 3) Женщинам в структурах МЧС делать карьеру сложнее, чем мужчинам. Гипотеза требует дополнительной проверки. По мнению респондентов, на карьеру больше влияют не гендерные стереотипы, а личные характеристики и желание делать карьеру, но была представлена и противоположная точка зрения. **Значимость исследования.** Данный пилотный проект позволил наметить направления дальнейшего изучения перспектив феминизации государственной службы иных видов (не гражданской и не военной).

Ключевые слова: государственная служба иных видов, Министерство чрезвычайных ситуаций, пожарные, гендер, женщины, профессиональная и должностная мотивация, семья

Для цитирования: Кашина М. А., Настасюк Н. П. Женщины на службе в МЧС России: мотивация к поступлению и особенности карьеры // Управленческое консультирование. 2021. № 8. С. 71–86.

Women in the Russian Service for Emergencies: Motivation for Enter the Service and Career Features

Marina A. Kashina^{1, *}, Natalya P. Nastasyuk²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *kashina-ma@ranepa.ru

²Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

There are few sociological studies of the service in the structures of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation. There are few gender-sensitive research too. Al-

though this type of public service has always been considered a sphere of male employment, women work in it too. The solution by these women of the “family-work” role conflict is very important. Purpose of the study: to find out the opinion of graduates of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia and female employees of the Ministry of Emergency Situations about: 1) the motivation for women to enter this university; 2) the prospects for their career growth and the creation of a family. Methods: analysis of documents and departmental statistics, Internet survey, group focused interview. Sample survey: 200 university graduates, representing all areas of study. The focus group was attended by 6 women. They have a length of service in the Ministry of Emergency Situation from 5 to 10 years. Results. The study tested three hypotheses. 1) The motivation to enter this university is different for women and men. The hypothesis was disproved. At the same time, it turned out that for women it turns out to be more significant than for men, the influence of the immediate environment on the admission decision. 2) Service in the Ministry of Emergency Situations has significant differences from work in other organizations. It can affect the creation of a family. The hypothesis was partially confirmed. Features have been highlighted, but they do not have a significant impact on family creation. 3) It is more difficult for women than for men to make a career in the structures of the Ministry of Emergency Situations. The hypothesis requires additional verification. According to the respondents, careers are more influenced not by gender stereotypes, but by personal characteristics and the desire to pursue a career, but the opposite point of view was also presented. The relevance of the study. This pilot project made it possible to outline the directions for further study of the prospects for the feminization of public service of other types (not civil and not military).

Keywords: public service of other types, Ministry of Emergency Situations, firefighters, gender, women, professional and career motivation, family

For citing: Kashina M. A., Nastasyuk N. P. Women in the Russian Service for Emergencies: Motivation for Enter the Service and Career Features // Administrative consulting. 2021. N 8. P. 71–86.

Введение

Рост потребности государства в структурах, способных оказывать своевременную и качественную помощь населению в экстремальных ситуациях, определяется характером современной цивилизации, увеличением риска техногенных катастроф, нарастанием экологических проблем, негативных последствий неконтролируемой урбанизации и т. д. и т. п. От профессионализма тех, кто служат в таких структурах, напрямую зависят жизнь и благополучие множества людей. Желание помогать людям, специальная подготовка, стрессоустойчивость, физическая выносливость — все это необходимые составляющие профессионализма «спасателей».

Научных исследований, посвященных особенностям этого вида государственной службы и анализу социальных проблем, существующих в ней, в сравнении с исследованиями других видов государственной службы, прежде всего гражданской, очень немного. Это объясняется закрытостью и военизованным характером самой системы. В связи с этим необходимо увеличивать базу эмпирических социологических данных о социальных процессах, протекающих в структурах МЧС, что позволит давать обоснованные практические рекомендации по социально-профессиональному развитию данного социального института и вида государственной службы. Гендерное измерение — одно из возможных направлений такого социологического исследования.

Профессии, предусматривающие большие физические нагрузки и риски для жизни, традиционно считаются мужскими. Однако в современном обществе, где границы, определяемые полом, возрастом и расой (этносом), становятся все более прозрачными, существует тенденция к ликвидации профессиональной сегрегации по признаку пола: женщины стремятся найти себя в «мужских» профессиях, связанных с риском, принятием решений и ответственностью, а мужчины — раскрывают для

себя возможности профессиональной самореализации в «женских» отраслях, предполагающих эмпатию и заботу о людях. По всему миру женщины начинали свое движение в военные и силовые структуры государства. Не обошла стороной эта тенденция и Россию.

Принцип равного доступа к службе в Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (далее — МЧС) мужчин и женщин закреплен в ст. 4 п. 10 ФЗ № 141¹. Женщины проходят службу в качестве рядовых сотрудников ведомства и на руководящих должностях. Сегодня в центральном аппарате МЧС — более 400 женщин. В Департаменте кадровой политики из десяти сотрудников — одна женщина, в Контрольно-ревизионном управлении из семи сотрудников — четыре женщины. В Главных управлениях по субъектам Российской Федерации во всех федеральных округах — треть женщины². В спасательных военизированных формированиях в настоящее время служит около 5% женщин.

В МЧС имеются такие гражданские и часто «женские» профессии, как бухгалтеры, юристы, психологи, врачи, химики, преподаватели ведомственных учебных заведений, сотрудники пресс-служб, фотографы, музейные работники, диспетчеры. Есть также «мужские» профессии, свойственные именно этим государственным органам: спасатели (при этом женщин в пожарно-спасательных подразделениях не более 1%)³, пилоты, водители, парашютисты, водолазы. Отметим, что женщины — сотрудники МЧС, в соответствии с действующим законодательством, не тушат пожары и не входят в состав подразделений, принимающих участие в ликвидации чрезвычайных ситуаций (далее — ЧС) под землей⁴. Наличие различных типов профессий свидетельствует, что существуют объективные предпосылки увеличения доли женщин в структурах МЧС, хотя на практике, как показывают данные ведомственной статистики, этого не происходит. Следовательно, существуют внепрофессиональные барьеры, ограничивающие вхождение женщин в силовые ведомства вообще, и в МЧС, в частности. Вопрос о том, являются ли эти барьеры оправданными или нужно стремиться к их ликвидации, следуя современным общественно-политическим тенденциям преодоления гендерного неравенства, пока остается открытым.

Гендерные исследования уже убедительно доказали, что у женщин есть свое законное и значимое место в политике, но есть ли оно у них в силовых структурах, в частности МЧС? Является ли появление среди сотрудников ведомства женщин данью политической моде или это объективный процесс, обусловленный, с одной стороны, ростом технической вооруженности спасателей, что снимает вопрос о разнице в физической силе женщин и мужчин, а с другой — преодолением гендерных стереотипов о том, что есть профессии, в принципе недоступные женщинам в силу их биологических характеристик?

На все эти вопросы нельзя ответить в одной небольшой статье, поэтому начнем с ответа на самый простой и очевидный вопрос: почему женщины хотят стать со-

¹ Федеральный закон от 23.05.2016 г. № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Ст. 4 п. 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/federalnye-zakony/465> (дата обращения: 30.03.2021).

² Официальный сайт Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mchs.gov.ru/> (дата обращения: 30.03.2021).

³ «Чрезвычайные женщины» МЧС России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti/4404258> (дата обращения: 30.03.2021).

⁴ Постановление Правительства РФ от 25 февраля 2000 г. № 162 «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин» // Система ГАРАНТ [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/181761/> (дата обращения: 30.03.2021).

трудницами МЧС, какова их основная мотивация к поступлению на службу в эти государственные органы, отличается ли она от мотивации мужчин?

Обзор литературы

Как уже отмечалось, социологических исследований, посвященных службе в МЧС в отечественной науке очень мало. В середине и конце 1990-х гг. в Санкт-Петербургском институте пожарной безопасности МВД России была предпринята попытка обозначить контуры такой отраслевой социологии, как социология пожарной безопасности¹. Пожарная безопасность рассматривалась авторами как один из элементов общественной системы. Потребность в безопасности вообще, и в пожарной безопасности в частности, рассматривалась ими как основная причина создания соответствующих профессиональных групп и институтов. При анализе пожарно-технического труда и особенностей профессиональной группы пожарных Н. Андреевым были выделены следующие особенности профессиональной деятельности сотрудников пожарной охраны: постоянный риск и необходимость морально-психологической устойчивости. При этом типологические характеристики специалиста пожарной безопасности включают в себя физическое и психическое здоровье, соблюдение профессиональной этики, предсказуемость поведения, цельность характера, высокий интеллектуальный уровень, развитые аналитические способности, коммуникабельность и т.д. [1, с. 10, с. 40–42]. В начале 2000-х гг. в Санкт-Петербургском университете МВД В. Моториным проводились прикладные исследования с целью выяснения мотивационных механизмов функционирования и развития пожарно-технического труда, совершенствованию системы подготовки кадров для пожарной охраны [13; 14].

Однако значимого продолжения эти начинания не получили. Если в 1990-х гг. социальным факторам профессионализации пожарной безопасности уделялось определенное внимание, то в 2000-х акценты сместились на анализ психологических проблем, существующих у сотрудников МЧС (в том числе у пожарных), и особенностям их профессиональной деятельности на личностном, а не социальном уровне. Сегодня доминируют работы, в которых исследуется психоэмоциональное состояние и проблемы профессионального выгорания сотрудников МЧС [например, 9], определяются профессионально важные личные качества и анализируются особенности процесса подготовки специалистов для структур МЧС [10; 12]. Есть работы, посвященные оценке влияния особенностей профессиональной деятельности женщин — сотрудниц МЧС России на типы акцентуаций, уровень их личностной и реактивной тревожности, модели совладающего поведения [2]. Отечественными авторами анализируются проявления гендера в профессиональной деятельности, например, через сравнительное исследование сотрудников государственной противопожарной службы (далее — ГПС) МЧС России, занимающих должности одинаково пригодные как для мужчин, так и для женщин [15].

Таким образом, в центре внимания исследователей оказывается личность сотрудника МЧС и его профессиональная деятельность вне широкого социального контекста. Работ, опирающихся на данные актуальных социологических исследований, которые позволили бы представить функционирование системы пожарной безопасности в качестве социального института как субинститута общественной (национальной) безопасности или как субинститута российской государственной службы, практически нет. Имеющиеся работы, претендующие на социологический анализ, оказываются неоригинальными, основанными на анализе вторичных данных. Так, в статье Т. А. Шавыриной, А. А. Кондашова,

¹ Социология. Учеб. пособие / под ред. Г. А. Гриненко. СПб. : Издательство СПбВППШ МВД России, 1994. С. 232–244.

О. С. Маториной, С. В. Нестеровой «Основные мотивы и факторы, оказавшие влияние на выбор профессии девушками-курсантами вузов МЧС России» заявляется, что авторами «рассмотрена мотивация выбора вузов МЧС России девушками-курсантами, предпринята попытка выделить основные факторы, оказавшие влияние на женщин на этапе профессионального самоопределения» [16, с. 293]. При этом они анализируют результаты опроса 2012 г., проведенного другими исследователями [17], а также апеллируют к материалам, полученным на выборке военнослужащих [11]. Понятно, что, несмотря на публикацию статьи в 2020 г., нельзя считать ее выводы ни актуальными, ни достоверными для современной ситуации.

Таким образом, несмотря на наличие определенного корпуса литературы по специфике профессиональной деятельности сотрудников МЧС, данных о социальных факторах, определяющих поступление женщин и мужчин на службу в МЧС и о специфике их профессионального и должностного роста в системе МЧС как вида государственной службы явно недостаточно. Вне зоны научных исследований остается и такая насущная социальная проблема, как особенности разрешения сотрудницами МЧС ролевого конфликта «семья — работа», который приходится решать всем российским женщинам, имеющим семью и занятым вне дома. Отметим, что для гражданской службы таких исследований уже немало [см., например, 4; 7; 8].

Исходя из вышеизложенного, были сформулированы два исследовательских вопроса: 1) что мотивирует женщин к обучению в образовательных учреждениях высшего образования системы МЧС и дальнейшей службе в этом ведомстве?; 2) как служба в силовом министерстве сказывается на семейной жизни сотрудниц МЧС, мешает или помогает она им в реализации их семейных ролей? А также связанный с этим сюжет об оценке карьерных возможностей женщин в системе МЧС.

Методология и методы исследования

Цель настоящего исследования выяснить мнение выпускников Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России (далее — УГПС МЧС) и женщин — действующих сотрудниц МЧС о мотивации поступления женщин в вуз, перспективах их карьерного роста и создания семьи.

В ходе исследования проверялись следующие предположения:

- мотивация к поступлению в вузы МЧС юношей и девушек различна;
- служба и карьерное продвижение в МЧС заметно отличается от военной и гражданской службы, при этом женщинам — сотрудницам МЧС сложнее делать карьеру, чем мужчинам;
- женщинам — сотрудницам МЧС сложнее создавать семью, чем другим женщинам, из-за особенностей их профессиональной деятельности.

Для сбора информации были использованы следующие методы: анализ документов и ведомственной статистики, интернет-опрос, групповое фокусированное интервью.

Результаты исследования и их анализ

Служба в МЧС глазами выпускников УГПС МЧС России: анализ материалов интернет-опроса

В интернет-опросе приняли участие 200 слушателей выпускных курсов всех направлений подготовки УГПС МЧС России. Большинство респондентов учатся на направлении «Пожарная безопасность» (рис. 1). От них было получено 118 ответов, по остальным направлениям выборка получилась практически сплошная с учетом числа выпускников.

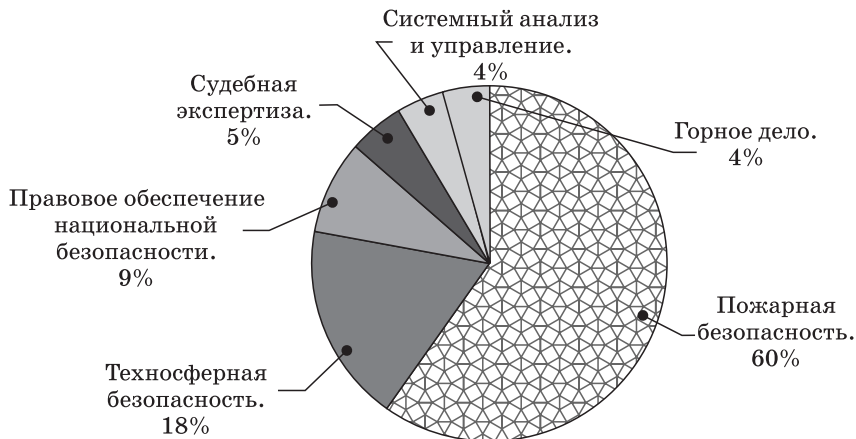

Рис. 1. Направления подготовки, по которым учатся респонденты
Fig. 1. Areas of training for respondents

Средний возраст выпускников университета младших лейтенантов — 23 года. Пропорция по полу: 89% мужчин, 11% женщин. Это полностью соответствует распределению в генеральной совокупности студентов УГПС МЧС. Таким образом, выборка интернет-опроса репрезентативна по параметрам пола и направлениям подготовки выпускников университета.

Подавляющее большинство респондентов выросли в средних и малых городах, поселках городского типа — 77%. Только 13% социализировались в городах с населением свыше 1 млн жителей. Это связано с региональным принципом поступления, согласно которому возможность получить образование в ведущем вузе МЧС предоставлена всем желающим из разных субъектов РФ (рис. 2).

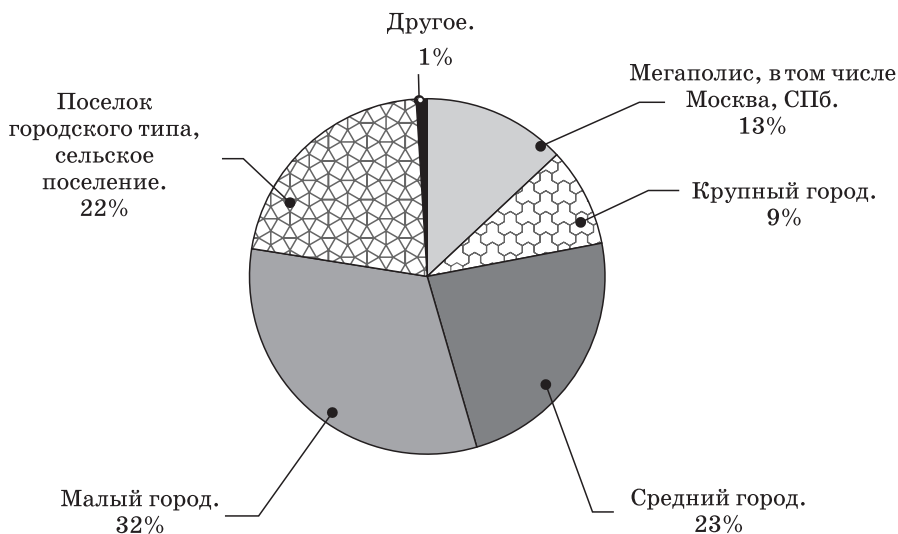

Рис. 2. Распределение респондентов по месту детской и школьной социализации
Fig. 2. Distribution of respondents by place of child and school socialization

11,5% респондентов смогли за годы учебы создать семью, примерно такая же доля живет в незарегистрированных союзах. Число тех, кто живет один, составляет больше половины опрошенных. По этническому составу абсолютное большинство русские, только 8% представляют другие этнические группы.

Анализ ответов на вопрос о мотивах поступления в УГПС МЧС показал их гендерную нейтральность. Тройку основных мотивов составляют: гарантированное трудоустройство после окончания учебы (53,5%), стремление помогать людям (46%), возможность учиться в Санкт-Петербурге (32,5%).

Мотивы поступления респондентов в УГПС МЧС, %

Гарантированное трудоустройство после учебы	53,5
Стремление помогать людям в ЧС	46,0
Возможность учиться в Санкт-Петербурге	32,5
Престижность профессии	26,0
Государственное обеспечение курсантов	21,5
Социальные гарантии/льготы для сотрудников МЧС	21,5
Возможность служить в военизированной структуре	20,5
Получение образования в престижном вузе МЧС	16,5
Мои родственники служат/работают в МЧС	16,0
Посоветовали друзья/знакомые	14,5
Гарантированное продвижение по службе	9,5
Возможность решать задачи в ситуациях риска	8,0
Высокое денежное довольствие сотрудников МЧС	4,5
Другое	1,5
Возможность прославиться, стать известным	1,0

Гендерно нейтральными являются и другие мотивы, набравшие в среднем по 20% — наличие социальных гарантий/льгот, досрочный выход на пенсию по выслуге лет и государственное обеспечение курсантов. Значимость этих мотивов объясняется не полом, а местом жительства респондентов до поступления — это деревни, небольшие и средние провинциальные города, где у семей просто нет лишних денег на учебу детей и их содержание в мегаполисе. Такой специфический для МЧС мотив как возможность прославиться, стать известным отметил лишь 1% респондентов, хотя возможность служить в военизированной структуре привлекает каждого пятого.

Для того чтобы проверить гипотезу о существовании гендерных различий в мотивации к поступлению, респондентам задавался прямой вопрос о том, почему, по их мнению, поступают в УГПС девушки и почему — юноши. Значимых различий также не обнаружилось. И для юношей, и для девушек, по мнению опрошенных, основным мотивом поступления выступает гарантированное трудоустройство.

Мотивы поступления девушек в УГПС МЧС, по мнению респондентов, %

Гарантированное трудоустройство после окончания вуза	49,5
Родители, друзья, знакомые работают в этой системе	49,5
Возможность сменить место жительства	30,5
Красивая форма курсантов	22,5
Возможность общаться с большим количеством молодых людей с перспективой создания семьи	21,0
Возможность досрочного выхода на пенсию	19,5
Высокое денежное довольствие, дающее экономическую независимость	14,0
Возможность поддерживать себя в хорошей физической форме	14,0
Другое	2,0

Гарантированное трудоустройство	64,
Это по-настоящему мужская профессия.....	56,5
Возможность поддерживать себя в хорошей физической форме	32,5
Гарантированное продвижение по службе	29,0
Возможность организовывать решение сложных задач в ситуациях риска ..	23,5
Возможность сменить место жительства	12,0
Красивая форма курсантов	8,0
Возможность прославиться, стать известным	3,0
Другое	2,0

В то же время прослеживается определенное влияние гендерных стереотипов на выбор учебного заведения. В перечень возможных ответов было включено несколько гендерно маркированных вариантов. Для мужчин — «это по-настоящему мужская профессия» (такой ответ выбрали 56,5%), для женщин — «наличие красивой формы» (выбрали 23,5%). Для юношей, что ожидаемо, эта причина не имеет особого значения (8%). Для мужчин более значима «возможность поддерживать себя в хорошей физической форме» (32,5%), для женщин эта причина называется в два раза реже (14%). В описании мотивов поступления девушек в УГПС подчеркивается элемент случайности и несамостоятельности выбора: считают, что они следуют советам других или семейной традиции, практически половина опрошенных.

Зато ответы на вопрос об отличительных чертах службы в МЧС показали ее мужской характер. В качестве таких черт называются: наличие риска при исполнении служебных обязанностей (60,5%), ненормированный график службы (42%) и внезапные сборы по тревоге (37,5%). Все эти черты находятся в явном противоречии с исполнением традиционной роли женщины «хранительницы домашнего очага».

Оценки респондентами тенденции увеличения доли женщин — сотрудниц МЧС разделились: половина считает, что это нормальное явление, треть — что женщины поступают на службу в силовые ведомства не от хорошей жизни, а вынужденно, в силу конкретно сложившихся обстоятельств. Особый интерес представляют ответы в категории «другое», они демонстрируют достаточно негативную оценку этого явления со стороны мужчин (напомним, что 89% участников опроса — мужчины). Например, «декреты, больничные по уходу за ребенком, с девушек меньше спрос, а зарплата та же».

Участники интернет-опроса — молодые люди, средний возраст которых 23 года, им сложно отвечать на вопросы о будущем, о возможной карьере и семье, но тем не менее исследование этих намерений необходимо для прогнозных оценок. Как показал опрос, выпускники университета не очень стремятся к карьере (хотя профессиональная успешность и высокие заработки — это элемент нормативной мужественности). Никогда об этом не задумывались 25,5% опрошенных, 21,5% считают, что карьеру в МЧС делать сложнее, чем в гражданских организациях. 15,5% не смогли ответить на этот вопрос. Тем самым для двух третей опрошенных карьера в настоящее время не является чем-то значимым и привлекательным.

Что касается семьи, то здесь у респондентов также нет единства мнений. Хотя большинство считают, что семья — это главная ценность человеческой жизни, что карьерный рост помогает обеспечивать своих близких и что крепкий семейный тыл — это залог и стимул продвижения по службе¹, есть и ответы, что семью создавать не будут, что на денежное содержание сотрудника МЧС семью не прокормить.

¹ Напомним, что пятая часть опрошенных уже состоит в зарегистрированных или незарегистрированных браках.

Учитывая, что абсолютное большинство участников опроса — это мужчины, интерес представляют их ответы на вопрос о выборе между семьей и карьерой (табл.). В предлагаемом перечне были как гендерно нейтральные, так и стереотипные варианты ответов. Из стереотипов «сработал» только «мужчина-кормилец» (2-й вариант ответа), но при этом никто не хочет жертвовать семьей ради карьеры, потому что семья ценность сама по себе (1-й и 3-й варианты ответа). Однако здесь нужно иметь в виду, что выпускники УГПС МЧС возвращаются на службу домой в малые и средние города, где возможностей для карьеры не очень много, а хорошая семейная жизнь, напротив, очень важна. Второй вариант стереотипного ответа «Этот вопрос должен решаться по-разному: для женщин — главное семья, а для мужчин — карьера» особой поддержки у респондентов не получил. Позитивным следует считать оптимизм в отношении возможностей создать семью в принципе, только 3 человека из 200 считают, что трудно найти подходящего партнера для семейной жизни.

Анализ результатов интернет-опроса позволяет сделать ряд выводов.

Университет ГПС МЧС выступает социальным лифтом для жителей глубинки России, «окном» в Петербург, культурную столицу, кроме того, его диплом — это гарантированное трудоустройство. Тем самым первая гипотеза исследования не нашла своего подтверждения: мотивация к поступлению в вуз силового ведомства не имеет гендерных различий. В то же время существует восприятие службы в МЧС как «настоящей мужской работы» и мнение, что женщины оказываются на службе в МЧС вынужденно, поэтому есть негативное восприятие тенденции к увеличению числа женщин в составе сотрудников МЧС.

Вторая гипотеза о том, что служба и карьерное продвижение в МЧС заметно отличаются от военной и гражданской службы, подтвердилась частично. Респон-

Таблица

Что важнее, по мнению респондентов, семья или работа
Table. What is more important, according to respondents, family or work

№ п/п	Варианты ответа	Кол-во, абс. ч.	Доля, %
1	Семья всегда должна быть в приоритете, потому что это — главная ценность в человеческой жизни	72	36,0
2	Делая карьеру, ты наилучшим образом помогаешь семье, потому что обеспечиваешь своих близких	54	27,0
3	Успешную карьеру невозможно сделать без крепкого семейного тыла, поэтому сначала семья, потом — карьера	33	16,5
4	Карьера — это способ самореализации, семья может и подождать	8	4,0
5	Этот вопрос должен решаться по-разному: для женщин главное семья, а для мужчин — карьера	5	2,5
6	Семья — это очень большая ответственность и риски, с карьерой проще, здесь все зависит только от тебя, поэтому лучше выбрать карьеру	4	2,0
7	Сегодня трудно найти достойного партнера для создания семьи, поэтому люди вынуждены заниматься карьерой, а не семьей	3	1,5
8	Не согласен(сна) ни с одним из утверждений	21	10,5
	Всего	200	100,0

денты четко представляют себе специфику службы в МЧС, но особенности карьеры в ней им выделить пока сложно. Предположение о том, что женщины — сотрудницы МЧС менее ориентированы на карьеру и им сложнее делать карьеру в структуре МЧС, чем мужчинам, проверить не удалось из-за небольшого числа женщин в выборке интернет-опроса (их было всего 11%) и отсутствия у респондентов практического опыта службы.

Третью гипотезу о том, что служба в МЧС мешает женщинам создавать семьи, также не удалось верифицировать из-за малого числа женщин, которые участвовали в интернет-опросе. Тем не менее была зафиксирована высокая значимость для выпускников УГПС МЧС ценности семьи как таковой, и то, что большинство опрошенных занимают эгалитарные позиции в решении ролевого конфликта «семья — работа», для них важнее наличие семьи как таковой, чем распределение ролей в ней. Все это можно считать свидетельством, что молодые сотрудники МЧС ориентированы на создание семей с современным типом брачно-семейных отношений.

Для верификации результатов опроса выпускников Университета ГПС МЧС и проверки гипотез, которые не удалось подтвердить или опровергнуть в ходе опроса, была проведена фокус-группа с женщинами — действующими сотрудницами МЧС России¹. Имена информанток, приводимые далее в тексте, изменены в целях обеспечения конфиденциальности.

Служба в МЧС глазами женщин — сотрудниц МЧС России: анализ материалов фокус-группы

Как оказалось, такой мотив к поступлению, как гарантированное трудоустройство, не так уж важен, потому что, по словам участниц фокус-группы, об этом больше думают родители, чем сами выпускники школы. «...Гарантированное трудоустройство, высокая заработная плата, стабильность — мне кажется родители больше обращают внимание на эти вещи, чем одиннадцатиклассники, которые не понимают, что их ждет впереди. Осознание приходит позже, в процессе учебы» (Ольга, 30 лет). Совершенно не сыграла роли в выборе профессии «красивая форма», хотя в интернет-опросе в качестве значимой эту причину назвали 25% респондентов. Еще раз подчеркнем, что в опросе 89% участников составляли курсанты-мужчины, поэтому такой ответ мог быть данью стереотипному представлению о женских интересах. В отношении формы мнения участниц фокус-групп разделились: для кого-то наличие формы — хорошо, потому что можно не задумываться о гардеробе, для кого-то, наоборот, это плохо, потому что форма быстро надоедает.

Все участницы фокус-группы считают, что особых различий в мотивации к поступлению в УГПС МЧС у юношей и девушек нет, важнее личностные характеристики. Существует некоторая общая мотивация — стремление помогать, а дальше начинаются различные вариации. Более того, девушки даже лучше справляются с курсантскими буднями. «Иногда мальчики оказываются „нытиками“ и не хотят

¹ Фокус-группа состоялась 22 марта 2021 г. Интервью проходило в удаленном режиме на платформе Zoom. В ней участвовали 6 женщин — сотрудниц МЧС. Самой молодой было 25 лет (срок службы после окончания вуза — 5 лет; специальное звание — старший лейтенант). Самой старшей участнице — 32 года, выслуга 10 лет после окончания вуза, специальное звание — капитан. Две сотрудницы имели специальное звание майор внутренней службы. Респонденты представляли разные регионы — Москву, Нижний Новгород, Вологду и Петрозаводск. Семейное положение было различным: одна информантка была не замужем, воспитывает ребенка, одна разведена, детей нет, две были замужем и имеют двоих детей, одна замужем, но детей пока нет. Социально-демографические и служебно-профессиональные характеристики участниц фокус-группы позволяют считать их социальный опыт релевантным задачам исследования, имеется разброс как в служебном статусе, так и в семейном. Все участницы являются выпускницами СПб УГПС МЧС России.

вставать на ранние построения» (Александра, 26 лет). Интересным оказался вопрос об отсеве, о том, кто чаще уходит из профессии. Оказалось, что здесь также нет особых гендерных различий. Люди уходят, как правило, в силу личных обстоятельств, одним из которых выступает желание получить диплом о высшем образовании, обучаясь за счет бюджетных средств. Такие люди изначально не собирались стать сотрудниками МЧС. Это характерно для обеих гендерных групп.

Тем не менее некоторые гендерные различия в мотивации к поступлению были зафиксированы. А именно, молодые люди поступают в университет МЧС, *«чтобы не служить в армии, а девочек, хоть и не призывают на военную службу, есть те, которые хотят послужить Отчеству и те, у которых был пример родителей»* (София, 29 лет). Это совпадает с такой причиной поступления как «родители, друзья, знакомые работают в этой системе». В интернет-опросе ее выбрали в качестве значимой для девушек почти половина опрошенных (49,5%). В то же время такая «женская» причина как стремление учиться в мужском вузе, чтобы проще было создать семью, не получила поддержки ни в опросах, ни в практической жизни. Из шести информанток только у двух супруги являются сотрудниками МЧС.

Таким образом, первая гипотеза не нашла своего подтверждения и на фокус-группе, т. е. мотивация к поступлению в УГПС МЧС не имеет значимых гендерных различий, за исключением того, что на выбор девушек может большее влияние оказывать ближайшее окружение (семья, родственники).

Совпадение мнений выпускников и действующих сотрудниц МЧС было зафиксировано и по второй гипотезе — о существовании отличий службы МЧС от других сфер занятости. При этом добавился важный аспект — уровень личной свободы. Участницы фокус-группы единодушно считают, что служба в МЧС занимает промежуточное положение между гражданской службой и военной. Критерий — степень свободы человека, его возможность распоряжаться своим временем. По мнению участников интервью, гражданский служащий находится на работе, в офисе с 9 до 18 часов, а потом он может заниматься своими делами. У сотрудников МЧС бывают суточные дежурства. Они могут застрять на работе на неделю, иногда случаются ЧС, например, паводки, лесные пожары. А вот военнотружущие на работе 24 на 7, они вообще себе не принадлежат. *«Внутреннюю службу можно привлечь к ЧС, учениям, сборам, но это случается не так часто, как у военных. У них жестче. Отсюда и уровень заработной платы и социального обеспечения у них лучше»* (Екатерина, 29 лет).

Что касается создания семьи, то здесь важным отличительным моментом выступает само отношение будущего супруга к тому, что жена будет служить, т. е. временами «пропадать из дома». Причем на этапе знакомства это может быть не столь существенно как тогда, когда уже появятся дети. Ролевой конфликт «семья — работа» женщинам — сотрудницам МЧС, скорее всего решать чуть сложнее, чем другим женщинам. Именно в силу того, что есть обязательные сборы, внезапные, порой длительные командировки, необходимость иногда круглосуточно быть на работе. *«...Если совмещать работу, карьеру и семью, то приходится расставлять приоритеты, когда есть необходимость задерживаться на работе часто и надолго. Так, например, моя деятельность связана с расследованием пожаров. Выезды на пожары, особенно в пожароопасный весенне-летний период, когда горит в полях трава гектарами, когда мы на пожарном КАМАЗе возвращаемся домой глубокой ночью, а потом тщательно оформляем документы по этому делу, то приходится часто пренебрегать домом. Если женщина выбирает профессию сотрудника МЧС — это ее выбор. Но не каждая женщина может тянуть эту ношу»* (Ирина, 30 лет). Если в семье есть маленькие дети, это может оказаться проблемой, но, с другой стороны, это может и сплотить семью, все зависит от умения и желания супругов договариваться.

Таким образом, и результаты интернет-опроса, и результаты фокус-группы свидетельствуют, что есть отличительные черты службы в МЧС, которые могут негативно сказываться на выполнении женщинами своих семейных ролей, однако на деле важнее оказывается качество семейно-брачных отношений, а не должностные обязанности жены как сотрудницы МЧС.

Предположение о том, что возможностей для женщины сделать карьеру в МЧС меньше, чем у мужчин, однозначного подтверждения не получило. Мнения участниц фокус-группы диаметрально разделились. Сотрудница, которая служит в Москве, считает, что «стеклянный потолок» в карьере существует, выбор всегда будет сделан в пользу мужчины, потому что женщины «ненадежны» как работники, у них есть дом, семья, дети — они не могут полностью посвятить себя службе. Противоположная точка зрения была представлена мнением сотрудниц МЧС из регионов, они полагают, что никаких особенных барьеров в карьере нет, женщины сами отказываются от должностного призвания, чтобы сохранить время для семьи и близких. Если женщина захочет, и у нее для этого есть способности (например, лидерские качества), она легко может продвинуться по службе. *«Карьерный рост в любом случае зависит от самого человека, от его личностных качеств. Если у человека этих качеств нет — он на это не пойдет, и руководители его на вышестоящие должности не поставят. Женщины часто сами не соглашаются идти на те должности, где слишком много надо работать. Но, если женщина захочет продвинуться по службе — она может это сделать»* (Елена, 31 год). *«...если нужно, то девушкам, женщинам проще построить карьеру. У нас больше усидчивости, старательности, аккуратности в работе. Если это не нужно, то можно просто выполнять свою работу. Мужчины — не такие ответственные и целеустремленные»* (Людмила, 31 год).

Исходя из этого, нельзя дать однозначного ответа на вопрос о существовании гендерных барьеров в должностном продвижении, а в анализ особенностей карьеры женщин в системе МЧС необходимо помимо пола включить и другие факторы, в первую очередь, особенности региона и той структуры МЧС, где служит женщина.

Еще раз подчеркнем, что в системе МЧС довольно много «женских» рабочих мест, на них и заняты участницы нашей фокус-группы, которые, как и в гражданской службе, требуют женских качеств: терпения, аккуратности и умения выполнять скучную бумажную работу. Кроме того, социальные гарантии и достаточно высокий уровень оплаты труда делает эту сферу занятости весьма привлекательной для женщин. В этом отношении факторы, способствующие феминизации гражданской службы [подробнее см.: 5] и службы в структурах МЧС, совпадают. Однако в ближайшее время нашествие женщин МЧС не грозит в силу наличия барьеров в лице профессионального (профильного) образования.

Специально отметим, что все участницы фокус-группы сказали, что чувствуют себя на работе очень комфортно, им нравится дело, которое они занимают, и коллективы, в которых они работают, поэтому они не хотят уходить на пенсию по общему стажу за выслугу, когда им исполнится 38 лет.

Обобщая результаты проведенного эмпирического исследования, можно сделать следующие выводы:

- мотивация к поступлению в образовательные учреждения системы МЧС и последующей службе в этой системе не имеет явно выраженных гендерных различий. Ведущими мотивами выступают социальные гарантии государственным служащим и стремление помогать людям, оказавшимся в чрезвычайных ситуациях;
- несмотря на наличие особенностей службы в МЧС, затрудняющим выполнение женщинам их традиционных семейных ролей, это не оказывается существенным барьером для создания семьи и рождения детей;

- по мнению респонденток, на должностное продвижение женщин в системе МЧС большее влияние оказывает самодискриминация женщин и приоритет у них семейных ценностей над карьерными, чем гендерные стереотипы руководителей.

Данные выводы согласуются с результатами, полученными на выборках женщин — гражданских служащих [4; 7]. Это означает, что рекомендации, разработанные по повышению использования человеческого капитала и кадрового потенциала женщин-гражданских служащих, могут быть использованы и в системе МЧС.

Дискуссия

Проведенное исследование гендерных аспектов мотивации поступления в вуз системы МЧС и представлений курсантов об особенностях службы в ней, как показал анализ статей, размещенных в РИНЦ, является практически единственным исследованием такого рода на сегодняшний день. В 2012 г. были опубликованы результаты опроса, проведенного в Ивановском институте ГПС МЧС России, в котором приняли участие 78 студентов 1–4 курсов. Желание учиться в вузе силового ведомства, по мнению ивановских курсантов, мотивировано престижностью профессии и стремлением оказывать помощь нуждающимся [15]. В целом эти результаты согласуются с полученными нами. Стремление помогать людям у наших респондентов находится на втором месте после гарантированного трудоустройства. Однако в опросе студентов петербургского вуза престижность профессии оказалась гораздо менее значимой, чем возможность учиться в Санкт-Петербурге — культурной столице России. Имеющиеся расхождения, видимо, связаны с тем, что подавляющее большинство наших респондентов до поступления в университет, проживали в малых и средних городах России, а 21,5% в поселках городского типа и сельских поселениях. Понятно, что возможность учиться в самом престижном вузе системы МЧС была для них значимым мотивом для поступления в отличие от курсантов Ивановского университета.

Треть опрошенных в Иваново курсантов отметили достойную заработную плату и гарантированное трудоустройство после учебы в качестве важных стимулов к получению профессии спасателя. Это совпадает с данными, полученными в Санкт-Петербурге. Тем самым можно утверждать, что основу привлекательности службы в МЧС, как и в других видах государственной службы, составляют социальные гарантии, которые связаны с льготами, стабильной занятостью, своевременной выплатой денежного содержания и т. п. [подробнее см.: 6]. Для сотрудников МЧС, что логично, дополнительно появляется такой важный мотив, как помощь/спасение людей.

Отметим, что карьерные устремления выпускников УПГС МЧС невысоки, но это может быть связано с тем, что карьера в МЧС, как и в вооруженных силах, совершается в отличие от гражданской службы через выслугу, т. е. практически автоматически. Косвенным индикатором наличия карьерных амбиций для сотрудников МЧС выступает желание закончить адъюнктуру, защитить диссертацию и получить ученую степень, что дает шанс на занятие высших должностей в системе МЧС. Дальнейшую учебу в адъюнктуре в целях продвижения по службе планируют продолжить только 14% опрошенных выпускников УПГС МЧС в Санкт-Петербурге, у 50,5% такого желания нет.

Как и питерские курсанты, большинство респондентов в Иваново считают появление женщин в системе МЧС положительным явлением и обозначают важные качества этой категории сотрудников: усидчивость, дисциплинированность, ответственность и др. При этом они полагают, что женщины-сотрудницы могут и должны занимать руководящие должности, так как женщины более аккуратны в бумажных делах, чем мужчины, более организованы и пунктуальны. Другими словами,

как значимые для карьеры курсантами университета МЧС в Иваново считаются качества, формируемые у женщин в ходе гендерной социализации, при этом эти качества никак не связаны со спецификой службы в системе МЧС.

Заключение

Анализ гендерных аспектов мотивации к службе в МЧС и особенностей карьерного продвижения в ней — это пилотный проект. Его ограничениями выступают нерепрезентативность выборки интернет-опроса для всей системы МЧС, малое число фокус-групп, отсутствие анализа кейсов, а также глубоких и/или экспертных интервью, которые позволили бы проанализировать поднятые проблемы более детально. На самом деле это исследование поставило больше вопросов, чем дало ответов. Первый связан с уровневыми особенностями службы. Можно ли считать, что явление дискриминации по признаку пола при карьерном продвижении сильнее выражено в центральных структурах МЧС, чем в региональных? Второй — можно ли считать, что факторы феминизации службы в МЧС те же, что и для гражданской службы и связаны они с тем, что в МЧС бумажной работы, требующей чисто «женских качеств» терпеливости и усидчивости, ничуть не меньше, чем на гражданской службе? И третий — является ли гендерный стереотип о том, что «спасатель — мужская работа», значимым барьером для поступления на эту службу женщин, или более важны формальные барьеры, в частности, сложность для женщин поступить на обучение в вузы системы МЧС. Напомним, что сегодня, в отличие от гражданской службы, в структурах МЧС наличие у служащих диплома вуза МЧС обязательно. Все эти вопросы актуализируются как в рамках политической повестки борьбы с гендерным неравенством в обществе, так и как часть работы по повышению профессионализма сотрудников МЧС. Очень перспективным направлением дальнейших исследований может стать сравнительный анализ поднятых вопросов как по разным видам государственной службы, так и в рамках «государственной службы иных видов», например, сравнение ситуации с положением и карьерой женщин в системах МЧС и МВД.

Литература

1. Андреев Н. А. Пожарная безопасность как социально-правовой институт. СПб. : Издательство СПбВППТШ МВД РФ, 1996.
2. Волосов К. А., Соболев П. М. Личностные особенности женщин — сотрудниц МЧС России // Подготовка кадров в системе предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. СПб. : СПб. университет ГПС МЧС России, 2017. С. 150–154.
3. Демченко О. Ю., Газизова Ю. С. Гендерные особенности формирования образа ситуации пожарной опасности // Пожаровзрывобезопасность. 2015. № 24 (12). С. 46–52.
4. Кашина М. А. Занятость женщин на российской гражданской службе: баланс последствий для семьи и государства // Управленческое консультирование. 2019. № 9 (129). С. 19–33.
5. Кашина М. А. Женщины на российской государственной гражданской службе: феминизация и воспроизводство гендерной пирамиды // Женщина в российском обществе. 2009. № 2 (51). С. 13–31.
6. Кашина М. А. Государственные гарантии на гражданской службе как элемент социально-правового статуса региональных гражданских служащих // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента РФ в СЗФО. 2008. № 2. С. 51–65.
7. Исупова О. Г., Уткина В. В. Женщины на государственной службе в России: карьера, семья, репродуктивные намерения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 69–88.
8. Коростылева Н. Н. Гендерное распределение в системе государственной гражданской службы // Государственная служба. 2015. № 5 (97). С. 68–72.

9. Кисляков П. А., Мартынова Я. А. Возможности арт-терапии в психологическом сопровождении сотрудников МЧС России // Ученые записки. 2020. Т. 19. № 2 (155). С. 88–95.
10. Курпеева Ю. А. Особенности процесса подготовки специалистов экстремального профиля в системе МЧС // Актуальные проблемы пожарной безопасности. М. : ВНИИПО, 2020.
11. Макеева Т. В. Мотивация выбора профессии военнослужащего: гендерный аспект // Вопросы общего, высшего и дополнительного образования : сб. статей национальной научно-практической конференции с международным участием / науч. ред. М. В. Новикова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019.
12. Маштаков В. А., Стрельцов О. В., Маторина О. С. Совершенствование форм и методов профессиональной подготовки сотрудников МЧС России // Пожарная и аварийная безопасность. Иваново : Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС, 2019.
13. Моторин В. Б. Профессионализм и деятельность сотрудников государственной противопожарной службы (социальный портрет). СПб. : Изд-во СПб университета МВД России, 1999.
14. Моторин В. Б. Риск в профессиональной деятельности: основные факторы и особенности проявления. СПб. : Изд-во СПб университета МВД России, 2002.
15. Москаленко Г. В. Проявления гендера в профессиональной деятельности сотрудников ГПС МЧС России // Пожарная и аварийная безопасность. Иваново : Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС, 2017.
16. Шавырина Т. А., Кондашов А. А., Маторина О. С., Нестерова С. В. Основные мотивы и факторы, оказавшие влияние на выбор профессии девушками — курсантами вузов МЧС // Наука как призвание: теория и практика. Мат-лы междисциплинарной научно-практической конференции с международным участием. М. : Изд-во Академии МЧС России. 2020. С. 293–297.
17. Шипилов Р. М., Качулова Ю. А. Есть ли женщине место в системе ГПС? // Научный поиск. 2012. № 4.3. С. 41–42.

Об авторах:

Кашина Марина Александровна, профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, доцент; Kashina-ma@ranepa.ru

Настасюк Наталья Петровна, доцент кафедры философии и социальных наук Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент; nastasuk@gmail.com

References

1. Andreev N. A. Fire safety as a social and legal institution. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg Higher Fire and Technical School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1996. (In rus).
2. Volosov K. A., Sobolev P. M. Personal features of women — employees of the Ministry of Emergencies of Russia // Training in the system of disaster prevention and response. SPb.: St. Petersburg State Fire University EMERCOM of Russia, 2017. P. 150–154. (In rus).
3. Demchenko O.Yu., Gazizova Yu. S. Gender features of forming the image of a fire hazard situation // Fire and explosion safety [Pozharovzryvobezопасnost']. 2015. No. 24 (12). P. 46–52. (In rus).
4. Kashina M. A. Employment of women in the Russian civil service: balance of consequences for the family and the state // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. No. 9 (129). P. 19–33. (In rus).
5. Kashina M. A. Women in the Russian state civil service: feminization and reproduction of the gender pyramid // Woman in Russian society [Zhenshchina v rossiiskom obshchestve]. 2009. No. 2 (51). P. 13–31. (In rus).
6. Kashina M. A. State guarantees in the civil service as an element of the socio-legal status of regional civil servants // Public service. Bulletin of the Coordinating Council for Personnel Issues, State Awards and Public Service under the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the NWFED [Gosudarstvennaya sluzhba. Vestnik Koordinatsionnogo Soveta po kadrovym voprosam, gosudarstvennym nagradam i gosudarstvennoi sluzhbe pri polnomochnom predstavitele Prezidenta RF v SZFO]. 2008. No. 2. P. 51–65. (In rus).

7. Isupova O. G., Utkina V.V. Women in public service in Russia: career, family, reproductive intentions // Monitoring public opinion: Economic and social changes [Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny]. 2016. No. 6. P. 69–88. (In rus).
8. Korostyleva N.N. Gender distribution in the public civil service system // Public service [Gosudarstvennaya sluzhba]. 2015. No. 5 (97). P. 68–72. (In rus).
9. Kislyakov P.A., Martynova Y.A. Possibilities of art therapy in psychological support of employees of EMERCOM of Russia // Scientific notes [Uchenye zapiski]. 2020. Vol. 19. No. 2 (155). P. 88–95. (In rus).
10. Kurpeeva Yu. A. Features of the process of training extreme specialists in the EMERCOM system // Current fire safety problems. M.: VNIPO, 2020. (In rus).
11. Makeeva T.V. Motivation for choosing the profession of a soldier: gender aspect // Issues of general, higher and additional education: coll. articles of the national scientific and practical conference with international participation / scientific. ed. M. V. Novikova. Yaroslavl: RIO YAGPU, 2019. (In rus).
12. Mashtakov V.A., Streltsov O.V., Matorina O.S. Improvement of forms and methods of professional training of EMERCOM employees // Fire and emergency safety. Ivanovo: Ivanovo Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergencies, 2019. (In rus).
13. Motorin V.B. Professionalism and activities of employees of the state fire service (social portrait). St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1999. (In rus).
14. Motorin V.B. Risk in professional activity: the main factors and features of manifestation. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002. (In rus).
15. Moskalenko G.V. Manifestations of gender in the professional activities of employees of the State Emergency Service of the Ministry of Emergencies of Russia // Fire and emergency safety. Ivanovo: Ivanovo Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergencies, 2017. (In rus).
16. Shavyrina T.A., Kondashov A.A., Matorina O.S., Nesterova S.V. The main motives and factors that influenced the choice of profession by girls-cadets of universities of the Ministry of Emergencies // Science as a vocation: theory and practice. M.: Publishing House of the Academy of the Ministry of Emergencies of Russia, 2020. P. 293–297. (In rus).
17. Shipilov R.M., Kachulova Y.A. Is there a place for a woman in the GPS system? // Scientific search [Nauchnyi poisk]. 2012. No. 4.3. P. 41–42. (In rus).

About the authors:

Marina A. Kashina, Professor of the Chair of Social Technologies of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor; Kashina-ma@ranepa.ru

Natalya P. Nastasyuk, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences of Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences, Associate Professor; nastasuk@gmail.com

Оценка условий обеспечения качества образования при проведении общественной аккредитации образовательной организации

Павлова Т. А.¹, *, Паромов А. Ю.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *pavlova-ta@ranepa.ru

²Союз «Санкт-Петербургская торгово-промышленная палата», Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В статье предлагается при проведении общественной аккредитации образовательной организации оценивать условия осуществления образовательной деятельности, обеспечивающие качество образования. Подход основан на использовании механизма внешней независимой оценки, проводимой общественной организацией, для определения уровня деятельности образовательной организации (далее — ОО) с целью содействия последовательному улучшению качества процессов обеспечения и осуществления образовательной деятельности. Предложен ряд показателей, которые могут быть выражены количественно. Работа ОО по обеспечению качества образования в этом случае может оцениваться на основе предложенных показателей.

Ключевые слова: качество образования, взаимодействие с работодателями, практические навыки

Для цитирования: Павлова Т. А., Паромов А. Ю. Оценка условий обеспечения качества образования при проведении общественной аккредитации образовательной организации // Управленческое консультирование. 2021. № 8. С. 87–96.

Assessment of Education Quality Assurance Conditions During Public Accreditation of Educational Organization

Tatyana A. Pavlova¹, *, Aleksei Yu. Paromov²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *pavlova-ta@ranepa.ru

²Saint-Petersburg Chamber of Commerce and Industry

ABSTRACT

The article proposes to evaluate the conditions of educational activities, which ensure the quality of education, during public accreditation of an educational organization. The approach is based on the use of the mechanism of external independent evaluation, conducted by a public organization, to determine the level of an educational organization in order to promote consistent improvement in the quality of the processes of providing and implementing educational activities. A number of indicators that can be expressed quantitatively are proposed. The work of the educational organization to ensure the quality of education in this case can be evaluated on the basis of the proposed indicators.

Keywords: quality of education, interaction with employers, practical skills

For citing: Pavlova T. A., Paromov A. Yu. Assessment of Education Quality Assurance Conditions During Public Accreditation of Educational Organization // Administrative consulting. 2021. N 8. P. 87–96.

Темпы глобальных изменений в большинстве научных, экономических и технологических областей во всем мире опережают темпы обновления образования и за-

ставляют ставить новые задачи перед системой управления высшим образованием. Процессы в социально-экономической сфере России предъявляют новые требования к образовательному процессу. Качество образования, на наш взгляд, во многом определяется условиями осуществления образовательной деятельности, создающими основу для ее совершенствования.

Цель настоящей работы — рассмотреть отечественные и зарубежные исследовательские подходы к оценке условий осуществления образовательной деятельности, обеспечивающие качество образования, определить, что мы понимаем под качеством образования, какие существуют критерии, можно ли их определить количественно [5], определить возможную процедуру проведения общественной аккредитации образовательной организации (далее — ОО).

Предлагается при проведении общественной аккредитации образовательной организации оценивать те условия осуществления образовательной деятельности, которые могут оказывать существенное влияние на качество образования. Подход основан на использовании механизма внешней независимой оценки, проводимой общественной организацией, для определения уровня деятельности ОО с целью содействия последовательному улучшению качества процессов обеспечения и осуществления образовательной деятельности. Предложен ряд показателей, которые могут быть выражены количественно. Работа ОО по обеспечению качества образования в этом случае оценивается на основе предложенных показателей.

Разработка показателей и индикаторов оценки основана на проведенных экспертных интервью с научно-педагогическими работниками РАНХиГС, работниками Союза «Санкт-Петербургская торгово-промышленная палата», работодателями Санкт-Петербурга для выпускников, обучавшихся по направлениям подготовки «Экономика», «Государственное и муниципальное управление», «Менеджмент», «Юриспруденция», «Психология», «Журналистика», специальности «Таможенное дело» и др.

Результаты и научная новизна. Сравнительный анализ исследовательских подходов позволил выявить перечень основных задач при проведении общественной аккредитацией образовательной организации. Учитывая, что образовательная деятельность направлена на формирование у студентов универсальных и определенных профессиональных компетенций, ценностных установок, их мотивации к непрерывному образованию на протяжении всей жизни, стремление и готовность преподавателей к изменениям и самосовершенствованию, в том числе к участию в научно-исследовательской работе, к повышению квалификации, необходимо уметь оценить созданные в организации условия, обеспечивающие успешное осуществление образовательной деятельности в организации.

Практическая значимость. Опираясь на представленный подход к оценке условий осуществления образовательной деятельности, представители менеджмента ОО могут за счет использования предложенного инструмента мониторинга работы по повышению качества образования реализовать конкретные управленческие мероприятия, направленные на совершенствование соответствующих условий, принимать обоснованные решения при выделении финансирования. Результаты исследования могут применяться при построении системы менеджмента качества в ОО.

Качество высшего образования и средства его обеспечения можно понимать по-разному, алгоритм обеспечения качества в общем виде таков: признание существования качества, стремление к нему, желание обеспечить качество, концепция качества, реализация мер обеспечения качества, контроль качества. Затем последовательность повторяется в свете накопленного опыта, что позволяет добиться дальнейшего повышения качества [9]. В идеале обеспечение качества должно быть образом мыш-

ления, присущим образовательной экосистеме¹, однако, обычно под обеспечением качества образования понимается набор механизмов, нацеленных на формирование и поддержание условий осуществления образовательной деятельности. По нашему мнению, в основе работы по обеспечению качества должна быть ясная внутренняя политика гарантии качества. Система механизмов обеспечения качества должна действовать синхронно с разработкой и реализацией программ, т.е. параллельно всем ее фазам, а нужные механизмы срабатывать в нужное время в рамках процесса в целом. Следует, однако, отметить, что понимание качества, получившее наиболее широкое распространение, сводится в основном к управлению качеством. На наш взгляд, вопросы именно целеполагания вместе с организационными механизмами изменений и создают конкурентоспособную образовательную экосистему.

Качество образовательных программ в первую очередь определяется результатами их освоения. Болонская декларация и Пражское коммюнике выделяют три важнейших результата, или три цели, которых необходимо достичь: (I) академическое качество, под которым понимается не только мастерство в сфере исследований, преподавания и распространения знаний, но и вклад в развитие личности; (II) способность выпускников вузов найти работу на международном рынке труда в течение всей жизни; (III) мобильность во всех смыслах — пространственная, временная (здесь, удивительно кстати, будут весьма популярные понятия непрерывного образования и повышения квалификации), а также программная мобильность (затрагивающая такие аспекты, как признание неакадемического образования и предоставление возможностей многократного доступа к образованию) и личная гибкость [9].

Необходимо отметить, что критерием качества образовательного процесса являются полученные в процессе обучения навыки и умения, при этом важны также навыки сотрудничества и адаптации, так как от них зависят возможности трудоустройства. Именно через различные формы взаимодействия с работодателями, и, в первую очередь, через востребованность выпускников на рынке труда, мы определяем качество высшего образования. Качество должно быть определено всеми участниками процесса, потому что существует необходимость отзывать на требования и общества в целом, и заинтересованных лиц. И по этой причине большое значение придается именно показателем трудоустройства. Общество, а также студенты и работодатели, рассматривают этот показатель качественного образования как абсолютно обязательный.

Аккредитация является одним из аспектов управления качеством. Под общественной аккредитацией² понимается признание (формальное одобрение) уровня деятельности организации, осуществляющей образовательную деятельность, соответствующим критериям и требованиям российских и международных организаций. Порядок проведения общественной аккредитации, формы и методы оценки при ее проведении, а также права, предоставляемые аккредитованной образовательной организации, устанавливаются общественной организацией, которая проводит общественную аккредитацию. И здесь мы видим существенное отличие от профессионально-общественной аккредитации (ПОА), которая в последние 10 лет получила в России широкое распространение. В рамках ПОА, проводимой более 100 профессиональными сообществами, устанавливается соответствие формируемых в пределах отдельной образовательной программы компетенций требованиям профессиональных стандартов в части обобщенных и трудовых функций.

¹ Концепция цифровой трансформации образовательной экосистемы СЗИУ РАНХиГС, утв. Ученым советом СЗИУ РАНХиГС, решение № 1 от 25.03.2020.

² Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 принят Государственной Думой // Российская газета. 31 декабря 2019 г. П. 2 ст. 96 № 273-ФЗ от 29.12.2012 (ред. от 02.12.2019, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020).

В официальных источниках нами не было найдено информации о проведении общественной аккредитации в образовательных организациях России, что говорит о слабой развитости этого института в нашей стране и одностороннем подходе к оценке качества образования.

Различие целей общественной аккредитации и ПОА отражено в специфике американской модели обеспечения качества высшего образования, в которой используется комплексное применение профессиональной (специализированной) аккредитации образовательных программ и институциональной аккредитации деятельности образовательной организации в целом. По сути, институциональная аккредитация является необходимым условием для проведения специализированной аккредитации.

Главной задачей общественной аккредитации является повышение качества образования выпускников и повышение уровня преподавателей ОО.

Возможность получить общественную аккредитацию, закрепленная в ст. 96 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29.12.2012 (далее — Статья), не является новшеством законодательства об образовании в Российской Федерации, так как оно было предоставлено образовательным учреждениям нормами Закона РФ от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании» (ч. 25 ст. 33) и Федерального закона РФ от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском образовании» (ч. 8. ст. 10)¹.

Кроме того, необходимо учитывать уже имеющийся опыт других государств в данной области. Так, в системе образования Соединенных Штатов Америки большую роль играет общество. Например, внешний контроль качества обучения осуществляют комиссии, сформированные из бывших выпускников, преподавателей других образовательных учреждений и членов попечительского совета. Образовательная система США имеет ярко выраженную индивидуальную ориентацию.

В Англии не существует государственных стандартов в области высшего образования, утвержденных на правительственном уровне; содержание образования определяется потребностями работодателей. При этом существует общая система внешней рейтинговой оценки качества преподавания в ОО основных предметов и одной из важнейших сторон такой оценки является получение ими аккредитации со стороны профессионального сообщества или ассоциации по направлениям подготовки специалистов. Получение аккредитации ОО является обязательным условием при трудоустройстве ее выпускников [2; 4; 6; 7; 8].

Получение общественной аккредитации необходимо рассматривать как меру в интересах развития национальной образовательной системы. Образовательное сообщество, выступая инициатором получения общественной оценки качества своей деятельности, отличается от государственных органов, которые воздействуют на участников образовательных отношений через систему запретов и дозволений, результат представляют через осознание общей заинтересованности всех субъектов образовательного сообщества в достижении публично значимой цели, через установление взаимной заинтересованности и взаимной общественной ответственности. Именно поэтому общественную аккредитацию можно считать эффективным механизмом, который способствует повышению качества образовательных услуг [1].

Нормой Статьи (ч. 1) признается право на проведение общественной аккредитации со стороны российских и международных организаций. Но законом возмож-

¹ Комментарий к ст. 96 № 273-ФЗ от 29.12.2012 (ред. от 02.12.2019, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // Официальный сайт Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный центр образовательного законодательства» [Электронный ресурс]. URL: http://fcoz.ru/praktika/realizatsiya-273-fz/detail.php?ELEMENT_ID=2918 (дата обращения: 28.01.2021).

ными аккредитующими структурами определены только общественные организации (ч. 2), что сильно ограничивает их возможный перечень.

Первостепенную роль в структуре общественных субъектов, на наш взгляд, должны иметь те группы организаций, которые представляют именно «потребителей образовательных услуг (работодатели, общественные организации, местное сообщество)», а не образовательные общественные структуры. Весьма нежелательно и неправильно роль общества воспринимать только в формате традиционных профессиональных образовательных корпоративных структур, таких как Союз ректоров, учебно-методических объединений по различным направлениям и прочих структурных подразделений и организаций «поставщиков образовательных услуг».

В течение 2019–2020 гг. на площадке РАНХиГС проводился ряд мероприятий по обсуждению задач обеспечения качества, проводились экспертные интервью с научно-педагогическими работниками РАНХиГС, работниками Союза «Санкт-Петербургская торгово-промышленная палата», работодателями Санкт-Петербурга, результатом которых стала модель оценки условий обеспечения качества образования. Было предложено оценивать условия осуществления образовательной деятельности, обеспечивающие качество образования, на основе ряда показателей, которые могут быть выражены количественно.

Поставленные задачи:

- 1) оценка результативности внутренней политики гарантии качества;
- 2) анализ системы разработки, реализации и мониторинга образовательных программ, организации процедуры внутренней и внешней оценки качества образовательной деятельности вуза;
- 3) оценка условий и мер поддержки личностного развития обучающихся, а также возможностей их развития в рамках выбранного направления подготовки;
- 4) анализ процедуры отбора претендентов на должность НПП, а также обеспечения условий их профессионального и личностного развития в рамках образовательного процесса.

Оценка проводится в баллах по трехбалльной шкале (0–1–2, что интерпретируется как несоответствие — частичное соответствие — полное соответствие) по модели, включающей в себя 4 стандарта:

- 1) разработка, утверждение и реализация (управление) внутренней политики гарантии качества;
- 2) разработка, реализация и мониторинг образовательных программ, а также организация внутренней и внешней оценки качества образовательной деятельности;
- 3) обеспечение условий и поддержки, необходимых для профессионального и личностного развития студентов;
- 4) обеспечение условий, необходимых для проведения образовательного процесса и профессионального, личностного развития преподавательского состава.

Каждый стандарт включает ряд требований, разложенных на критерии — объекты оценки.

Стандарты и критерии обеспечения качества образования базируются на следующих принципах:

- 1) ответственность организации за качество предоставления и обеспечения образовательных услуг;
- 2) ответственность организации за результаты и последствия принятых управленческих решений на внешнем контуре посредством их прозрачности и полного соответствия этическим нормам;
- 3) соответствие качества образовательных услуг существующим формам образования, образовательным программам и общей культуре качества;
- 4) учет ожиданий и потребностей всех акторов процесса обучения на основе их согласования интересов;

- 5) актуальность, объективность и однозначность предоставления документально подтвержденной информации об обеспечении качества образования;
- 6) установление процедур выявления и управления несоответствиями в системе менеджмента, реализация адекватных действий для устранения причин выявленных несоответствий в целях предотвращения их повторного возникновения. Процедура оценки обеспечения качества базируется на следующих принципах:
 - *добровольности* — оценка проводится на добровольной основе;
 - *объективности* — оценка является результатом объективного рассмотрения всех обстоятельств;
 - *прозрачности* — все оценочные итерации являются прозрачными;
 - *независимости* — оценка проводится независимо от третьих лиц.

Предлагаемая модель на данном этапе является методической основой для управления качеством образовательного процесса в том случае, если образовательная организация заинтересована в создании условий обеспечения качества образования. Последовательное применение описанных принципов, а также проведение независимой оценки позволит уточнить механизмы обеспечения качества осуществления образовательной деятельности. В течение 2021 г. РАНХиГС в Петербурге планирует провести общественную аккредитацию, в ходе которой будет апробирована предлагаемая модель, получены результаты оценки и практические рекомендации по совершенствованию обеспечения качества образования.

Рассмотрим применение данного подхода на примере 4-го стандарта «Обеспечение условий, необходимых для проведения образовательного процесса и профессионального, личностного развития преподавательского состава» и критериев его оценки.

Формулировки стандарта и критерии его оценки основаны на том, что педагог — ключевой социализирующий агент, реализующий, кроме профессиональных, еще и социальные цели. С данным аспектом согласуется концепт «педагогической заботы» (С. Walker, A. Gleaves) как гаранта эффективного образовательного процесса [10]. Преподаватель способен изменить мировоззрение студента, повлиять на его личностное и профессиональное становление. Поэтому высокую значимость имеет человеческий капитал вуза, в частности личностные качества и социально-профессиональные компетенции педагога. Важно, проявляет ли он заинтересованность и неравнодушное отношение к студентам, участие в их профессиональной судьбе.

Известно, что формирование и развитие у научно-педагогических кадров компетенций, адекватных требованиям образования будущего, приобретение и поддержание высокого уровня социально-профессиональных компетенций возможно посредством комплекса корпоративных мероприятий, направленных на развитие человеческого капитала сотрудников. Во многих ОО функционирует отлаженная система управления персоналом, основанная на комплексном мониторинге деятельности научно-педагогических работников, системах оценки, построении индивидуальной траектории развития и регулярном (ежегодном) ассессменте.

Представления об идеальном образе педагога [3] высшей школы разделяются на три основные категории: во-первых, личные качества; во-вторых, компетенции, обеспечивающие преподавание дисциплин; в-третьих, навыки, позволяющие приращивать научное знание в ходе исследовательского процесса.

В 2020 г. в Северо-Западном институте управления — филиале РАНХиГС проводилось исследование, целью которого являлось формирование предложений по совершенствованию системы стимулирования и мотивации профессорско-преподавательского состава на основе выявления специфики мотивации профессорско-преподавательского состава к трудовой деятельности и оценки эффективности действующей системы стимулирования.

Задачи исследования включали:

- выявление специфики мотивации преподавательского труда в высших учебных заведениях, в том числе определение иерархии мотивов трудовой деятельности преподавателей и оценку ранговой значимости конкретных форм и инструментов мотивации;
- оценку степени удовлетворенности преподавательской деятельностью;
- оценку существующей системы стимулирования и мотивации труда ППС, в том числе финансовой и нефинансовой составляющих;
- изучение отношения ППС к системе рейтингования и оценка ее эффективности.

Исследование показало, что основным мотивом деятельности для подавляющего количества преподавателей является возможность самореализации, причем треть рассматривают работу как свой долг перед обществом. Чуть менее половины рассматривают рабочий процесс прежде всего как процесс творческий и не приемлют рутину, главное — это самостоятельность и автономность, работа под личную ответственность. Значительно меньше прагматиков, которые готовы интенсифицировать свои усилия в работе только под гарантии какого-либо вознаграждения.

Большая часть рабочего времени преподавателей приходится на образовательную деятельность, меньше всего времени преподаватели посвящают науке, при этом большинство не удовлетворены нехваткой временных ресурсов на занятие научной деятельностью и хотели бы уделять ей больше времени.

Исследование показало, что для преподавателей особую значимость имеет профессиональная самореализация, поэтому они подчеркивают важность участия в совместных научных проектах с коллегами из других вузов, посещения конференций, прохождения стажировок и оказание организационной поддержки при публикации монографий и др., что позволило выявить направления совершенствования системы стимулирования и мотивации, в том числе формализованное через модель оценки условий обеспечения качества образования.

Ниже приведен пример формулировок модели в части ППС.

Стандарт ч. 1. «Кадровая политика устанавливает законные, прозрачные, точные и справедливые процессы приема на работу, условия занятости и повышения квалификации ППС».

1. Кадровая политика организации, в которой показаны процедуры по отношению к профессорско-преподавательскому составу и персоналу учебного заведения (найм на работу, премирование и материальное стимулирование, продвижение по службе, сокращение, увольнение; права и обязанности), открытость (возможность влияния) политики для персонала и ППС.

2. Проработанность условий, критериев и механизмов аттестации ППС. Проведение регулярной оценки качества и эффективности преподавания другими преподавателями и руководством (контрольные и открытые занятия, взаимопосещение лекций и семинаров) а также путем проведения анкетирования обучающихся. Наличие механизмов отстранения ППС от преподавательской деятельности при несоблюдении общепринятых этических норм, а также при низком уровне квалификации.

3. Существование структуры профессионального развития и повышения квалификации ППС, адресованной на обеспечение:

- применения гибких траекторий, различных форм обучения, принимая во внимание многообразие обучающихся в образовательной организации, дифференциацию их интересов;
- использования и выбора разнообразных педагогических интерактивных методов, внедрения инноваций в образовательный процесс;
- знания существующих способов тестирования и различных форм проведения экзаменов для анализа прогресса студентов.

4. Формирование благоприятных условий для работы профессорско-преподавательского состава и сотрудников образовательного учреждения. Наличие механизмов стимулирования для сотрудников и преподавателей за высокое педагогическое мастерство, развитие культуры качества преподавания, преданность делу, участие в воспитании молодежи и общественной работе организации.

Стандарт ч. 2. «Создание условий для интегрирования науки, образования и производства, внедрения инноваций и мотивирования ППС к активной научно-исследовательской деятельности».

1. Наличие требований к ППС к разработке рабочих программ дисциплин (РПД), проведению научной работы и преподаванию дисциплин.

2. Наличие индивидуальных планов преподавательской работы (учебно-методическая работа, педагогическая нагрузка, научно-исследовательская деятельность, воспитательная работа, кураторство, организационно-методическая деятельность, общественная работа и консультирование, соответствующие задачам, целям и миссии образовательной организации).

3. Точность, полнота и наглядность годовых отчетов преподавателей за последние пять лет, включая список учебных пособий, учебников, учебно-методических разработок и публикаций статей и научных работ, в том числе в изданиях, рекомендованных Минобрнауки, международных изданиях с ненулевым импакт-фактором.

4. Инфраструктура научно-исследовательской работы, внеучебной и творческой деятельности и эффективность ее использования, наличие механизмов оценки эффективности НИР в образовательной организации. Наличие в организации научно-исследовательских институтов, технопарков, центров, иных научно-исследовательских подразделений, реализующих действительную научную работу, центров коммерциализации. Обладание специальной научно-методической, научно-технической, экспериментальной и клинической базой по соответствующим направлениям подготовки (магистратура, докторантура). Внедрение результатов научных исследований в учебный процесс организации или производство.

Стандарт ч. 3. «Публичное представление профессорско-преподавательского состава».

1. Представление показателей по составу преподавателей (штатный, по совместительству, с наличием ученой степени и (или) ученого звания, возрастной уровень) за последние 5 лет, анализ динамики.

2. Применение процедур обеспечения и политики качества преподавания и академической честности, принятых на Ученом совете, размещение их для открытого доступа на сайте образовательной организации, на стендах кафедр и факультетов.

3. Показатели достижений профессорско-преподавательского состава (число преподавателей, получивших государственные награды, научные и государственные премии, гранты ИОГВ «Лучший преподаватель организации», почетные звания и др.).

Интеграция модели оценки условий обеспечения качества образования в административные регламенты и мотивация творческой активности преподавательского коллектива, на наш взгляд, будут способствовать синергетическому результату деятельности всех акторов экосистемы по достижению поставленных перед образованием целей.

Литература

1. Ахтариев И. З. Особенности формирования рынка услуг общественной аккредитации образовательных программ и учреждений в России : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2010.

2. Гребнев Л. С., Попов В. П. Аккредитация и контроль качества образовательных программ в США // Высшее образование в России. 2005. № 2. С. 120–133.
3. Ефимова Г. З., Сорокин А. Н., Грибовский М. В. Идеальный педагог высшей школы: личностные качества и социально-профессиональные компетенции // Образование и наука. 2021. Т. 23, № 1. С. 202–230.
4. Злобина Н. В. Зарубежный опыт менеджмента качества образовательной деятельности // Актуальные проблемы российского менеджмента : сб. науч. тр. / под общ. ред. канд. экон. наук профессора В. В. Быковского ; Тамб. гос. техн. ун-т. Вып. 2. Тамбов, 2005. С. 98–99.
5. Павлова Т. А. Качество высшего образования: критерии и количественные оценки // Матлы научно-методической конференции СЗИУ — филиала РАНХиГС / под общ. ред. Е. А. Китина ; Сев.-Зап. ин-т упр. — фил. РАНХиГС. СПб. : ИПЦ СЗИУ — фил. РАНХиГС, 2020. С. 129–142.
6. Садовничий В. А. Высшее образование России. Доступность. Качество. Конкурентоспособность // Высшее образование в России. 2006. № 7. С. 7–15.
7. Саймон Б. Общество и образование. М. : Прогресс, 2001.
8. Самойлов В. А., Коваленко А. А. Механизмы взаимодействия государственной и общественно-профессиональной систем оценки качества // Высшее образование в России. 2009. № 2. С. 18–28.
9. Kohler J. Quality Assurance, Accreditation and Recognition of Qualifications as Regulatory Mechanisms in the European Higher Education Area // Higher Education in Europe. 2003. Vol. 28. N 3. P. 317–331.
10. Walker C., Gleaves A. Constructing the caring higher education teacher: A theoretical framework // Teaching and Teacher Education. 2016. N 54. P. 65–76.

Об авторах:

Павлова Татьяна Анатольевна, начальник управления качества и развития образовательной экосистемы Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат физ.-мат. наук; pavlova-ta@ranepa.ru

Паромов Алексей Юрьевич, председатель комитета по вопросам кадровой, социальной политики и профессиональному образованию Санкт-Петербургской торгово-промышленной палаты (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат технических наук; paromov@spbcci.ru

References

1. Akhtariy I. Z. Features of the formation of the market for public accreditation services for educational programs and institutions in Russia: dissertation abstract. M., 2010. (In rus)
2. Grebnev L. S., Popov V. P. Accreditation and quality control of educational programs in the USA // Higher education in Russia [Vysshee obrazovanie v Rossii]. 2005. N 2. P. 120–133. (In rus)
3. Efimova G. Z., Sorokin A. N., Gribovsky M. V. Ideal teacher of higher school: personal qualities and socio-professional competencies // Education and science [Obrazovanie i nauka]. 2021. Vol. 23, N 1. P. 202–230. (In rus)
4. Zlobina N. V. Foreign experience in managing the quality of educational activities // Current problems of Russian management: collection of scientific articles / under the common ed. of V. V. Bykovsky; Tambov State Technical University. Issue 2. Tambov, 2005. P. 98–99. (In rus)
5. Pavlova T. A. Quality of higher education: criteria and quantitative assessments // Materials of the scientific and methodological conference of the NWIM of RANEPa / under the general ed. of E. A. Kitin; NWIM of RANEPa, 2020. P. 129–142. (In rus)
6. Sadovnichy V. A. Higher education of Russia. Availability. Quality. Competitiveness // Higher education in Russia [Vysshee obrazovanie v Rossii]. 2006. No. 7. P. 7–15. (In rus)
7. Simon B. Society and Education / Translation from English. M.: Progress, 2001. (In rus)
8. Samoilov V. A., Kovalenko A. A. Mechanisms of interaction between state and socio-professional quality assessment systems // Higher education in Russia [Vysshee obrazovanie v Rossii]. 2009. N 2. P. 18–28. (In rus)

9. Kohler J. Quality Assurance, Accreditation and Recognition of Qualifications as Regulatory Mechanisms in the European Higher Education Area // Higher Education in Europe. 2003. Vol. 28. No. 23. P. 317–331.
10. Walker C., Gleaves A. Constructing the caring higher education teacher: A theoretical framework // Teaching and Teacher Education. 2016. N 254. P. 65–76.

About the authors:

Tatyana A. Pavlova, Head of the Department for Quality and Development of the Educational Ecosystem of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Physics and Mathematics; pavlova-ta@ranepa.ru

Aleksei Yu. Paromov, Chairman of the Committee for Personnel, Social Policy and Vocational Education of Saint-Petersburg Chamber of Commerce and Industry (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD of Engineering Sciences; paromov@spbcci.ru

Модель социального влияния в анализе социоинженерных атак*

Тулупьева Т. В.^{1. *}, Абрамов М. В.^{2.}, Тулупьев А. Л.^{3.}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *tulupeva-tv@ranepa.ru

²Санкт-Петербургский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

³Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Целью данного исследования является модернизация модели социоинженерной атаки злоумышленника на пользователя, учитывающая более широкий круг факторов, влияющих на успех социоинженерной атаки, ассоциированных с принципами социального влияния. **Методы.** Для достижения поставленной цели были проанализированы подходы к социальному влиянию и составляющие социального влияния. Построена интегральная схема социального влияния, приземленная на контекст социоинженерных атак.

Результаты. Предложена модель социального влияния, построенная в контексте социоинженерной атаки злоумышленника на пользователя. Предложено новое толкование термина уязвимость пользователя в контексте защиты информации. **Выводы.** Полученный результат формирует потенциал наполнения моделей пользователя и злоумышленника конкретными уязвимостями и компетенциями, что приведет к уточнению оценок успеха социоинженерной атаки злоумышленника на пользователя, за счет агрегации сведений из произошедших инцидентов.

Ключевые слова: социальное влияние, социоинженерные атаки, уязвимость пользователя, атакующее воздействие

Для цитирования: Тулупьева Т. В., Абрамов М. В., Тулупьев А. Л. Модель социального влияния в анализе социоинженерных атак // Управленческое консультирование. 2021. № 8. С. 97–107.

Model of Social Influence in Analysis of Socio-engineering Attacks

Tatyana V. Tulupieva^{1. *}, Maxim V. Abramov^{2.}, Alexander L. Tulupiev^{3.}

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *tulupeva-tv@ranepa.ru

²Saint-Petersburg Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russian Federation

³Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The purpose of this study is to study the modernization of the model of an attacker's social engineering attack on a user, taking into account a wider range of factors influencing the success of a social engineering attack associated with the principles of social influence. **Methods.** To achieve this goal, the approaches to social influence and the components of social influence were analyzed. An integrated circuit of social influence is built, grounding in the context of socio-engineering attacks. **Results.** A model of social influence is proposed, built in the context of an attacker's social engineering attack on a user. A new interpretation of the term

* Работа выполнена в рамках проекта по государственному заданию СПб ФИЦ РАН СПИИРАН № 0073-2019-0003; поддержана Санкт-Петербургским государственным университетом, проект № 73555239; при финансовой поддержке Фонда развития научных исследований и прикладных разработок СЗИУ РАНХиГС, РФФИ, проект № 20-07-00839.

user vulnerability in the context of information security has been proposed. **Conclusion.** The result obtained forms the potential of filling the user and attacker models with specific vulnerabilities and competencies, which will lead to a more accurate assessment of the success of the attacker's social engineering attack on the user, due to the aggregation of information from incidents that have occurred.

Keywords: social impact, socio-engineering attacks, user vulnerability, attack impact

For citing: Tulupieva T. V., Abramov M. V., Tulupiev A. L. Model of Social Influence in Analysis of Socio-engineering Attacks // Administrative consulting. 2021. N 8. P. 97–107.

Введение

По статистике¹ доля социоинженерных атак в общем объеме киберпреступлений в 2020 г. на юридические лица составила 45–67%, на частные лица — 51–76% (сводная информация за три квартала). Вместе с тем возрос размер ущерба компаний от такого рода воздействий. Наиболее распространенным способом оценки защищенности пользователей информационных систем от социоинженерных атак продолжает оставаться прямое тестирование, когда совершается атака на пользователей и дается заключение об уязвимости системы². Такой анализ обладает рядом недостатков, связанных с отсутствием учета контекста проведения атаки, особенностей пользователя, подвергаемого воздействию. Одна и та же социоинженерная атака, которая не прошла в момент тестирования, может состояться в другой момент, просто потому что поменялись какие-то обстоятельства, у пользователя поменялось настроение или по иным причинам. Кроме того, сам факт тестирования может негативно сказываться на социально-психологическом климате в коллективе. В связи с этим актуальным видится подход к анализу защищенности пользователей информационных систем через оценку выраженности уязвимостей пользователя, то есть оценку степени его подверженности разным видам социоинженерных атак. Подверженность социоинженерной атаке, в свою очередь, связывается с выраженностью у пользователя различных психологических особенностей, психического состояния и другими факторами. Поиск и рассмотрение факторов, влияющих на успех атаки, является важной задачей в контексте обеспечения защищенности пользователей информационных систем от социоинженерных атак.

Социоинженерная атака — совокупность действий злоумышленника, направленных на другое лицо (или группу лиц) с целью достижения желаемого результата, в частности, нарушения безопасности информации (организации доступа к информации, передача ее другому лицу и т. п.) [15].

Данная статья посвящена рассмотрению термина уязвимости пользователя, выработке подхода, согласующегося с ГОСТом по защите информации³, новому под-

¹ Актуальные киберугрозы: I квартал 2020 года // Positive Technologies. 2020. 16 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2020-q1/> (дата обращения: 12.02.2021); Актуальные киберугрозы: II квартал 2020 года // Positive Technologies. 2020. 16 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2020-q2/> (дата обращения: 12.02.2021); Актуальные киберугрозы: III квартал 2020 года // Positive Technologies. 2020. 16 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2020-q3/> (дата обращения: 12.02.2021).

² Социотехническое тестирование: какое лучше выбрать в 2021 году? // Group-IB — Хабр. 2020. 29 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://m.habr.com/ru/company/group-ib/blog/535092/> (дата обращения: 12.02.2021).

³ Защита информации. Основные термины и определения: ГОСТ Р 50922-2006. — взамен ГОСТ Р 50922-96; введ. 01.02.2008 // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.02.2021).

ходу к социоинженерной атаке как к схеме социального влияния, где злоумышленник — это агент влияния, а пользователь информационной системы — реципиент. Теоретическая и практическая значимость полученного результата заключается в формировании потенциала наполнения моделей пользователя и злоумышленника конкретными уязвимостями и компетенциями, что приведет к уточнению оценок успеха социоинженерной атаки злоумышленника на пользователя, за счет агрегации сведений из произошедших инцидентов.

Подходы к социальному влиянию

Феномен социального влияния вызывает повышенный интерес у специалистов различных областей, имеющих дело с человеком в его социальном окружении, — психологов, социологов, психотерапевтов, социальных работников, врачей, педагогов, политиков и многих других. В таких направлениях психологической науки, как социальная психология, психология массовых коммуникаций, психология пропаганды, политическая психология, психология обучения и воспитания, психология малых и больших групп, психологическое консультирование и психотерапия социальное влияние находится в центре внимания и занимает ключевое место. При запросе в поисковых сервисах словосочетания «социальное влияние» Яндекс демонстрирует 5 млн результатов, Google — 38 млн.

Е. И. Серeda в своей работе «Социальное влияние как предмет психологического исследования» выделяет несколько подходов к исследованию социального влияния: американский, европейский, российский и кросс-культурный [13]. Сравнение этих подходов можно представить в виде таблицы.

В соответствии с множественностью подходов к социальному влиянию разные исследователи предлагают свои определения социального влияния [7; 8; 9; 14; 16]. Обобщая имеющиеся определения для целей данной статьи, под социальным влиянием мы будем понимать воздействие на эмоциональную, интеллектуальную и/или поведенческую сферу другого человека с целью изменения в этих сферах. В данной статье мы сосредоточимся на межличностном влиянии вида «агент влияния — объект влияния». Другими словами, в поле нашего внимания войдет пятый и шестой уровень влияния по Г. Гарднеру [4], а первые четыре останутся за рамками рассмотрения. Если говорить о конечной цели социального влияния, особенно в контексте данной статьи, то ею является изменение социального поведения, а изменения в эмоциональной и интеллектуальной сферах являются лишь промежуточным этапом, подготовкой, основой для изменения поведения.

Составляющие социального влияния

При рассмотрении процесса социального влияния выделяют силы влияния, способы, виды, «мишени», источники влияния. Краткий анализ этих компонентов социального влияния позволит создать основу для разработки интегральной модели, объединяющей разрозненные направления.

Н. И. Семечкин рассматривает агента влияния (то есть, человека, который старается осознанно или неосознанно изменить поведение другого) и определяет, чем должен обладать субъект, чтобы оказывать социальное воздействие [12]. Для успешности социального влияния агент должен обладать или продемонстрировать одну или несколько сил влияния. Важно, что демонстрации прямой или косвенной (даже не обладания) силы влияния бывает достаточно для получения результата.

К силам влияния относятся [12]:

- возможность наказания или вознаграждения;
- экспертное влияние;

Основные подходы к исследованию социального влияния [13]

Table. Basic approaches to the study of social influence

Подход	Особенности	Основные представители
Американский	Преимущественно индивидуально-центрированный и лабораторный. Наиболее длительный и обширный	Э. Аронсон, Дж. Брайант, Х. Брейкер, Г. Говард, Ф. Зимбардо, Т. Уилсон, Р. Чалдини, К. Штайнер, С. Аш, М. Шериф, С. Милгрэм
Европейский	Социоцентрированный подход. Придается особое значение социальному и культурному контекстам, в которых осуществляется тот или иной вид влияния, человек анализируется в контексте реальной жизни	С. Московичи, Э. Авермает, М. Домс, Дж. М. Левин, Ф. Йон, К. Йонас, Ж. Монмолен, Г. Петерс-Кюлингер, Ж. Пэшле, М. Хьюстон, В. Штребе
Российский	Находится на стыке двух подходов, американского и европейского, вследствие этого выделяются несколько направлений изучения социального влияния: информационное и межличностное воздействие и информационно-психологическая безопасность; межличностное влияние; влияние группы и субкультур на ценности и поведение молодежи	Г. А. Андреева, Т. А. Берсенева, Г. С. Грачев, Т. С. Кабаченко, И. К. Мельник, В. П. Пугачев, В. А. Рычкова, О. В. Москаленко, Е. Л. Доценко, М. Р. Душкина, Д. Е. Львов, Е. В. Сидоренко, Н. Ю. Синягина

- референтное влияние;
- нормативное влияние; сила власти и закона.

Помимо сил социального влияния Эдвард Джонс и Тейт Питтман [19] говорят о способах социального влияния, которые они связывают со стратегиями самопрезентации. К ним относятся: лесть и заискивание, самоназидательность, угрозы и запугивания, самовосхваление (самореклама), обвинение, просительность, демонстрация слабости, вызывание жалости. Несмотря на то, что данные стратегии различны по своей сути, некоторые из них даже разнонаправлены друг другу, но у них есть общий компонент — вызвать эмоции, которые делают человека более подверженным влиянию, произвести нужное выгодное в данный момент впечатление.

Е. В. Сидоренко на основе работ Е. Л. Доценко, С. М. Steiner, Е. Е. Jones предлагает выделять виды влияния: аргументация, манипуляция, внушение, заражение, пробуждение импульса к подражанию, формирование благосклонности, просьба, игнорирование, принуждение [14]. При сравнении способов и видов социального влияния легко заметить совпадение и пересечение.

Для успешности и результативности социального влияния мало только иметь силы влияния, нужно, чтобы у объекта влияния или реципиента были определенные особенности, которые лежат в основе подверженности влиянию. Некоторые авторы называют эти особенности слабостями [6; 17] или мишенями. Под слабостями или мишенями подразумевают личностные структуры, определенные психические образования человека [5; 11] или «те особенности личности, ее слабости, потребности и желания, на которые воздействует инициатор, и в результате этого объект при-

нимает нужное инициатору решение» [7]. Мы в данной статье будем пользоваться понятием уязвимость. Далее мишени, слабости и уязвимости будут употребляться как синонимы. Д.В. Ольшанский [10] среди таких уязвимостей отмечал наличие большого количества автоматизмов в деятельности человека, которые существенно экономят психическую энергию и время, но при должном воздействии на них служат прекрасной платформой для манипулирования, поскольку выключают рефлексивную составляющую, то есть критическое осмысление, из процесса деятельности. Г. Грачев и И. Мельник к мишеням относят пять групп психических образований [5]:

- побудители активности человека;
- регуляторы активности человека;
- когнитивные структуры;
- операциональный состав деятельности;
- психические состояния.

В.П. Шейнов к мишеням относит потребности, слабости, пристрастия и привычные ритуалы [17]. Никакую мишень реципиента нельзя рассматривать изолированно, в отрыве от других особенностей. Наличие мишени еще не обеспечивает успешность социального влияния и социоинженерной атаки, знание мишеней является необходимым условием, но не достаточным. Например, мы знаем, что у сотрудника организации существует потребность в деньгах. Это мишень, но из этого не следует однозначно, что он при первом же предложении продаст секретную информацию организации. Он может выбрать другие варианты удовлетворения своей потребности, и у него возникнут другие мотивы, запускающие иную деятельность для получения результата. Да и нужно, чтобы у агента влияния в распоряжении было то, что является важным и значимым для реципиента, чтобы социальное влияние было успешным.

Интегральная модель социального влияния

Следовательно, социальное влияние нужно рассматривать не как отдельно силы агента влияния, отдельно слабости реципиента и отдельно виды влияния, а как сложный комплекс, состоящий из возможностей и компетенций агента влияния (в которые включается владение способами и видами влияния), а также потребности, личностные особенности, психические свойства и состояния реципиента. Обобщая все рассмотренные подходы, мы предлагаем интегральную модель социального влияния в контексте социоинженерных атак (рис. 1).

Предлагаемая модель объединяет в общую картину различные компоненты социального влияния. Агент влияния, обладая определенными силами воздействия, выбирает, в соответствии с уязвимостями пользователя и учитывая контекст, то или иное воздействие, усиливает его способами влияния (или стратегиями самопрезентации) для получения желаемого результата. Усилением атакующего воздействия будет действие, направленное на изменение эмоционального (психического) состояния. Самим атакующим воздействием будет действие, направленное на совершение жертвой действия.

Отдельно в контексте социального влияния важно рассмотреть понятие уязвимости пользователя в контексте информационной безопасности. ГОСТ Р 50922-2006 определяет уязвимость (информационной системы), брешь как «свойство информационной системы, обуславливающее возможность реализации угроз безопасности обрабатываемой в ней информации»¹. Уязвимость пользователя может быть определена как

¹ Защита информации. Основные термины и определения: ГОСТ Р 50922-2006 — взамен ГОСТ Р 50922-96; введ. 01.02.2008 // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.02.2021).

конфигурация степени выраженности психологических особенностей, психических состояний и иных факторов, влияющих на успех социоинженерной атаки и характеризующих пользователя, которые в совокупности создают возможность реализации угроз атакующих воздействий злоумышленника.

Атакующим воздействием в данной модели будет выступать вид влияния (просьба, убеждение, поручение/приказ, манипуляция, описание желаемой модели). Атакующее воздействие усиливается контекстом: демонстрация слабости, игнорирование, угроза/запугивание, самовосхваление, вина, похвала, аргументы.

Разберем такой пример. Руководитель компании желает повысить уровень профессионализма своих подчиненных, но они не хотят тратить свое личное время и усилия на повышение квалификации. Чтобы изменить ситуацию, руководитель вводит премию за успешное повышение квалификации. В таких условиях увеличивается число сотрудников, повышающих свой профессиональный уровень. Здесь руководитель обладает силой вознаграждения и, используя просьбу («Я прошу вас пройти курсы повышения квалификации»), убеждения («Повышать свою квалификацию полезно») или поручение («Поручаю вам выбрать и пройти один из образовательных курсов онлайн»), получает нужный результат. Само воздействие он может усилить, используя похвалу («Вы самый опытный работник и лучше всех понимаете важность обучения»), или аргументацию («По статистике работник, регулярно повышающий квалификацию, в среднем получает зарплату выше, чем остальные»), или другой способ усиления воздействия. Конечно, выбранная стратегия будет действовать на тех сотрудников, у которых есть потребность в деньгах.

Эта схема социального влияния хорошо ложится в основу схемы социоинженерной атаки, где злоумышленник — это агент влияния, а пользователь информационной системы — реципиент. Подходы к описанию профиля злоумышленника были предприняты в ряде работ [1; 3; 18]. Модель злоумышленника [18] включает в себя ресурсы, доступные злоумышленнику (в частности, это подразумевает возможность вознаграждать и наказывать), профиль компетенций злоумышленника (который позволит ему использовать экспертную или референтную силу влияния), умение использовать вид атакующего действия (т. е. правильно подбирать вид воздействия и способы его усиления), знания злоумышленника о системе (в частности, о тех потребностях, особенностях, слабостях, которые есть у пользователя) (рис. 2).

Рассматривая модель пользователя, говорят о профиле уязвимостей [2]. В построение профиля уязвимостей пользователя существенный вклад может внести его психологический профиль, отражающий уровень выраженности психологических особенностей. Здесь мы можем говорить о его потребностях, ценностях, слабостях, присущих реципиенту в модели социального влияния. К слабостям можно отнести и общий уровень подверженности манипулятивному воздействию, о котором говорят авторы. Поскольку у реципиента может быть несколько источников или мишеней, то у пользователя несколько уязвимостей, степень их выраженности может различаться, и в этом случае целесообразно рассматривать профиль уязвимостей как модель системы всех уязвимостей пользователя. Соответственно, упомянутые в модели социального влияния потребности, ценности, слабости (то есть психологические особенности пользователя) лежат в основе формирования уязвимостей и при правильно подобранном воздействии агента влияния или злоумышленника могут спровоцировать вредоносные действия. Взаимосвязь между психологическими особенностями, уязвимостями и вредоносными действиями пользователя представлены на рис 3.

На рис. 3 введены следующие обозначения: ПС — психическое состояние, ПО — психологическая особенность, ДП — деструктивное поведение, УП — уязвимость пользователя.

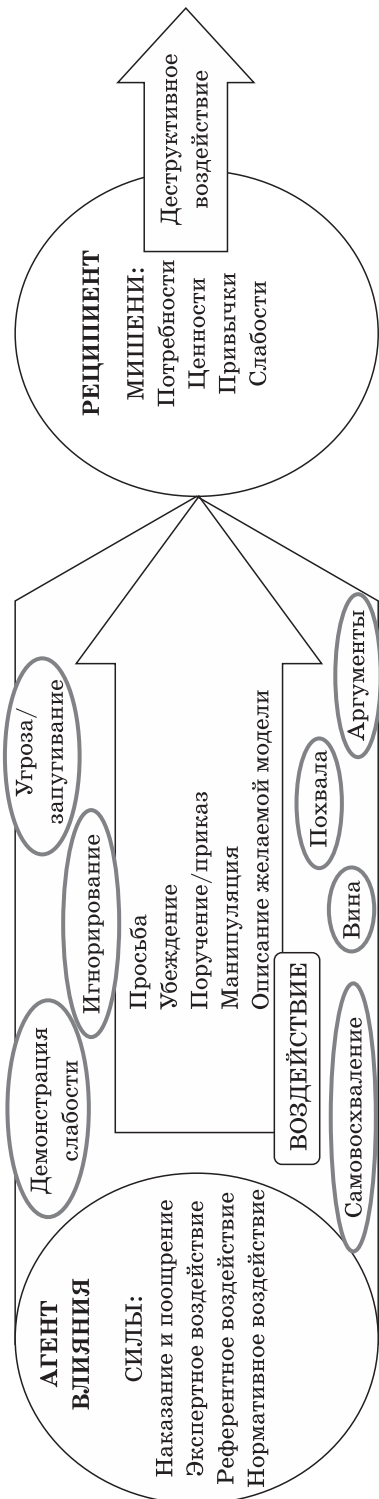

Рис. 1. Интегральная модель социального влияния
 Fig. 1. Integral model of social influence

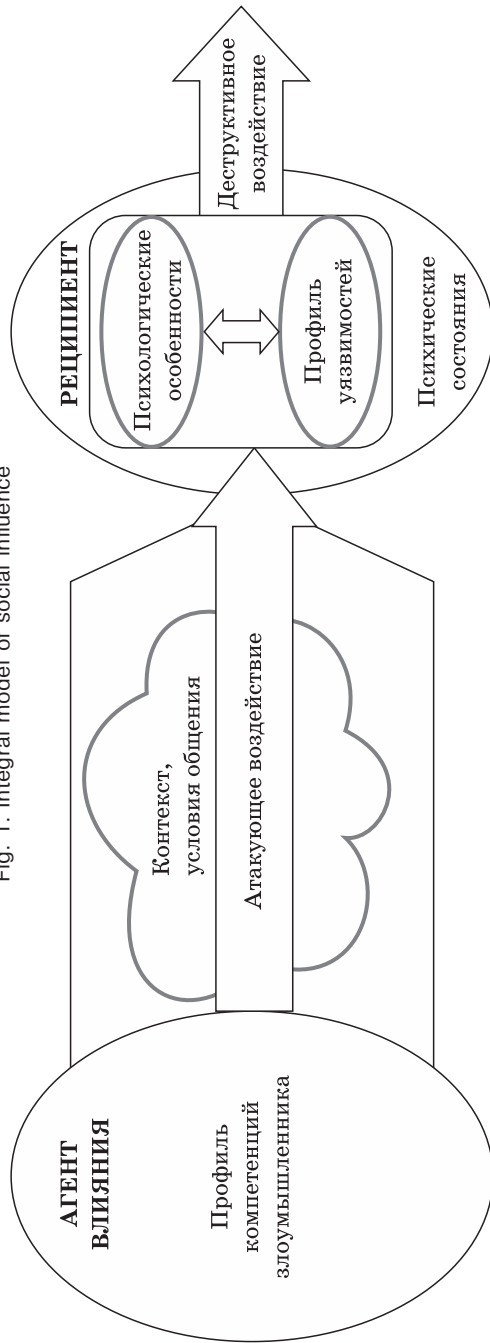

Рис. 2. Схема социоинженерной атаки
 Fig. 2. Socio-engineering attack scheme

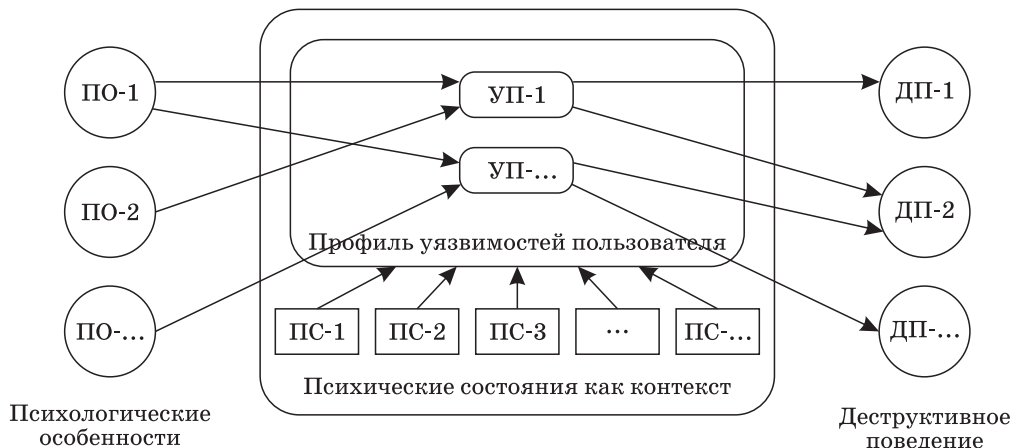

Рис. 3. Система «профиль психологических особенностей — профиль уязвимостей — деструктивное поведение» (приводится по: [2])

Fig. 3. The system "profile of psychological characteristics — profile of vulnerabilities — destructive behavior"

Анализ социоинженерной атаки с использованием модели социального влияния

Рассмотрим следующую социоинженерную атаку, которая является достаточно типичной и выполнена с использованием вредоносной ссылки.

«В 2015 г. клиенты одной почтовой системы получили электронные письма, в которых говорилось: “В связи с недавним обновлением нашего SSL-сервера и для улучшения обслуживания вы должны обновить свои данные для входа в систему. Для этого вам необходимо выполнить обновление по ссылке ниже”. Также было прислано предупреждение, что если не активировать ссылку в течение 48 часов, учетная запись Yahoo будет приостановлена или деактивирована» [21].

Агент влияния: использует силу вознаграждения (улучшение обслуживания) и экспертного влияния (Известное имя почтовой системы).

Вид воздействия: поручение (вам необходимо).

Усиление: угроза — «если не активировать ссылку в течение 48 часов, учетная запись будет приостановлена или деактивирована».

Особенности пользователя: потребность оставаться на связи, потребность пользоваться более качественным продуктом, страх остаться без электронной почты, отсутствие понимания возможных мошеннических действий.

Этот пример показателен тем, что рассылка была массовой: силы влияния, вид воздействия и способ усиления были одинаковы для всех. Но успешной эта социоинженерная атака оказалась только на тех пользователей, которые обладали всеми перечисленными «источниками».

Выводы

Схема социального влияния, объединяющая в общую картину агента влияния, обладающего определенными силами воздействия и усиливающими их способами влияния, хорошо ложится в основу модели социоинженерной атаки. Новый подход позволяет произвести качественное продвижение в построении усовершенствованных моделей пользователя и злоумышленника, а также оценки успеха социо-

инженерной атаки. Агентом влияния выступает злоумышленник, сила воздействия может быть рассмотрена как ресурс, само воздействие — как применение компетенции, а усиление — как степень выраженности компетенции. Потребности или мишени реципиента можно рассматривать как его уязвимости.

Заключение

Таким образом, в данной статье представлена интегральная модель социального влияния, предложено новое толкование термина уязвимости пользователя, выработан подход, согласующегося с ГОСТом по защите информации. Предложена новая модель социоинженерной атаки как схемы социального влияния, где злоумышленник — это агент влияния, а пользователь информационной системы — реципиент. Теоретическая и практическая значимость полученного результата заключается в формировании потенциала наполнения моделей пользователя и злоумышленника конкретными уязвимостями и компетенциями, что приведет к уточнению оценок успеха социоинженерной атаки злоумышленника на пользователя, за счет агрегации сведений из произошедших инцидентов.

Литература

1. *Абрамов М. В.* Модель профиля компетенций злоумышленника в задаче анализа защищенности персонала информационных систем от социоинженерных атак / М. В. Абрамов, А. А. Азаров, Т. В. Тулупьева, А. Л. Тулупьев // Информационно-управляющие системы. 2016. № 4. С. 77–84.
2. *Абрамов М. В., Тулупьев А. Л., Тулупьева Т. В.* Психологические особенности, психические состояния пользователя и профиль его уязвимостей в контексте социоинженерных атак // Психология психических состояний : сб. статей студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Казань, 2019. С. 312–317.
3. *Абрамов М. В., Тулупьева Т. В., Тулупьев А. Л.* Социоинженерные атаки: социальные сети и оценки защищенности пользователей. СПб. : ГУАП, 2018. 266 с.
4. *Гарднер Г.* Искусство и наука влияния на взгляды людей. М., 2008. 247 с.
5. *Грачев Г., Мельник И.* Манипулирование личностью. М., 2003. 376 с.
6. *Доценко Е. Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защиты. М. : ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. 344 с.
7. *Зимбардо Ф., Лайле М.* Социальное влияние. СПб., 2001. 448 с.
8. *Кабаченко Т. С.* Методы психологического воздействия: учеб. пособие. М. : Педагогическое общество России, 2000. 544 с.
9. *Львов Д. Е.* Психология межличностного влияния : уч.-метод. пособие. Ижевск, 2005. 110 с.
10. *Ольшанский Д. В.* Психология масс. СПб. : Питер, 2001. 363 с.
11. *Пуя Ю. В.* Истоки и генезис феномена манипулирования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 90. С. 138–143.
12. *Семечкин Н. И.* Психология социального влияния. СПб. : Речь, 2004. 304 с.
13. *Сереева Е. И.* Социальное влияние как предмет психологического исследования // Вестник Псковского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2009. № 9. С. 124–129.
14. *Сидоренко Е. В.* Тренинг влияния и противостояния влиянию. СПб. : Речь. 2002. 225 с.
15. *Социоинженерные атаки.* Проблемы анализа / А. А. Азаров, Т. В. Тулупьева, А. В. Суворова, А. Л. Тулупьев и др. СПб. : Наука, 2016. 352 с.
16. *Тернер Дж.* Социальное влияние. СПб., 2003. 256 с.
17. *Шейнов В. П.* Скрытое управление человеком. М. : АСТ. 2005. 816 с.
18. *Abramov M. V., Tulupuyev A. L.* Soft estimates of user protection from social engineering attacks: fuzzy combination of user vulnerabilities and malefactor competencies in the attacking impact success prediction // Artificial Intelligence and Natural Language. 2019. P. 47–58.
19. *Jones E. E., Pittman T. S.* Toward a General Theory of Strategic Self-Presentation // Psychological Perspectives on the Self / ed. J. Suls, 1982. Vol. 1. Erlbaum, Hillsdale. P. 231–262.

20. Michael A., Eloff J. Discovering “Insider IT Sabotage” based on human behaviour // Information and Computer Security. 2020. Vol. 28. N 4. P. 575–589.
21. Rubia F., Affan Y., Lin L., Wang J. at al. Data for: Are the Con Artists Back? Deciphering Social Engineering Attacks. 2019. 04 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://data.mendeley.com/datasets/yw2djp4vvdg/1> (дата обращения: 12.02.2021).

Об авторах:

Тулупьева Татьяна Валентиновна, доцент факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат психологических наук, доцент; tulupeva-tv@ranepa.ru

Абрамов Максим Викторович, руководитель лаборатории теоретических и междисциплинарных проблем информатики Санкт-Петербургского Федерального исследовательского центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат технических наук; mva@dscs.pro

Тулупьев Александр Львович, профессор кафедры информатики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор физико-математических наук, профессор; alt@dscs.pro

References

1. Abramov M.V. Model of the profile of the attacker’s competencies in the task of analyzing the security of information systems personnel from socioengineering attacks / M.V. Abramov, A. A. Azarov, T.V. Tulupyeva, A. L. Tulupyeu // Information and control systems [Informatsionno-upravlyayushchie sistemy]. 2016. No. 4. P. 77–84. (In rus)
2. Abramov M.V., Tulupiev A.L., Tulupyeva T.V. Psychological features, mental states of the user and profile of his vulnerabilities in the context of socioengineering attacks // Psychology of mental states: collection of articles of students, undergraduates, graduate students and young scientists. Kazan, 2019. P. 312–317. (In rus)
3. Abramov M.V., Tulupyeva T.V., Tulupyeu A.L. Socioengineering attacks: social networks and assessments of user security. St. Petersburg: GUAP, 2018. 266 p. (In rus)
4. Gardner H. The Arts And Human Development: translation from English. M., 2008. 247 p. (In rus)
5. Grachev G., Melnik I. Manipulation of personality. M., 2003. 376 p. (In rus)
6. Docenko E. L. Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and defenses. M.: CheRo, Moscow State University Publishing House, 1997. 344 p. (In rus)
7. Zimbardo F., Leipe M. Social influence. St. Petersburg, 2001. 448 p. (In rus)
8. Kabachenko T.S. Methods of psychological impact: teaching manual. M.: Pedagogical Society of Russia, 2000. 544 p. (In rus)
9. Lvov D.E. Psychology of interpersonal influence: teaching method. allowance. Izhevsk, 2005. 110 p. (In rus)
10. Olshansky D.V. Psychology of the masses. St. Petersburg: Piter, 2001. 363 p. (In rus)
11. Puyu Yu.V. Origins and the genesis of the phenomenon of manipulation // News of the Russian Herzen State Pedagogical University [Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena]. 2009. No. 90. P. 138–143. (In rus)
12. Semechkin N.I. Psychology of social influence. St. Petersburg: Speech, 2004. 304 p. (In rus)
13. Sereda E.I. Social influence as a subject of psychological research // Bulletin of Pskov State University. Series: Social and Humanities Sciences [Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial’no-gumanitarnye nauki]. 2009. No. 9. P. 124–129. (In rus)
14. Sidorenko E.V. Training influence and opposition to influence. St. Petersburg: Speech. 2002. 225 p. (In rus)
15. Socioengineering attacks. Problems of analysis / A.A. Azarov, T.V. Tulupyeva, A.V. Suvorova, A.L. Tulupyeu, M.V. Abramov, R.M. Yusupov. St. Petersburg: Science, 2016. 352 p. (In rus)
16. Turner J. Social influence. St. Petersburg, 2003. 256 p. (In rus)
17. Sheynov V.P. Hidden human control. M.: AST. 2005. 816 p. (In rus)
18. Abramov M.V., Tulupyeu A.L. Soft estimates of user protection from social engineering attacks: fuzzy combination of user vulnerabilities and malefactor competencies in the attacking impact success prediction // Artificial Intelligence and Natural Language. 2019. P. 47–58.
19. Jones E. E., Pittman T. S. Toward a General Theory of Strategic Self-Presentation // Psychological Perspectives on the Self / ed. J. Suls, 1982. Vol. 1. Erlbaum, Hillsdale. P. 231–262.

20. Michael A., Eloff J. Discovering “Insider IT Sabotage” based on human behaviour // Information and Computer Security. 2020. Vol. 28. N 4. P. 575–589.
21. Rubia F., Affan Y., Lin L., Wang J. at al. Data for: Are the Con Artists Back? Deciphering Social Engineering Attacks. 2019. 04 абряста [Electronic resource]. URL: <https://data.mendeley.com/datasets/yw2djp4vdg/1> (date of the address: 12.02.2021).

About the authors:

Tatyana V. Tulupieva, Associate Professor of the Faculty of State and Municipal Management of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Psychology, Associate Professor; tulupeva-tv@ranepa.ru

Maxim V. Abramov, Head of the Laboratory of Theoretical and Interdisciplinary Problems of Informatics of the St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Technical Science; mva@dscs.pro

Alexander L. Tulupiev, Professor of the Department of Informatics of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Physics and Mathematics), professor; alt@dscs.pro

Геоэкологическая характеристика и комплексная оценка эффективности управления городским благоустройством крупного города Сибири

Королева Е. Н.^{1, 2}

¹Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

²Комитет по дорожному хозяйству, благоустройству, транспорту и связи города Барнаула, г. Барнаул, Российская Федерация; korka9919@mail.ru

РЕФЕРАТ

Введение. Вопросы создания, сохранения и повышения качества озелененных территорий являются актуальными не только для муниципального образования — города Барнаула, но и для каждого городского поселения Российской Федерации, села и поселка.

Методика. Для выявления многочисленных недостатков в управлении проведен статистический анализ основных индикаторов развития сферы благоустройства, основных мнений экспертов. В целях поиска путей выхода для обеспечения комфортности проживания каждого жителя города использовано теоретическое обобщение.

Результаты. Описаны основные геоэкологические характеристики муниципального образования — города Барнаула. Отражены не только достижения органов местного самоуправления в данной сфере, но и выделена среди прочих основная проблема — отсутствие единой концепции озеленения. Для прогнозирования развития города, среды его развития и формирования единого подхода к озеленению территории предложены основные мероприятия, которые позволят создать актуальную, а главное, позволяющую комфортно существовать каждому жителю модель управления сферой благоустройства.

Анализ и обсуждение. Приведена прогнозная оценка предлагаемых мероприятий по рациональному природопользованию для муниципального образования — города Барнаула.

Выводы. Применение указанных результатов не только возможно, но и необходимо учитывать органам местного самоуправления при управлении геоэкологическими процессами каждого города Российской Федерации в целях достижения оптимального уровня жизни населения.

Ключевые слова: городское озеленение, концепция, норма озеленения, уровень жизни населения

Для цитирования: Королева Е. Н. Геоэкологическая характеристика и комплексная оценка эффективности управления городским благоустройством крупного города Сибири // Управленческое консультирование. 2021. № 8. С. 108–116.

Geoecological Characteristics and Comprehensive Assessment of the Effectiveness of Urban Improvement Management in a Large Siberian City

Elena N. Koroleva

¹Altai State University, Barnaul, Russian Federation

²Comitet for Road management, Improvement, Transport and Communication of the city of Barnaul, Barnaul, Russian Federation; korka9919@mail.ru

ABSTRACT

Introduction. The issues of creating, preserving and improving the quality of green areas are relevant not only for the municipality — the city of Barnaul, but also for each urban settlement of the Russian Federation, village and settlement.

Methodology. To identify numerous shortcomings in the management, a statistical analysis of the main indicators of the development of the improvement sector, the main opinions of «experts», was carried out. In order to find ways out to ensure the comfort of living for each resident of the city, a theoretical generalization is used.

Results. The main geoecological characteristics of the municipality — the city of Barnaul — are described. It reflects not only the achievements of local governments in this area, but also highlights the main problem—the lack of a unified concept of landscaping. To predict the development of the city and the formation of a unified approach to landscaping, the main measures are proposed that will allow creating an up-to-date, and most importantly, allowing each resident to comfortably exist, a model for managing the field of landscaping.

Analysis and discussion. The forecast estimate for the municipality — the city of Barnaul from the proposed measures for rational use of natural resources is given.

Conclusions. The application of these results is not only possible, but it is also necessary to take into account the local self-government bodies when managing the geoecological processes of each city of the Russian Federation in order to achieve an optimal standard of living for the population.

Keywords: urban greening, concept, greening norm, the standard of living of the population

For citing: Koroleva E. N. Geoecological Characteristics and Comprehensive Assessment of the Effectiveness of Urban Improvement Management in a Large Siberian City // Administrative consulting. 2021. No. 8. P. 108–116.

Введение

Вопросы повышения уровня городского благоустройства являются актуальными на современном этапе как для жителей каждого города, так и для органов власти [20]. Крупные города из-за чрезмерной концентрации антропогенной нагрузки создают повышенные риски для здоровья людей и способствуют росту заболеваний, прежде всего психических [15].

Стремительный процесс урбанизации, охвативший все страны мира, заставляет специалистов в области инженерной геологии уделять все большее внимание проблемам городов [11]. Города становятся более скучными, унылыми и неинтересными из-за индустриализации [14].

Ухудшение экологического состояния городской среды способствует актуализации вопроса о качестве жизни населения [4].

Цель исследования состоит в том, чтобы изучить геоэкологическую характеристику города Барнаула, прежде всего потому, что он является одним из крупнейших городов по численности населения, и дать оценку эффективности управления органами власти в сфере благоустройства.

Методика

Основными направлениями исследования являются, во-первых, определение геоэкологических характеристик и выявление недостатков в управлении сферой благоустройства города Барнаула. Во-вторых, будет предложена методика создания концепции озеленения для решения основных проблем в управлении и повышения уровня геоэкологии в городском пространстве. В результате разработки и внедрения концепции озеленения составлен прогнозный план развития рационального природопользования в городе.

Планирование устойчивых городов рассматривает последние практики и подходы городского планирования, обсуждает существующие в них ограничения и конфликты, а также выявляет инновационные подходы, которые в большей степени отвечают современным вызовам урбанизации [5].

Внедрение этих методик в практику планирования и проектирования городского пространства будет способствовать сохранению безопасности функционирования городов и рациональному природопользованию [16].

Кроме того, современная негативная среда урбанизированных территорий требует создания имиджа комфортного города [19], для чего наряду с подготовкой нормативных требований по формированию благоприятной среды необходимо разрабатывать методологические подходы к количественной оценке и управлению ее качеством при учете множества факторов окружающей среды, охватывающих все сферы жизнедеятельности человека [4].

Результаты

Метод количественной оценки экологической комфортности окружающей среды также позволяет сравнить и изучить динамику экологической комфортности конкретной городской территории [7].

В Российской Федерации только начинается процесс разработки методик оценки геоэкологической характеристики городов. Прежде всего оценка проводится путем сравнения индексов загрязнения окружающей среды, напряженности экологической ситуации, качества городской среды.

С помощью этих индексов комплексно оценивается качество воды, воздуха и литосферы регионов на основе показателей выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, образования твердых бытовых отходов (ТБО) и сброса загрязненных сточных вод [8].

Если определить основные геоэкологические характеристики города Барнаула, то можно выделить, что в городе девять парков, десятки аллей, более сотни зеленых уголков и скверов, большое количество клумб. И конечно же, естественный природный парк — Барнаульский ленточный бор.

Органы местного самоуправления города Барнаула уделяют большое внимание уровню благоустройства городской среды.

После подготовки генерального плана города на человека приходится 29 м² озелененных территорий, при норме в 10 м² [3]. Это позволяет сделать вывод о комфортности проживания в городе Барнауле, принимая во внимание экологические факторы оценки.

В рамках муниципальной программы «Благоустройство, экологическая безопасность и природопользование города Барнаула на 2015–2040 годы», ежегодно предусматривается около 200 млн руб. на благоустройство территории. Сумма выделяемых из бюджета города денежных средств в течение последних пяти лет остается на прежнем уровне.

С целью сохранения зеленых насаждений на территории города ежегодно ведутся работы по уходу и содержанию деревьев и кустарников (прополка, полив, побелка, стрижка и обрезка), работы по покосу, прополке, реконструкции и поливу газона, а также созданию газона на новых территориях.

Например, в рамках муниципального задания МБУ «Благоустройство и озеленение» г. Барнаула в 2020 г. выполнены работы по сносу более 470 аварийных и сухостойных деревьев, омолаживающей, формовочной обрезке около 400 деревьев, посажено 396 деревьев и 1080 кустарников (за 2019 г. высажено 565 деревьев, 1000 кустарников). Кроме того, в весенний и осенний периоды выполнены работы по замене 200 сухих саженцев в рамках гарантийных обязательств.

В 2021 г. планируется провести работы по посадке 416 деревьев (из них 189 крупномеров), 1098 кустарников.

Особое внимание уделяется цветочному оформлению города. Так, в 2020 г. высажено цветочной рассады 16 619,21 м² (431 951 шт.). В осенний период высаже-

ны луковичные 45 500 шт. (тюльпаны), многолетники 542 шт. (в 2019 г. выполнены работы по посадке однолетников рассадой на 11 371,8 м² (459 631 шт.), многолетников 542 шт., луковичных — 75 850 шт.).

Ежегодно цветочное оформление выполняют на всех площадях и основных магистралях города.

Также в 2020 г. выполнена реконструкция газона общей площадью 2372 м² на объектах: ул. Никитина от Социалистического пр. до Красноармейского пр.; пр. Ленина, 30 со стороны ул. Партизанской.

Всего на содержание территорий города Барнаула, закрепленных за МБУ «Благоустройство и озеленение» г. Барнаула на 2020 г. было выделено более 108 млн руб.

На 2021 г. на содержание территорий города в рамках муниципального задания МБУ «Благоустройство и озеленение» г. Барнаула из бюджета города выделено более 90 млн руб. Разница в объемах финансирования, если рассматривать последние два года, компенсируется учреждению коэффициентом бюджетной обеспеченности, применив который, организация выполняет объемы работ на уровне прошлых лет. Таким образом, озеленение и благоустройство даже при уменьшении объемов выделяемых средств из бюджета города не теряют качественных характеристик.

Большое внимание уделяется созданию во всех районах города зон отдыха для горожан. Так, в 2020 г. выполнены работы по строительству и реконструкции зеленых уголков:

- Центральный район — три зоны (на аллее Ветеранов по ул. Аванесова, по ул. Отечественной высажена липовая аллея в честь 75-летия Великой Отечественной войны, тематическая экозона вблизи Центрального парка по Социалистическому пр.).
- Индустриальный район — четыре зеленых уголка (ул. Балтийская, 44; ул. Малахова, 116; ул. Георгиева, 32; пересечение ул. Георгиева и ул. Энтузиастов).
- Ленинский район — четыре зеленых уголка (по ул. Юрина, 166а, на пересечении ул. Г. Исакова и ул. Солнечная Поляна, ул. Опытная, 10, ул. Островского, 7).
- Октябрьский район — два зеленых уголка (по пр. Комсомольскому, 108, ул. Кулагина, 7г/2).
- Железнодорожный район — два зеленых уголка (устройство клумбы по пр. Красноармейскому, 81, устройство пешеходной аллеи на пересечении пр. Строителей и пер. Ядринцева).

На основе анализа основных показателей работ по озеленению города за последние три года были сделаны выводы о том, что показатели озеленения в период с 2018 по 2020 г. снизились, так, например:

- снос деревьев снизился с 1498 до 1191 шт. в год;
- обрезка деревьев снизилась с 2438 до 1489 шт. в год;
- посадка деревьев снизилась с 4083 до 3000 шт. в год;
- посадка кустарников с 4754 до 1753 шт. в год;
- посадка однолетних цветов с 535 890 до 431 951 шт. в год;
- строительство зеленых уголков с 21 до 15 объектов в год.

Снижение показателей прежде всего обусловливается уменьшением объемов привлеченных внебюджетных источников.

Однако вместе со снижением озеленения качественный показатель благоустройства и озеленения увеличивается.

Показательным примером является тот факт, что при посадке зеленых насаждений большее внимание уделяется крупномерным деревьям высотой более 3 м, у которых процент приживаемости выше, что способствует уменьшению гибели молодых саженцев в агрессивной городской среде.

Кроме того, в последнее время идет переход к более комплексному благоустройству территорий, а это не только посадка зеленых насаждений и посев газона как

было ранее, но и устройство пешеходных дорожек, установка малых архитектурных форм, вертикальное озеленение и т. п. [6].

Таким образом, при снижении количественных показателей озеленения города Барнаула качество построенных зеленых зон улучшается [7].

Ярким подтверждением этого факта служит реализация национального проекта «Жилье и городская среда», в рамках которого не только жители нашего города, но и гости могут увидеть многофункционально благоустроенные территории общего пользования [9].

С начала реализации федерального проекта «Жилье и городская среда» благоустроено 17 общественных территорий города Барнаула. В том числе в 2020 г. выполнены работы по благоустройству парка «Изумрудный» (1 этап) и созданию зеленой зоны на пересечении улиц С. Ускова и Взлетной. Сумма освоенных денежных средств составила 52 801 474,47 млн рублей.

В сфере благоустройства и озеленения на 2021 г. запланировано благоустройство двух общественных территорий: Мизюлинская роща, зеленая зона от ул. Герцена, 6 до ул. Белинского в п. Южном на общую сумму более 140 млн руб.

Одним из оснований для получения финансирования по приоритетному проекту «Жилье и городская среда» является индекс качества городской среды. Определение индексов действительно необходимо для сравнения городов, оценки их реального развития, а в дальнейшем для разработки проектов и программ на различных уровнях власти и адресного направления денежных средств для решения актуальных для жителей городов проблем [9].

Городские леса являются также частью зеленого каркаса Барнаула. Администрацией города в 2014 г. проведены лесоустроительные работы на территории городских лесов городского округа — города Барнаула Алтайского края. Участки, занятые городскими лесами (8 земельных участков), площадью 4063 га, поставлены на государственный кадастровый учет, их границы установлены. Постановлением администрации города от 16.12.2014 № 2648 «Об утверждении лесохозяйственно-го регламента городских лесов городского округа — города Барнаула», утвержден лесохозяйственный регламент городских лесов.

В 2020 г. приказом Рослесхоза создано лесничество «Городские леса города Барнаула», необходимые данные о нем внесены в Единый государственный реестр недвижимости.

В целях организации деятельности по охране, защите городских лесов, комитетом по дорожному хозяйству, благоустройству, транспорту и связи ежегодно заключается муниципальный контракт на выполнение работ по природоохранным мероприятиям — охране, защите, воспроизводству лесов в г. Барнауле.

Одним из основных направлений благоустроительной деятельности является устранение последствий несанкционированного складирования отходов на территории города [18]. Для этого разработана система, предусматривающая проведение рейдов по выявлению свалок, и реализация мероприятий по ликвидации мест несанкционированного размещения отходов [21].

В 2020 г. были организованы и проведены работы по очистке 136 тыс. м² загрязненных территорий (в 2019 г. — 119 167 м²), в том числе за счет бюджета города 10 территорий общей площадью 43,3 тыс. м² (в 2019 г. — 12 территорий общей площадью 58,5 тыс. м²). Финансирование составило 1989,94 тыс. руб. (в 2019 г. — 2100 тыс. руб.). Также на санитарной очистке и благоустройстве зеленых зон города были задействованы студенческие экологические отряды, сформированные в рамках организации занятости молодежи в летний период, финансируемые за счет бюджета города. Несмотря на сложившуюся эпидемиологическую обстановку, городскими службами ведется планомерная работа по поддержанию территории города в надлежащем качестве [10].

С целью своевременного отвода поверхностных сточных вод от исторической части города, сохранения в первоначальном виде зданий и сооружений, обеспечения целостности дорожного покрытия организован водосбор ливневых и талых стоков в центральной части города с площади 26,61 га. Сброс поверхностных сточных вод в р. Барнаулка осуществляется через локальные очистные сооружения, расположенные по ул. Чехова, 26.

В целях исключения чрезвычайных ситуаций осуществляется постоянный мониторинг участков, подверженных оползневым процессам, и поддержка в нормативном состоянии элементов технических сооружений для безаварийного пропускания весеннего половодья и паводков, выполняются мероприятия по водопонижению уровня грунтовых вод посредством насосной станции и подземной инженерной системы водоотведения дренажных грунтовых вод [22]. Подземный водосбор и водоотведение грунтовых вод осуществляются с территории общей площадью 98 га, годовой объем сбора и сброса дренажных вод составляет не менее 5 746 440 м³.

В работе по благоустройству можно выделить ряд проблем: недостаточное финансирование сферы благоустройства, вследствие чего — недостаточный парк техники, отсутствие необходимого штата сотрудников для наведения санитарного порядка общественных территорий в связи с низкой оплатой труда [23].

Основной проблемой в сфере озеленения города является отсутствие единого подхода к формированию зеленых зон, хаотичность посадки.

Эффективной моделью управления сферой благоустройства должна стать единая концепция озеленения, реализовав которую каждый житель города сможет жить в комфортных условиях [4]. Для создания такой модели-концепции прежде всего необходимо провести следующие мероприятия:

- подготовить обзор по истории озеленения и садово-паркового строительства и изучить общую характеристику структуры зеленых насаждений города Барнаула;
- провести оценку зеленых зон (жизненного состояния видового состава, соблюдения норм озеленения в разных частях города, соотношения однолетних и многолетних цветочных культур), фитопатологическое обследование [12];
- подготовить паспорта древесных насаждений;
- установить функциональное назначение зеленых зон, дать предложения по их реконструкции и модернизации;
- создать Web-ГИС проект озелененных территорий города [13];
- разработать алгоритм выбора места посадки и подбора ассортимента зеленых насаждений;
- внедрить использование новых современных технологий озеленения (поверхностное, вертикальное, контейнерное) и ландшафтных решений применительно к климатическим и экологическим условиям города Барнаула.

Для того чтобы привести концепцию в действие, в дальнейшем предлагается разработать целевую муниципальную программу развития зеленых зон и проектов благоустройства каждой территории. А реализовать данные мероприятия — путем применения механизмов государственно-частного партнерства. По мнению исследователя J. Jacobs, городские пространства, находящиеся в государственной собственности, были признаны не всегда предпочтительными, и собственность не была базовым фактором для восприятия качества [17].

Анализ и обсуждение

В решении основной задачи — озеленении города — создание концепции позволит достичь следующих результатов:

- увеличения площади озеленения городской территории, соответственно, изменения в положительную сторону индексов (индекса качества городской

- среды), индикаторов (площадь уборки загрязненных территорий, уборка газона и т. д.);
- обеспечения плановости посадки деревьев и кустарников, что увеличит процент сохранения зеленых насаждений и экосистемы города в целом;
 - формирования целевых программ и планов по рациональному природопользованию, что сделает более прозрачным вопросы озеленения и благоустройства и позволит привлечь частные инвестиции;
 - формирования зеленых зон с учетом пожеланий жителей города, мнений научных сотрудников биологических и агрономических направлений, а также ландшафтных дизайнеров;
 - обеспечения комфортности проживания жителей города Барнаула.

Выводы

При управлении геоэкологическими процессами органам местного самоуправления необходимо применять вышеуказанные мероприятия по рациональному природопользованию.

В результате исследования проведен анализ основных агроэкологических характеристик города Барнаула, выявлены основные проблемы в управлении данной сферы и рекомендовано создать концепцию озеленения, которая позволит выработать единый подход к посадке зеленых насаждений. В результате внедрения данных мероприятий установлена эффективность и действенность модели как для органов власти, так и для жителей города. Данную модель на основе составленной прогнозной оценки возможно применять в каждом из городов каждого субъекта РФ.

Литература

1. Долгачева Т. А. К вопросу об оценке комфортности городской среды // Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Челябинск, 2006. С. 185–189.
2. Заиканов В. Г., Минакова Т. Б. Антропогенный фактор в геоэкологической оценке территорий // Геоэкологические проблемы урбанизированных территорий. 2014. № 3. С. 270–276.
3. Королева Е. Н., Мищенко И. К. Поиски новых подходов к компенсационному озеленению на территории города Барнаула // Международная экономика. 2020. № 11. С. 57–62.
4. Королева Е. Н., Мищенко Вал. В. Некоторые подходы к расчету индекса качества городской среды // Экономика. Профессия. Бизнес. 2020. № 4. С. 61–66.
5. Осипов В. И., Еремина О. Н., Козлякова И. В. Оценка экзогенных опасностей и геологического риска на урбанизированных территориях (обзор зарубежного опыта) // Геоэкология. 2017. № 3. С. 3–15.
6. Середкин К. А., Долгощелова М. И., Коробов В. Б. Сравнение методов экспертного оценивания факторов на примере эколого-географической оценки влияния транспортной инфраструктуры на окружающую среду Архангельской области // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: естественные науки. 2014. № 4. С. 43–52.
7. Сокольская Е. В., Кочуров Б. И., Долгов Ю. А., Лобковский В. А. Многофакторная модель как основа для управления качеством окружающей среды урбанизированных территорий // Теоретическая и прикладная экология. 2018. № 2. С. 26–34.
8. Сокольская Е. В., Кочуров Б. И. Количественная оценка экологической комфортности городской среды с использованием экспертных мнений (на примере г. Тирасполь) // Здоровая окружающая среда — основа безопасности регионов: материалы первого международного экологического форума (11–13 мая 2017 г., г. Рязань) / под ред. Е. С. Иванова. Рязань, 2017. Т. 1. С. 186–192.
9. Сокольская Е. В., Ивашкина И. В. Пространственная оценка экологической ситуации г. Тирасполя с использованием ГИС-технологий // Проблемы региональной экологии. 2016. № 6. С. 105–112.

10. Тарасова Н. П., Кручина Е. Б. Индексы и индикаторы устойчивого развития // Устойчивое развитие: ресурсы России / под общ. ред. академика РАН Н.П. Лаверова. М., 2004. С. 43–76.
11. Тикунов В. С., Черешня О. Ю. Индекс загрязнения и индекс напряженности экологической ситуации в регионах Российской Федерации // Теоретическая и прикладная экология. 2017. № 3. С. 34–38.
12. Черешня О. Ю. Социально-экономические индексы и индикаторы: современное состояние, методика создания и картографирования : автореф. дис. ... канд. геогр. наук : 25.00.24; [Место защиты: Сев.-Кавказ. федер. ун-т]. М., 2017. 24 с.
13. Федоров В. И. Затулей К. С., Нестеров Ю. А. Региональные модели карт комфортности природной среды // Вестник ВГУ. Серия: География. Геоэкология. 2001. № 1. С. 3–15.
14. Gehl J. Cities for People. Washington-Covelo-London: Island Press, 2010. 288 p.
15. Frederick R. Steiner. Planning and Urban Standarts. Student edition / Frederick R. Steiner, Kent Butler. New Jersey: John Wiley & Sons, Inc., 2007. 450 p.
16. Thomas H. Russ. Site Planning and Design Handbook. Second Edition. New York. McGraw-Hill, 2009. 507 p.
17. Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. New York: Vintage books, 1961. 473 p.
18. Lindstrom H. How to make your own simulation system / H. Lindstrom, J. Skansholm // Software-Practice and Experience. 1981. V. 11, Is. 6. P. 629–637.
19. Muzalevsky A. A. A System Approach to the Problem of Environmental Indicators and Sustainable Development Indices. Terms, Definitions, Dimensions, Units. Structurization and Classification // Abstract book «INDEX-99». Second Biennial International Conference. St.-Petersburg, Russia. July 11–16, 1999. P. 95–97.
20. Janssen-Jansen L. New instruments in spatial planning. An international perspective on non-financial compensation / Leonie Janssen-Jansen, Marjolein Spaans, Menno van der Veen (Eds.). Amsterdam: IOS Press, 2008. 258 p.
21. Forman R. T. T. Landscape ecology / R. T. T. Forman, M. Godron. New York: John Wiley & Sons, 1986. 240 p.
22. Forman R. T. T. Urban Regions — Ecology and Planning beyond the City / Richard T. T. Forman // Cambridge University Press, 2008. 478 p.
23. Efron B. Computers and the Theory of Statistics: Unthinkable // SIAM Review, 21, 1979. P. 460–480.

Об авторе:

Королева Елена Николаевна преподаватель Алтайского государственного университета, начальник отдела благоустройства и озеленения комитета по дорожному хозяйству, благоустройству, транспорту и связи города Барнаула (г. Барнаул, Российская Федерация); korka9919@mail.ru

References

1. Dolgacheva T.A. On the issue of assessing the comfort of the urban environment // Materials of the interregional scientific and practical conference. Chelyabinsk, 2006. P. 185–189. (In rus).
2. Zaikanov V. G., Minakova T. B. Anthropogenic factor in the geoeological assessment of territories // Geoecological problems of urbanized territories [Geoekologicheskie problemy urbanizirovannykh territorii]. 2014. No. 3. P. 270–276. (In rus).
3. Koroleva E.N., Mishchenko I.K. Search for new approaches to compensatory gardening in the territory of the city of Barnaul // International economy [Mezhdunarodnaya ekonomika]. 2020. No. 11. P. 57–62. (In rus).
4. Koroleva E.N., Mishchenko V.V. Some approaches to calculating the urban environment quality index // Economy. Profession. Business [Ekonomika. Professiya. Biznes]. 2020. No. 4. P. 61–66. (In rus).
5. Osipov V.I., Eremina O.N., Kozlyakova I.V. Assessment of exogenous hazards and geological risk in urbanized territories (review of foreign experience) // Geoecology [Geoekologiya]. 2017. No. 3. P. 3–15. (In rus).
6. Seredkin K.A., Doloshchelova M.I., Korobov V.B. Comparison of methods of expert assessment of factors on the example of ecological and geographical assessment of the impact of transport infrastructure on the environment of the Arkhangelsk region // Arctic Environmental Research

- [Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: estestvennye nauki]. 2014. No. 4. P. 43–52. (In rus).
7. Sokolskaya E. V., Kochurov B. I., Dolgov Yu. A., Lobkovsky V. A. Multifactor model as a basis for environmental quality management of urbanized territories // Theoretical and applied ecology [Teoreticheskaya i prikladnaya ekologiya]. 2018. No. 2. P. 26–34. (In rus).
 8. Sokolskaya E. V., Kochurov B. I. Quantitative assessment of the ecological comfort of the urban environment using expert opinions (on the example of Tiraspol) // Healthy environment—the basis of regional security: materials of the first international environmental forum (May 11–13, 2017, Ryazan) / edited by E. S. Ivanov. 2017. Vol. 1. P. 186–192. (In rus).
 9. Sokolskaya E. V., Ivashkina I. V. Spatial assessment of the ecological situation of Tiraspol using GIS technologies // Problems of regional ecology [Problemy regional'noi ekologii]. 2016. No. 6. P. 105–112. (In rus).
 10. Tarasova N. P., Kruchina E. B. Indexes and indicators of sustainable development // Sustainable development: resources of Russia / under a general edition of the RAS academician N. P. Laverov. M., 2004. P. 43–76. (In rus).
 11. Tikunov V. S., Cheresnaya O. Yu. The index of pollution and the index of the intensity of the ecological situation in the regions of the Russian Federation // Theoretical and applied ecology [Teoreticheskaya i prikladnaya ekologiya]. 2017. No. 3. P. 34–38. (In rus).
 12. Cheresnaya O. Yu. Socio-economic indices and indicators: current state of the art, methods of creation and mapping: dissertation abstract: 25.00.24; [North-Caucasus. feder. un-t]. Moscow, 2017. 24 p. (In rus).
 13. Fedorov V. I., Zaturey K. S., Nesterov Yu. A. Regional models of comfort maps of the natural environment // Bulletin VSU. Series: Geography. Geoecology [Vestnik VGU. Seriya: Geografiya. Geoekologiya]. 2001. No. 1. P. 3–15. (In rus).
 14. Gehl J. Cities for People. Washington-Covelo-London: Island Press, 2010. 288 p.
 15. Frederick R. Steiner. Planning and Urban Standarts. Student edition / Frederick R. Steiner, Kent Butler. New Jersey: John Wiley & Sons, Inc., 2007. 450 p.
 16. Thomas H. Russ. Site Planning and Design Handbook. Second Edition. New York. McGraw-Hill, 2009. 507 p.
 17. Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. New York: Vintage books, 1961. 473 p.
 18. Lindstrom H. How to make your own simulation system / H. Lindstrom, J. Skansholm // Software-Practice and Experience. 1981. V. 11, Is. 6. P. 629–637.
 19. Muzalevsky A. A. A System Approach to the Problem of Environmental Indicators and Sustainable Development Indices. Terms, Definitions, Dimensions, Units. Structurization and Classification // Abstract book «INDEX-99». Second Biennial International Conference. St.-Petersburg, Russia. July 11–16, 1999. P. 95–97.
 20. Janssen-Jansen L. New instruments in spatial planning. An international perspective on non-financial compensation / Leonie Janssen-Jansen, Marjolein Spaans, Menno van der Veen (Eds.). Amsterdam: IOS Press, 2008. 258 p.
 21. Forman R. T. T. Landscape ecology / R. T. T. Forman, M. Godron. New York: John Wiley & Sons, 1986. 240 p.
 22. Forman R. T. T. Urban Regions — Ecology and Planning beyond the City / Richard T. T. Forman // Cambridge University Press, 2008. 478 p.
 23. Efron B. Computers and the Theory of Statistics: Unthinkable // SIAM Review, 21, 1979. P. 460–480.

About the author:

Elena N. Koroleva, Lecturer at Altai State University, Head of the Department of Landscaping of The Committee on Road Management, Improvement, Transport and Communications of the City of Barnaul (Barnaul, Russian Federation); korka9919@mail.ru

Неинституциональные формы политического участия мусульманской молодежи в современной Шотландии

Агабабов А. Р. *, Левочкин Р. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Среднерусский институт управления, Орел, Российская Федерация; *aagababov@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются основные формы и социокультурные особенности участия мусульманской молодежи Шотландии в неинституциональной политике. Своей исследовательской **целью** авторы избрали выявление механизмов, посредством которых специфические для шотландского контекста политические процессы (отличные от общебританского или, например, английского контекстов) порождают различные формы политического участия молодых адептов ислама. **Теоретико-методологической основой** исследования стал значительный пласт эмпирических данных (в основном, шотландских), осмысленных посредством интерпретативной парадигмы, что позволило авторам проанализировать неинституционализированный политический опыт молодых мусульман, находя закономерности в том, как мусульманская молодежь воспринимает и конструирует окружающий ее социальный мир. **Результатом** проведенного исследования стало понимание того, что усиление «исламского фактора» в общественно-политической жизни Шотландии объясняется не только ростом численности мусульманского населения, но и очевидной поддержкой, которую шотландские власти оказывают адептам ислама. По мнению авторов, вопрос о национально-государственной независимости, специфика шотландского национализма, привлекательность для этноконфессиональных меньшинств политической платформы Шотландской Национальной Партии стали наиважнейшими первичными факторами, предопределившими активный приход шотландской мусульманской молодежи в политику. Основным **выводом** в данной статье стала мысль о том, что конкретные общественно-политические и социокультурные контексты Шотландии создают соответствующие формы политического участия молодых мусульман. Несмотря на сложившееся мнение о том, что шотландская мусульманская молодежь проявляет интерес, в основном, к международным событиям, авторы показывают четко прослеживаемую институциональную и неинституциональную вовлеченность молодых мусульман в национальные и местные политические проблемы Шотландии. По мнению авторов, неинституциональное политическое участие молодых шотландских адептов ислама проявляется в таких формах, как общественные движения, активизм и благотворительность, а также волонтерская работа.

Ключевые слова: Шотландия, мусульманская молодежь, неинституциональная политика, политическое участие, общественные движения, активизм, благотворительность, волонтерство

Для цитирования: Агабабов А. Р., Левочкин Р. А. Неинституциональные формы политического участия мусульманской молодежи в современной Шотландии // Управленческое консультирование. 2021. № 8. С. 117–127.

Non-Institutional Forms of Political Participation of Muslim Youth in Modern Scotland

Alexander R. Agababov*, Roman A. Lyovochkin

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Central Russian Institute of Management, Orel, Russian Federation; *aagababov@mail.ru

ABSTRACT

The article examines the main forms and socio-cultural features of the participation of Muslim youth in Scotland in non-institutional politics. As their research goal, the authors chose to identify the mechanisms through which political processes specific to the Scottish context (different from the

general British or, for example, the English context) generate various forms of political participation of young adherents of Islam. The theoretical and methodological basis of the study was a significant layer of empirical data (mainly Scottish), comprehended through an interpretive paradigm, which allowed the authors to analyze the non-institutionalized political experience of young Muslims, finding patterns in how Muslim youth perceive and construct the social world around them. The result of the study was an understanding that the strengthening of the “Islamic factor” in the social and political life of Scotland is explained not only by the growth of the Muslim population, but also by the obvious support that the Scottish authorities provide to adherents of Islam. According to the authors, the issue of national and state independence, the specificity of Scottish nationalism, the attractiveness of the political platform of the Scottish National Party for ethno-confessional minorities became the most important primary factors that predetermined the active entry of Scottish Muslim youth into politics. The main conclusion in this article was the idea that the specific socio-political and sociocultural contexts of Scotland create appropriate forms of political participation of young Muslims. Despite the prevailing opinion that Scottish Muslim youth are interested mainly in international events, the authors show a clearly traceable institutional and non-institutional involvement of young Muslims in national and local political issues in Scotland. According to the authors, the non-institutional political participation of young Scottish followers of Islam is manifested in such forms as social movements, activism and charity, and volunteer work.

Keywords: Scotland, Muslim youth, non-institutional politics, political participation, social movements, activism, charity, volunteering

For citing: Agababov A. R., Lyovochkin R. A. Non-Institutional Forms of Political Participation of Muslim Youth in Modern Scotland // Administrative consulting. 2021. N 8. P. 117–127.

Введение

Проблема вовлеченности молодого поколения в политическую деятельность, равно, как и проблема политической активности/пассивности молодежи в той или иной стране актуализируются год от года все больше. Результативное же принятие соответствующих управленческих решений в означенном контексте во многом зависит от того, насколько полно и всесторонне названные проблемы будут осмыслены научно-экспертным сообществом.

В данной статье мы попытаемся рассмотреть ситуацию с политическим участием молодежи в Соединенном Королевстве, ограничив объектно-предметное поле наших рассуждений границами Шотландии. Кроме того, отметим, что мы не ставили перед собой неосуществимую (в рамках одной статьи) цель рассмотреть максимальное число социальных групп, подпадающих под критерии молодого поколения. Речь пойдет лишь о молодых шотландских мусульманах, точнее об основных формах и социокультурных особенностях их участия в так называемой неинституциональной политике.

Прежде мы уже обращались к рассмотрению социокультурных и иных контекстов политического участия мусульманской молодежи Шотландии, но тогда речь шла об институциональной политике. Рассматривая, как институциональная политическая география Шотландии формирует соответствующую вовлеченность молодых мусульман и их интерес к политике, мы пытались показать, что основные политические процессы, которые являются специфическими для шотландского контекста (отличного от общебританского или, например, английского), представляют интерес для означенной социальной группы, порождая различные формы политического участия.

Как часть Великобритании Шотландия сегодня испытывает общественно-политическую неопределенность. Очередная громкая победа Шотландской Национальной Партии (SNP) на парламентских выборах 6 мая 2021 г., по нашим прогнозам, только усугубит эту неопределенность, вызванную брекзитом, «кри-

зисом пандемии» и, прежде всего, нереализованным государственно-национальным суверенитетом.

Если же говорить об электорате SNP, то в этом вопросе мы бы отметили несколько основных тенденций, среди которых основными можно назвать рост числа молодых членов партии (благодаря повышению политической активности молодежи) и усиление поддержки партии со стороны этно-конфессиональных меньшинств (прежде всего, мусульман) [3, с. 159–180]. Растущая поддержка SNP со стороны молодежи доказывает, что, во-первых, молодые члены общества далеко не апатичны по отношению к политике [12, с. 86–98], а, во-вторых, этот факт побуждает более пристально посмотреть на формы и методы участия молодежи в политических процессах [7, с. 473–479; 18; 20, с. 1–35]. Усиление же «исламского фактора» в шотландской общественно-политической жизни во многом объясняется не только ростом численности мусульманского населения, но и очевидной поддержкой, которую власти Шотландии и лидеры SNP оказывают адептам ислама [3, с. 159–180]. Более того, можно сказать, что вопрос о национально-государственной независимости, специфика шотландского национализма [2, с. 153–159], привлекательность политической платформы SNP для этно-конфессиональных меньшинств, а также фактическое присутствие мусульман в шотландской политике, на сегодняшний день, стали наиважнейшими и первичными факторами, предопределившими активный приход шотландской мусульманской молодежи в политику.

Собственно, эти же факторы привели к тому, что рост политической активности шотландской общественности, наметившийся, как считается, в последние годы, и, особенно, политическая активизация шотландской молодежи, вышли из этно-конфессиональных границ, присущих большинству коренного белого населения, но включили в себя различные новые социальные слои, в том числе, молодых мусульман разной этнической принадлежности. Такое развитие ситуации на политической карте Шотландии позволило нам обозначить концепт, в соответствии с которым институциональная политика в названной стране стала важным аспектом политического участия молодых шотландских мусульман.

Впрочем, вряд ли осмысление механизмов формирования вовлеченности молодых мусульман и усиления их интереса к политике следует ограничивать только лишь институциональным политическим ландшафтом. Такой подход, как минимум, снизил бы объективность восприятия политических процессов на территории Шотландии. Поэтому, в данной статье мы попытаемся расширить предметное поле анализа названных процессов в части осмысления неинституциональных форм политического участия шотландской мусульманской молодежи.

Теоретико-методологические основы

В работе над данным материалом мы исходили из методологического постулата о том, что качественные исследования в основном связаны с изучением взаимосвязи между индивидуальным опытом, конструированием смысла и более широкими социальными процессами, с одной стороны, и теоретизированием на их основе для получения объяснений этих явлений — с другой [14, с. 263–286]. Поскольку основным мотивом нашего научного осмысления является неинституциональное политическое участие шотландской мусульманской молодежи, то мы, исходя из вышесказанного, прибегли к использованию интерпретативной парадигмы [9; 22, с. 41–68].

Основой интерпретативной парадигмы является убеждение в том, что индивиды понимают и осмысливают окружающий их социальный мир через свой опыт и взаимодействие в нем [15, с. 191–216]. Знание — это человеческая конструкция и как таковое единственный способ, посредством которого исследователь может изучить обобщенную реальность, т.е. критически проанализировать, как люди понимают, переживают, интерпретируют и конструируют социальный мир [23, с. 893]. Такой под-

ход базируется на том, что знание не «где-то там», а порождается повседневными реалиями, воспринимаемыми участниками конкретного события или процесса [11, с. 341–358]. Соответственно, используемая нами методологическая парадигма означает, что понятие объективной истины может быть в каком-то смысле отброшено, поскольку опыт и наблюдения участников всегда основаны на «субъективных объективностях», таких как пол, класс и этническая принадлежность, и фильтруются через них [5, с. 381–411; 8]. Однако это не свидетельствует об автоматическом принятии чистой субъективности, поскольку большинство исследователей согласны с тем, что, хотя мы интерпретируем окружающий мир и взаимодействуем с ним с определенной точки зрения, более широкий и общий контекст воздействует на нас, ограничивая возможные варианты субъективной интерпретации [10; 17; 24, с. 465–478]. Таким образом, понимание мира является общим, хотя оно преломляется в соответствии с индивидуальными интерпретациями [13]. Применительно к данной статье следует сказать, что мы, используя значительный пласт эмпирических данных (в основном шотландских), таких как интервью или соцопросы, собранных британскими коллегами за несколько последних десятилетий, представляем обобщенные выводы, базирующиеся на интерпретациях жизненного опыта участников упомянутых интервью и опросов. Это позволяет анализировать неинституционализированный политический опыт молодых мусульман, находя закономерности в том, как эти молодые люди осмысливают и конструируют окружающий мир, но, при этом, признавая, что универсальной истины в рассматриваемом вопросе не существует.

Результаты

Далее мы рассмотрим так называемые неинституциональные формы политического участия и попытаемся проанализировать роль активизма в том, как молодые шотландские мусульмане оказываются вовлеченными в политику.

В последние десятилетия в Шотландии наблюдается рост количества разных движений социальной направленности, наметившийся на фоне таких серьезных проблем, как усиление процессов глобализации, увеличение притока беженцев и нелегальных мигрантов, изменение климата, нагнетание расовых противоречий, кризис кибербезопасности и многих других [19, с. 957–985]. Социальные движения по своему охвату и масштабам вовлеченности в них заинтересованных лиц могут варьироваться от местных общественных групп до уровня международных сетей, и они, как правило, предполагают возможность использования разных форм и методов протеста [19, с. 957–985]. В этом плане социальные движения являются частью того, что О’Тул и Гейл называют «новой политической грамматикой», и они резонируют с понятием Бека о «субполитике», трактующим политику вне и за пределами представительных институтов политической системы национального государства [6, с. 18]. В результате неинституционализированности многих социальных движений они, равно как и активизм в целом, считаются ключевым способом вовлечения молодежи в политику, обеспечивающим альтернативу основным институционализированным субъектам, в которых молодые люди подчас оказываются разочарованными [18]. Собственно, все сказанное присуще большинству стран и народов, поэтому неудивительно, что и для многих молодых шотландских мусульман активизм и вовлеченность в социальные движения и проекты оказываются характерной чертой их политической активности.

Отметим, что участие в неинституционализированных движениях и активизм важны прежде всего для тех молодых мусульман, кто не родился непосредственно в Шотландии, а прибыл в эту страну в качестве мигрантов, беженцев или лиц, ищущих убежища по иным гуманитарным причинам. При этом формы их политической активности могут быть различными, хотя довольно близкими к их собственным про-

блемам. Они могут заниматься проблемами беженцев и миграционными вопросами; отстаивать права человека и — отдельно — защищать права людей с ограниченными возможностями; выступать против ядерного оружия и эскалации военных конфликтов и т.п. Так, например, после трагедии с Аланом Курди¹ в 2015 г. молодые мусульманские активисты собрали в Глазго 12 000 человек для проведения акции по организации соответствующей разъяснительной работы, постепенно к этой акции подключилось около двух миллионов человек в 40 городах Шотландии. Приведенный пример показывает, как молодежный активизм может в кратчайшие сроки привести к вовлечению в общественно-политический процесс огромного количества людей разных социальных категорий. Подчеркнем, что активистами в данном случае выступали представители мусульманской молодежи из иммигрантской среды.

Нужно сказать, что проявляют они себя довольно эффективно, работая с широким спектром социальных движений по глобальным, транснациональным и местным проблемам. При этом, конечно, одной из основных политических задач активистов названной социальной группы является улучшение бедственного положения беженцев и мигрантов, оказавшихся на территории Шотландии. Наиболее заметно молодые шотландские мусульмане-активисты проявляют себя в Глазго, занимаясь указанными вопросами не только на местном уровне, добровольно сотрудничая с различными официальными группами в рамках кампании по приему беженцев, но и в международном масштабе, предоставляя помощь лагерям беженцев во Франции и Греции. Кроме того, мусульманская молодежь Глазго совместно организует мероприятия по повышению уровня осведомленности коренного местного населения о сирийских беженцах и гибели многих детей-беженцев во время их переезда в Европу.

Конечно, такие группы активистов есть не только в Глазго, но и в других городах Шотландии. В связи с этим нужно понимать, что демонстрация, волонтерство и информирование общества о беженцах стали наиболее заметными формами политического взаимодействия для многих политически активных молодых мусульман. Но, что более важно, их политическая активность во многом обусловлена наличием огромного спектра проблем, с которыми сталкиваются все, кто имел опыт нелегальной миграции и поиска убежища в чужой стране. Те же мусульмане, которые уже немного адаптировались в принявшей их стране, имея своей иммигрантский опыт, почти со стопроцентной вероятностью, будут активно демонстрировать свою солидарность вновь прибывшим, что приводит к возрастанию политической активности участников соответствующих социальных движений.

Конечно, мусульманская молодежь Шотландии проявляет свою социально-политическую активность не только в отношении проблем беженцев. Но мы далеки от того, чтобы разделять существующее мнение о приверженности шотландских мусульман вопросам глобальной политики.

Безусловно, мировая повестка им не чужда, но все же, на наш взгляд, молодые мусульмане, активно агитируя за решение глобальных проблем, не менее (а возможно, более) активны в местных шотландских вопросах.

Общеизвестно, что шотландская общественность в целом, а также ее мусульманские представители проявляли политическую активность, протестуя против войны в Ираке, боевых действий в Газе и поддержки экстремистов в странах «арабской весны». При этом, молодые шотландские мусульмане активно агитировали за независимость Шотландии, кампанию за ядерное разоружение² и поддержку SNP, что

¹ Алан Курди — трехлетний мальчик курдского происхождения, который при попытке его семьи пересечь Средиземное море во время бегства из Сирии 2 сентября 2015 г. трагически погиб вместе с несколькими своими родными.

² Кампания за одностороннюю ликвидацию ядерного оружия в Соединенном Королевстве (в настоящее время — за отказ от перевооружения американских трехступенчатых твердотопливных баллистических ракет «Трайдент», размещаемых на подводных лодках).

свидетельствует о важности для молодых мусульман Шотландии как международной, так национальной политических повесток.

Тем не менее, как уже упоминалось выше, и обыватели, и даже отдельные исследователи и эксперты не считают шотландских мусульман (в том числе, молодых) вовлеченными в британскую политику. Впрочем, этот политический миф стал развеиваться со времени активного прихода адептов ислама в общebritанскую и прежде всего шотландскую политику, где их слышат и видят все больше [4, с. 60–63].

По мнению шотландских исследователей Линдси, Осборна и Бонда, участие молодых мусульман в национальной политике, как через социальные движения и активизм (неинституциональную политику), так и через институциональную политику, наглядно показывает, что мусульманская молодежь озабочена не только международной политикой [16, с. 192–207]. Названные авторы полагают, что комплексная вовлеченность молодых шотландских мусульман в международную, национальную британскую, национальную шотландскую и местную политические повестки, позволяет им позитивно осмыслить себя в части собственной причастности политике. Линдси даже указывает, что референдум о независимости в 2014 г. стал ключевым событием, благодаря которому мусульмане Шотландии (прежде всего, молодые) стали активными игроками при реализации шотландской политической повестки, хотя до этого момента они проявляли свою политическую активность в основном в международных вопросах. Опять же, это свидетельствует о том, что специфические черты политической географии Шотландии порождают интерес мусульманской молодежи (как и всех мусульман в целом) к политическому участию в том, что касается национальных и местных проблем в Шотландии.

В связи со сказанным следует отметить, что неинституциональное политическое участие, реализуемое через социальные движения и активизм, необязательно означает полное отстранение от институциональной политики. Скорее молодые мусульмане (и не только они) просто объединяют политическую активность и свое присутствие в социальных движениях с иными политическими интересами, реализуемыми в рамках участия в институциональной (основной) политике.

Кроме того, нельзя также отбрасывать мысль о том, что у мусульманской молодежи Шотландии нет разочарования в институциональной политике. Вероятно, у некоторых такое разочарование присутствует, поскольку заметно незначительное наличие бинарного разделения между активистами социальных движений и теми, кто продвигает политические интересы своей социальной группы в рамках институциональной политики. Впрочем, шотландские политические процессы во всем спектре их протекания все еще часто привлекают внимание молодых мусульман, вовлеченных в основную (институциональную) политическую деятельность, что явно не резонирует с возможностью для этой части мусульманской молодежи проявить свою активность в неинституциональной политике.

Отметим, что полезным способом описания того, как молодые мусульмане политически взаимодействуют с социальными движениями в Шотландии, является так называемый «глокальный» активизм.

Глокализация представляет собой понятие, которое используется для описания одновременного возникновения и развития глобальных и локальных тенденций в экономических, культурных и политических процессах [21], что предполагает включение в политические повестки одновременно глобальных и местных проблем, а также тех проблем, которые возникают как результат, так сказать, пограничного взаимодействия глобального и локального. Собственно, в рамках такой глокализации проявляется политическая активность подавляющего большинства представителей шотландской мусульманской молодежи.

В связи со сказанным отметим, что еще одной формой неинституционального политического участия мусульманской молодежи Шотландии, которую мы хотели

бы затронуть в данной статье, и которая, пересекаясь с социальными движениями, одновременно может пересекаться с институциональной политикой, является волонтерская и благотворительная деятельность.

По мнению О'Тула и Гейла, благотворительность, волонтерство и подобного рода деятельность различных социальных групп могут выступать в качестве альтернативной общественной сферы политического участия и вносить вклад в новые появляющиеся модели политических действий молодежи (в том числе, мусульманской). Названные исследователи подчеркивают, что подобные формы политического участия могут функционировать как проявления так называемого «субполитического активизма», поскольку политическое взаимодействие субъектов происходит вне основных политических институтов.

Кроме того, обязательно следует учитывать тот факт, что в системе мусульманских ценностей благотворительность занимает одно из ключевых мест, о чем свидетельствуют аяты Корана, тексты которых содержат упоминание о щедрости и благотворительности [1].

Отметим, что вероучительная традиция мусульманской благотворительности понимается на практике в самом широком смысле. Речь идет не только о непосредственной помощи нуждающимся, но и обо всем, что человек может сделать для блага других людей. При этом существуют конкретные официально принятые в исламе виды социального служения, к каковым относятся, например, закят, садака, вакф.

Иными словами, мусульманские представления о социальной справедливости достаточно гармонично совпали с шотландским эгалитаризмом, что не могло способствовать более мягкой (в сравнении с Англией) интеграции адептов ислама в социокультурных условиях Шотландии. В результате коренные шотландцы по большей части весьма толерантно относятся к мусульманам, а последние не ощущают себя маргинальной социальной группой и поэтому активно участвуют в социальной жизни страны, вовлекая в эту жизнь молодежь.

В данной связи очень важным является идейный посыл лидеров мусульманских общин. Они полагают, что пока молодые мусульмане не поймут важность благотворительной деятельности, направленной на помощь местному шотландскому сообществу, они не поймут саму концепцию ислама. Сказанное позволяет предполагать, что деятельность в социальной сфере рассматривается шотландскими мусульманами не столько как политическая активность, но, в первую очередь, как часть их религиозного долга. Более того, многие из них подчеркивают свою аполитичность и неприсоединенность к тем или иным политическим партиям или общественно-политическим движениям. Свои же интересы в общественной жизни они реализуют индивидуально путем голосования по различным конкретным вопросам. Особенно активно такой поведенческий концепт приписывают мусульманской молодежи, чья благотворительная деятельность и прочая вовлеченность в социальную работу, по мнению исследователей, должны рассматриваться не как проявления политической активности, но скорее, как гражданское участие, основанное на религиозных идеях и обязанностях [25; 27, с. 137–152]. Религиозные мусульманские общины считаются находящимися в «авангарде благотворительных инициатив» [26, с. 3], поскольку участвуют в широком спектре гражданских проблем, что наглядно демонстрируют их многочисленные молодежные группы. Но, безусловно, говорить об аполитичности последних вряд ли будет правильным. Скорее, политическая природа религиозного гражданского участия будет варьироваться между группами, некоторые из которых выражают явные политические мотивы и мнения, в то время как другие уклоняются от политического диалога.

В связи со сказанным возникает вопрос о том, является ли политическим гражданское участие молодых шотландских адептов ислама. Нужно ли этно-конфессиональной группе быть сознательно политической, чтобы она считалась политически

активной? Или же акт гражданского участия уже является политическим по своей сути, даже без четкой политической мотивации или идеологии?

Пытаясь размышлять над этими вопросами, мы пришли к выводу о том, что если допустить политизированность мусульман (в том числе молодых) в общественном сознании из-за многочисленных медийных дискуссий, то в их благотворительности и прочей деятельности социальной направленности вполне можно рассмотреть политический эффект и политическую значимость. Поэтому, хотя религиозное гражданское участие не всегда может быть сознательным политическим актом, оно, подпитываясь политическим дискурсом и дискуссиями в средствах массовой информации, изменяется, превращаясь в одну из форм политической активности.

Впрочем, многое в данном вопросе зависит от личного отношения самих участников волонтерско-благотворительной деятельности к ее политической природе.

Так, некоторые молодежные мусульманские группы сознательно демонстрируют четкую взаимосвязь между религиозным гражданским долгом и своей политической активностью. Например, в рамках различных радио-шоу они участвуют в сборе средств для многочисленных благотворительных организаций, но одновременно повышают осведомленность о ключевых политических проблемах, таких как бедность, беженцы, бездомность и маргинализация этно-конфессиональных меньшинств.

Такой подход демонстрирует вовлеченность молодых мусульман в общественную повестку Шотландии и их озабоченность проблемами всего шотландского общества. Это свидетельствует о том, что члены молодежных групп шотландских мусульман осознают политическую природу своего религиозного социального служения и добровольчества, демонстрируя подобный способ участия в политической жизни.

Помимо тех, кто добровольно участвует в религиозных проектах социальной направленности, а также в соответствующих движениях и ассоциациях, имеются и те, которые добровольно участвуют в очевидно светских политических структурах и мероприятиях.

Все эти формы общественной активности с разной степенью политизированности функционируют в некоторой степени как формы «субполитического» участия, в котором молодые шотландские мусульмане проявляют себя в рамках актуальной политической повестки вне основной институциональной политики. Более того, поскольку политически ангажированное общественное мнение и специфическая позиция СМИ часто политизируют мусульманскую молодежь, волонтерская и благотворительная деятельность последней может непреднамеренно нести в себе политическое послание даже для тех, кто сознательно не считает такую деятельность политическим актом.

Заключение

В заключении хотелось бы подытожить основные мысли.

Во-первых, существует множество способов, посредством которых молодые мусульмане Шотландии взаимодействуют с политикой, объединяя как традиционные (основные, институциональные), так и нетрадиционные (неинституциональные) формы. Благодаря такому разнообразному участию в политической жизни мусульманская молодежь демонстрирует довольно широкую вовлеченность в политические процессы. Несмотря на сложившееся мнение, что молодые шотландские мусульмане в первую очередь проявляют интерес к глобальной политике и международным событиям, на наш взгляд, очевидно также и их внимание к более широкому кругу политических проблем с четко прослеживаемым участием в национальных и местных делах Шотландии. Вовлеченность в шотландскую политическую повестку проявляется в таких формах, как общественные движения, активизм и благотворительность, волонтерская работа.

Во-вторых, следует отметить, что участию молодых мусульман в политической жизни способствуют характерные особенности политической географии Шотландии. Политические процессы и события в этой стране захватывали и продолжают захватывать воображение многих молодых адептов ислама, особенно, в рамках институционального сегмента политики. Примером здесь может быть специфический шотландский национализм, воспринимаемый как инклюзивный и прогрессивный. Неслучайно часто считается, что SNP (в сравнении с другими партиями) предлагает своим сторонникам альтернативный политический стиль, оказывающийся привлекательным для этно-конфессиональных меньшинств (в том числе, для молодых мусульман) и мотивирующий их на участие в политике. Это свидетельствует о том, что конкретные общественно-политические и социокультурные контексты могут создавать особые формы политического участия молодых шотландских мусульман и иных социальных групп.

В-третьих, политическое участие молодых мусульман в Шотландии частично объясняется тем, что и молодежь, и мусульмане (как отдельно взятые социальные группы) часто негативно политизируются в СМИ и политических дискурсах. В этой связи возникает необходимость в альтернативных политических и социальных имиджах, способом создания которых оказывается реальное созидательное и конструктивное участие в политической жизни общества. Неудивительно, что вовлеченность в решение местных шотландских проблем в форме благотворительной или волонтерской работы рассматривается многими молодыми мусульманами как способ противостояния негативному мнению о себе и возможность предстать перед лицом общества в более позитивном свете. С другой стороны, боязнь быть названными экстремистами порой вызывает обратный эффект, проявляющийся в снижении социальной и политической активности шотландской мусульманской молодежи. Впрочем, шотландские власти делают все возможное для того, чтобы минимизировать негативное влияние внешних дискурсов и глобальных событий на общественное мнение в отношении различных групп из числа этно-конфессиональных меньшинств, к которым относятся молодые мусульмане Шотландии.

Литература

1. *Коран*. Перевод И. Ю. Крачковского. М. : Изд-во восточной литературы, 1963. 716 с.
2. Меркулов П. А., Тюрин Е. А., Савинова Е. Н. Эволюция ШНП в борьбе за национальное самоопределение Шотландии: к вопросу об особенностях шотландского «национализма» // *Власть*. 2017. № 6. С. 153–159.
3. Тюрин Е. А., Савинова Е. Н., Агабабов А. П. Исламский фактор в развитии современной Шотландии: политические и социокультурные аспекты // *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты*. 2020. Т. 16. № 2. С. 159–180.
4. Тюрин Е. А., Савинова Е. Н., Агабабов А. П. Идентичность шотландских мусульман как социокультурное проявление глобализации во внутривнутриполитических процессах современной Шотландии // *Управленческое консультирование*. 2019. № 6. С. 60–63.
5. Altheide D. L., Johnson J. M. Reflections on Interpretive Adequacy in Qualitative Research // *The Sage Handbook of Qualitative Research*. Eds. N. K. Denzin, Y. S. Lincoln. London : Sage Publications. 2011. P. 381–411.
6. Beck U. World risk society as cosmopolitan society?: Ecological questions in a framework of manufactured uncertainties. *Theory, Culture and Society*. 1996. N 13 (4). P. 1–32.
7. Brookes R., Hodgkinson P. Introduction — young people, new technologies and political engagement // *Journal of Youth Studies*. 2008. N 111 (5). P. 473–479.
8. Denzin N. K. *Sociological Methods: A Sourcebook*. Chicago : Aldine Transaction. 2006.
9. Hakim C. *Research Design* (2 ed.). London : Routledge. 2000.
10. Hammersley M. *The Politics of Social Research*. London : Sage Publications. 1995.
11. Holstein J. A., Gubrium J. F. The Constructionist Analytics of Interpretive Practice // *The Sage Handbook of Qualitative Research*. Eds. N. K. Denzin, Y. S. Lincoln. London : Sage Publications. 2011. P. 341–358.

12. *Kimberlee R. H.* Why don't British young people vote at general elections // *Journal of Youth Studies*. 2002. N 5 (1). P. 86–98.
13. *Kvale S.* Interviews: An introduction to qualitative research interviewing. London : Sage Publications. 1996.
14. *Lewis J., Ritchie J.* Generalising from Qualitative Research // *Qualitative research Practice*. Eds. J. Ritchie, J. Lewis. London : Sage Publications. 2003. P. 263–286.
15. *Lincoln Y. S., Lynham S. A., Guba E. G.* Paradigmatic Controversies, Contradictions and Emerging Confluences, Revisited // *The Sage Handbook of Qualitative Research*. Eds. N.K. Denzin, Y.S. Lincoln. London : Sage Publications. 2011. P. 191–216.
16. *Lindsay C., Osborne S. P., Bond S.* The 'New Public Governance' and Employability Services in an Era of Crisis: Challenges for Third Sector Organizations in Scotland, *Public Administration*. 2014. Vol. 92 (1). P. 192–207.
17. *Maxwell J. A.* A Realist Approach for Qualitative Research. London : Sage Publications. 2012.
18. *O'Toole T., Gale R.* Political Engagement amongst Ethnic Minority Young People. Basingstoke : Palgrave Macmillan. 2013.
19. *Oslender U.* Fleshing out the geographies of social movemnets: Colombia's Pacific coast black communities and the "aquatic space" // *Political Geography*. 2004. 23. P. 957–985.
20. *Pilkington H., Pollock G.* Politics are bollocks: Youth, politics and activism in contemporary Europe // *Sociological Review*. 2015. N 63 (S2). P. 1–35.
21. *Robertson R.* Glocalization: Time-space and homogeneity-heterogenity // *Global Modernities*. Eds. M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London : Sage. 1997.
22. *Sandberg J.* How Do We Justify Knowledge Produced Within Interpretive Approaches? // *Organizational Research Methods*. 2005. Vol. 8 (1). P. 41–68.
23. *Sandelowski M.* Qualitative Research, in M. Lewis-Beck, A. Bryman and T. Liao (eds), *The Sage Encyclopedia of Social Science Research Methods*, London: Sage Publications. 2004. P. 893–895.
24. *Seale C.* Quality in Qualitative Research // *Qualitative Inquiry*. 1999. Vol. 5 (4). P. 465–478.
25. *Smidt C. (ed.)* Religion as Social Capital: Producing the Common Good. Waco, TX : Baylour University Press. 2003.
26. *Stepick A., Rey T., Mahler S. J. (eds)* Churches and Charity in the Immigrant City: Religion, Immigration and Civic Engagement in Miami. London : Rutgers University Press. 2009.
27. *Wilson J., Janoski T.* The contribution of religion to volunteer work. *Sociology of Religion*. 1995. N 56 (2). P. 137–152.

Об авторах:

Агабабов Александр Рафаэлевич, аспирант Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС (г. Орел, Российская Федерация). Направление подготовки 41.06.01 — Политические науки и регионоведение, направленность/профиль «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»; agababov@mail.ru

Левочкин Роман Александрович, аспирант Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС (г. Орел, Российская Федерация). Направление подготовки 41.06.01 — Политические науки и регионоведение, направленность/профиль «Политические институты, процессы и технологии»; eler12@mail.ru

References

1. The Koran. Transl. I.Y. Krachkovsky. M. : Publishing House of Oriental Literature, 1963. 716 p. (In Rus).
2. Merkulov P.A., Tyurin E.A., Savinova E.N. The evolution of the SNP in the struggle for national self-determination in Scotland: on the issue of the peculiarities of Scottish "nationalism" // *Power [Vlast']*. 2017. N 6. P. 153–159. (In Rus).
3. Turin E.A., Savinova E.N., Agababov A.R. The Islamic factor in the development of modern Scotland: political and socio-cultural aspects // *Islam in the modern world: domestic and international political aspects [Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyj i mezhdunarodno-politicheskij aspekty]*. 2020. Vol. 16. N 2. P. 159–180. (In Rus).

4. Turin E. A., Savinova E. N., Agababov A. R. The identity of Scottish Muslims as a socio-cultural manifestation of globalization in the internal political processes of modern Scotland // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsult'irovanie]. 2019. N 6. P. 60–63. (In Rus).
5. Altheide D. L., Johnson J. M. Reflections on Interpretive Adequacy in Qualitative Research // The Sage Handbook of Qualitative Research. Eds. N. K. Denzin, Y. S. Lincoln. London : Sage Publications. 2011. P. 381–411.
6. Beck U. World risk society as cosmopolitan society?: Ecological questions in a framework of manufactured uncertainties. *Theory, Culture and Society*. 1996. N 13 (4). P. 1–32.
7. Brookes R., Hodgkinson P. Introduction — young people, new technologies and political engagement // *Journal of Youth Studies*. 2008. N 11 (5). P. 473–479.
8. Denzin N. K. *Sociological Methods: A Sourcebook*. Chicago : Aldine Transaction. 2006.
9. Hakim C. *Research Design* (2 ed.). London : Routledge. 2000.
10. Hammersley M. *The Politics of Social Research*. London : Sage Publications. 1995.
11. Holstein J. A., Gubrium J. F. The Constructionist Analytics of Interpretive Practice // *The Sage Handbook of Qualitative Research*. Eds. N. K. Denzin, Y. S. Lincoln. London : Sage Publications. 2011. P. 341–358.
12. Kimberlee R. H. Why don't British young people vote at general elections // *Journal of Youth Studies*. 2002. N 5 (1). P. 86–98.
13. Kvale S. *Interviews: An introduction to qualitative research interviewing*. London : Sage Publications. 1996.
14. Lewis J., Ritchie J. Generalising from Qualitative Research // *Qualitative research Practice*. Eds. J. Ritchie, J. Lewis. London : Sage Publications. 2003. P. 263–286.
15. Lincoln Y. S., Lynham S. A., Guba E. G. Paradigmatic Controversies, Contradictions and Emerging Confluences, Revisited // *The Sage Handbook of Qualitative Research*. Eds. N. K. Denzin, Y. S. Lincoln. London : Sage Publications. 2011. P. 191–216.
16. Lindsay C., Osborne S. P., Bond S. The 'New Public Governance' and Employability Services in an Era of Crisis: Challenges for Third Sector Organizations in Scotland, *Public Administration*. 2014. Vol. 92 (1). P. 192–207.
17. Maxwell J. A. *A Realist Approach for Qualitative Research*. London : Sage Publications. 2012.
18. O'Toole T., Gale R. *Political Engagement amongst Ethnic Minority Young People*. Basingstoke : Palgrave Macmillan. 2013.
19. Oslender U. Fleshing out the geographies of social movemnets: Colombia's Pacific coast black communities and the "aquatic space" // *Political Geography*. 2004. 23. P. 957–985.
20. Pilkington H., Pollock G. Politics are bollocks: Youth, politics and activism in contemporary Europe // *Sociological Review*. 2015. N 63 (S2). P. 1–35.
21. Robertson R. Glocalization: Time-space and homogeneity-heterogenity // *Global Modernities*. Eds. M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London : Sage. 1997.
22. Sandberg J. How Do We Justify Knowledge Produced Within Interpretive Approaches? // *Organizational Research Methods*. 2005. Vol. 8 (1). P. 41–68.
23. Sandelowski M. Qualitative Research, in M. Lewis-Beck, A. Bryman and T. Liao (eds), *The Sage Encyclopedia of Social Science Research Methods*, London: Sage Publications. 2004. P. 893-895.
24. Seale C. Quality in Qualitative Research // *Qualitative Inquiry*. 1999. Vol. 5 (4). P. 465–478.
25. Smidt C. (ed.) *Religion as Social Capital: Producing the Common Good*. Waco, TX : Baylour University Press. 2003.
26. Stepick A., Rey T., Mahler S. J. (eds) *Churches and Charity in the Immigrant City: Religion, Immigration and Civic Engagement in Miami*. London : Rutgers University Press. 2009.
27. Wilson J., Janoski T. The contribution of religion to volunteer work. *Sociology of Religion*. 1995. N 56 (2). P. 137–152.

About the authors:

Alexander R. Agababov, Graduate Student of Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Orel, Russian Federation); aagababov@mail.ru

Roman A. Lyovochkin, Graduate Student of Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Orel, Russian Federation); eler12@mail.ru

Доминанты современной политической культуры и трансформация политического управления

Туманов А. Д.^{1, 2}

¹ООО «Межрегионтеплосетьэнергоремонт ЦТС»

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; tumandr94@mail.ru

РЕФЕРАТ

Современное политическое управление все больше зависит от тенденций всеобщей глобализации, изменяясь в условиях глобальной миграции и постоянно создающихся и изменяющихся многонациональных сообществ. Данная статья направлена на анализ существующих доминант политической культуры, играющей значимую роль в системе современного политического управления. Целью работы является обоснование значимости изменения политического пространства для создания политики многообразия и включения, направленной на формирование современной политической культуры, отвечающей актуальным тенденциям управления в эпоху глобализации. Центральным исследовательским вопросом статьи является вопрос о том, какие точки политической культуры являются приоритетно трансформирующими для современной политической системы. В статье анализируются доминанты современной политической культуры, на которые следует обратить внимание как при теоретическом анализе, так и при принятии управленческих решений. Методом исследования выступает письменный экспертный опрос открытого типа — в опросе приняли участие 23 эксперта; объем полученного в результате опроса материала составляет 48 000 слов. Анализ и обработка информации производились с использованием методов систематизации, проблемно-управленческого проектирования и метода выделения проблемных доминант. Экспертные интервью позволили выделить ряд мер, которые политические власти могут предпринять для усиления трансформационного потенциала политической культуры. К ним относятся создание политических инициатив и легкодоступных возможностей для политической интеграции; развитие инклюзивного и толерантного общества через перераспределение ресурсов для помощи различного рода меньшинствам, нацеленное на то, чтобы помочь им понять и использовать свои права и обязанности; стимулирование креативности и инноваций как основы политической культуры нового типа. Результаты анализа экспертных интервью дополняют современные международные исследования по вопросам формирования новой политической культуры и ее влияния на формирование политической системы. В результате исследования автор приходит к выводу, что современная политическая культура предполагает контролируемое многообразие, и именно это является основой трансформации политической системы в ближайшем будущем. Основными доминантами политической культуры являются усиление значимости локального и, в частности, усиление значимости городской среды; развитие политической культуры мигрантов; инклюзивность политических сообществ, особенно на локальном уровне.

Ключевые слова: политическая система, политическая культура, инклюзивность, политическая интеграция

Для цитирования: Туманов А. Д. Доминанты современной политической культуры и трансформация политического управления // Управленческое консультирование. 2021. № 8. С. 128–138.

The Dominants of Contemporary Political Culture and the Transformation of Political Governance

Andrey D. Tumanov^{1, 2}

¹MTER CTS, Moscow, Russian Federation

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; tumandr94@mail.ru

ABSTRACT

Contemporary political governance is increasingly dependent on the trends of global globalization, changing in the context of global migration and constantly creating and changing multinational communities. This article aims to analyze the existing policies of social inclusion that form the basis of political culture, which plays a significant role in the system of modern political governance in the era of globalization. The aim of the paper is to substantiate the importance of changing the political space for creating a policy of diversity and inclusion, aimed at forming a modern political culture that meets the current trends in governance in the era of globalization. The major research issue of this paper is the question of which points of political culture are the most transformative for the modern political system. The article analyzes the dominant features of modern political culture, which should be paid attention to both in theoretical analysis and in making managerial decisions. The research method is an open-ended written expert survey — 23 experts took part in the survey; the volume of the material obtained as a result of the survey is 48,000 words. The analysis and processing of information was carried out using the methods of systematization, problem-management design and the method of identifying problem dominants. Expert interviews allowed us to identify a number of measures that the political authorities can take to strengthen the transformational potential of political culture. These include the creation of political initiatives and easily accessible opportunities for political integration; the development of an inclusive and tolerant society through the reallocation of resources to help various kinds of minorities, aimed at helping them understand and use their rights and responsibilities; and the development of creativity and innovation as the basis of a new type of political culture. The results of the analysis of expert interviews complement modern international research on the formation of a new political culture and its impact on the formation of the political system. As a result of the research, the author comes to the conclusion that modern political culture assumes controlled diversity, and this is the basis for the transformation of the political system in the near future. The main dominants of political culture are the strengthening of the importance of the local and, in particular, the strengthening of the importance of the urban environment; the development of the political culture of migrants; inclusiveness of political communities, especially at the local level.

Keywords: political system, political culture, inclusiveness, political integration

For citing: Tumanov A. D. The Dominants of Contemporary Political Culture and the Transformation of Political Governance // Administrative consulting. 2021. No. 8. P. 128–138.

Введение

Современные исследования [3; 5; 20; 23] отмечают возрастающую тенденцию к перемещению, смене места жительства, поиску новых мест работы, горизонтальной карьере и сезонной миграции. Глобализация и урбанизация открывают возможности для активного перемещения квалифицированных рабочих кадров, которые неизбежно стремятся принимать участие в политической жизни государства, в котором они живут [9]. Это значит, что процессы миграции и глобализации определенным образом трансформируют сложившуюся политическую культуру, а затем и всю политическую систему.

Современная политическая культура включает в себя индивидуальные установки, идеологии, представления, которые отрицают или принимают «других» в своей повседневности. Согласно классическому определению Г. Алмонда, политическая культура описывает определенную структуру ориентаций относительно политического действия [6; 7]. Политическая культура не совпадает с политической системой или обществом, поскольку структура ориентаций может простирается за пределы политических систем. Кроме того, политическая культура не является тем же самым, что и общая культура, поскольку сосредоточена на пространстве политического действия [1; 4].

Междисциплинарные исследования учитывают социальный и политический факторы как формирующие состояние культурного разнообразия в обществе как на государственном, так и на локальном уровне [2; 4]. Глобализация и связанные с ней процессы культурной и политической трансформации изменяют расстановку политических сил. Региональные и локальные сообщества из-за прироста населения приобретают новый формат общения и часто имеют свойство сепарироваться на социальные кластеры. Однако сегрегация в городской среде ведет к маргинализации и упадку всего сообщества [10]. Все это определяет важность таких дисциплин, как урбанистика, политическая социология, муниципальное управление и городское планирование [17] — все они так или иначе описывают и изучают политическую культуру на различных уровнях формирования политических сообществ. Политическая культура как основа формирования политической системы является сферой воспроизводства определенных стереотипов социального и политического поведения, она определяет и характеризует тип отношения человека к окружающему его, прежде всего, социальному и политическому мироустройству, определяет меру сохраняемого либо изменяемого человеком в окружающем мире. Отношения государства и политической культуры представляют собой диалоговое отношение: тип политической системы и государственная политика определяются именно теми латентными образцами, которые формирует политическая культура, но в своем осуществлении государственная политика оказывается фактором, оказывающим воздействие на сложившуюся политическую культуру как в том отношении, что может укреплять ее, усиливать ее воздействие, так и в том, что может вызывать ее сопротивление и ей отторгаться [15].

В этом отношении политическая культура напрямую связана с историко-культурной и историко-политической самоидентификацией человека и общества, и поэтому особенно актуальным является исследование тех трансформационных доминант, которые актуальны в данном историческом периоде формирования политической системы. Именно этой задаче посвящено исследование, положенное в основу данной статьи.

Методологическая основа исследования

Мультикультурализм и глобализация являются, по сути, доминантами современной политической культуры. В то же время классические и современные исследования демонстрируют, что культурное, национальное и этническое многообразие надо признавать, поддерживать и сохранять. Как элемент политической повестки, мультикультурализм представляет собой ряд реформ, направленных на управление человеческим разнообразием, сначала принимая и понимая этнокультурное начало индивида, определяя его потребности и моральные устои, и затем используя эти знания для формирования современной политической системы [14]. Культурная принадлежность является частью дискурса и не может являться причиной превосходства, а только отправной точкой для развития социальных связей и вовлечения. Идентичность личности может меняться, так же как и ее принадлежность к культуре, в связи с переездом, сменой круга общения или другими факторами может измениться [18]. На данный момент общество становится все более открытой системой, где обмен человеческим капиталом происходит быстро и предрасполагает к стиранию культурных границ.

Центральным исследовательским вопросом данной работы является вопрос о том, какие точки политической культуры являются приоритетно трансформирующими для современной политической системы? Другими словами, на что в современной политической культуре следует обратить внимание как при теоретическом анализе, так и при принятии управленческих решений?

Учитывая сложный и комплексный характер поставленного исследовательского вопроса, методом исследования был выбран письменный экспертный опрос открытого типа. В качестве экспертов выступили:

- представители политологического сообщества (участники IV Съезда Общероссийской общественной организации «Российское общество политологов» в 2020 г.) — 7 экспертов;
- члены Общественной палаты Российской Федерации шестого созыва — 4 эксперта;
- члены региональных отделений Российского общества политологов — 12 экспертов.

Все эксперты отвечали на вопросы в письменном виде, развернутыми предложениями. Часть экспертов предоставила свои телефонные контакты, они использовались для уточнения и дополнения информации. Объем полученного в результате опроса материала составляет 48 000 слов. Анализ и обработка информации производились с использованием методов систематизации, проблемно-управленческого проектирования и метода выделения проблемных доминант.

Результаты анализа

Первый блок вопросов, предложенных экспертам, касался значимости политической культуры в процессах трансформации политической системы. Эксперты подтвердили эту значимость и отметили, что идея перестройки политической системы строится на идее о постоянно изменяющейся модели локальной культуры, которая принимает новые нормы, модели поведения, ценности, в ответ на изменение состава общества. Легальные и административные нормы также становятся частью этого изменяющегося дискурса, включая в него все социальные и политические институты. Это и означает процесс влияния культуры на трансформацию политической системы.

В качестве примера несколько экспертов привели страны, которые наилучшим образом адаптировались к текущим культурным доминантам, связанным с мультикультурализмом и глобальностью. Такими странами можно считать Австралию и Канаду. Вводя новые нормы, они стремились максимально выиграть от социального разнообразия во всех сферах жизни, предполагая более разрушительный эффект от социальной дезорганизации и упущенных возможностей для персонального развития, ведь основной целью культуры является приращение культурного капитала. В данных странах удалось провести от теории к политическому решению тезис о том, что современный вариант мультикультурализма базируется лишь на принципе формальной толерантности, т. е. формально соглашаясь с существованием другой культуры, но при этом не принимая ее как ценную и равноправную часть культуры всего общества. Однако такая форма сепаратной толерантности может служить первым шагом, предпосылкой к более сложному процессу полноценной интеграции.

Второй блок вопросов касался тех трансформаций, которые становятся актуальными и доминирующими сегодня, вытесняя или дополняя доминанты мультикультурализма и глобализации. Таких доминант было выделено несколько. Во-первых, это усиление значимости локального, и в частности усиление значимости городской среды. Децентрализация и специализация порождают все больший интерес к городу, как к самостоятельной и самодостаточной единице, в которой сконцентрировано многообразное общество. Международная миграция вносит существенный вклад в эволюцию социальных отношений. Города являются местом аккумуляции международных финансовых, корпоративных, коммерческих активов, которые, в свою очередь, создают увеличение рабочих возможностей для профессионалов всех уров-

ней и которые характеризуются постоянной сменой населения. Городские власти таких территорий приобретают большое значение, за счет капиталоборота и значимости города как самостоятельного актора на международной арене. Люди склонны доверять локальным авторитетам, легитимность которых строится на идее близости к народу, более детальном наблюдении и решении проблем населения. Говоря об устранении прямой связи между национальной миграционной политикой и интеграцией на местном уровне, эксперты обозначали «локальный поворот», который действительно трансформирует систему политического управления и требует многоуровневого перераспределения ответственности, между национальными и локальными властями. Органы местного управления могут получать контроль и политическую силу за счет кооперации с наднациональными институтами, такими как ЕС, и участвуя в программах устойчивого развития, таких как «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» и ставя перед собой задачи международного масштаба. Кроме того, относительно новой сферой развития политической культуры городов и в целом локального уровня является международное сотрудничество муниципалитетов и городских организаций (TCN: Transnational city networks). Целью TCN является создание основы для сотрудничества городов на более широком уровне, чем национальный. Транснациональные (или глобальные) городские сети (Transnational city networks) становятся лидерами в решении глобальных и специализированных проблем, например, в вопросах миграции и интеграции, политического убежища, экологии и т.п. Основная деятельность TCN состоит в обмене информацией и опытом, демонстрации и распространении инновационных идей, поиске международной поддержки, определении общих стандартов и т.д. Так города начинают становиться самостоятельными акторами в политическом процессе, а городское население — субъектами новой политической культуры, что естественно трансформирует сложившуюся политическую систему.

Вторая доминанта, выделенная экспертами, носит проблемный характер и связана с особенностями политической культуры мигрантов в современных государствах. Очень часто мигранты относятся к экономико- и социально-маргинализированным группам населения и не имеют права голоса. Это означает, по сути, отсутствие политического участия как элемента политической культуры: у них нет доступных каналов связи как с обществом, так и с местными органами власти, они лишены всякой возможности влиять на городское и региональное развитие, участвовать в процессе принятия политических решений, напрямую их касающихся. Отсутствие должной юридической помощи, дискриминация в профессиональной и образовательной сферах ведут к невозможности получить лицензию на работу, переqualificироваться или перезачесть имеющееся образование. Таким образом, угнетенные меньшинства не имеют возможности вырваться из этого положения, оставаясь неуслышанными. Концентрация жителей без реальных политических прав влияет и на общий уровень репрезентации (в том числе и для тех, кто является полноправными гражданами), так как совокупные местные интересы недостаточно и фрагментировано представлены в формальных институтах. В то же время наблюдается сохранение связей мигрантов с международной диаспорой, а бизнес, организованный мигрантами, способствует диверсификации городской экономики, привнося сравнительные преимущества в привлечении высокодоходного персонала.

Третья доминанта, выделенная экспертами, касается инклюзивных практик и инклюзивной культуры в целом. Как показывают исследования, города с высоким уровнем социэкономического неравенства имеют меньшую привлекательность для вложения капитала и, соответственно, для поддержания конкурентоспособности. Поэтому социальная инклюзия — это не важный элемент для привлечения капитала, а наоборот, в результате повышения привлекательности города достигается и инклюзия, повышая возможности к всеобщему участию и отражаясь на социаль-

ном устройстве. В любом случае, социальная инклюзия является необходимой частью современной политической культуры, и формироваться данный постулат начинает именно с локального уровня. Курс на создание и развитие смешанных территорий остается популярным среди политических деятелей, которые опираются на предположение о позитивном влиянии социального разнообразия на общий уровень политической культуры.

Третий блок вопросов носил проективный характер и касался тех мер, которые правительства могут предпринять, чтобы учесть культурные доминанты трансформации современной политической системы. К таким мерам эксперты отнесли следующие.

1. Создание политических инициатив и легкодоступных возможностей для интеграции. Возможности городских администраций в осуществлении адаптационной политики часто ограничены уровнем автономии, недостаточным финансированием, отсутствием специалистов и профессиональной коммуникации, в то время как централизованная политика в таких вопросах может, и часто приводит, к непродуктивному распределению ресурсов, ущемлению прав отдельных граждан, неспособности увидеть побочные воздействия от политики. Государственные и местные функции могут совпадать или, наоборот, упускать этапы в работе с отдельными категориями граждан. Тем не менее, возможности для диалога и дебатов на максимально низком уровне должны быть найдены, инклюзия не может быть достигнута через принудительные меры. Организация общественных консультаций с группами мигрантов предоставляет возможность полноценного участия в принятии решений муниципального уровня.

2. Перераспределение ресурсов для помощи различного рода меньшинствам, нацеленное на то, чтобы помочь им понять и использовать свои права и обязанности и может стать основой становления инклюзивного и толерантного общества. Социальное и географическое происхождение играют важнейшую роль на начальных этапах адаптации, что заставляет адаптировать политику включения в зависимости от этих факторов, однако и юридический статус — фактор, значительно влияющий на взаимодействие мигранта с местным сообществом. Эксперты подчеркивают необходимость включения голоса меньшинств в общественный дискурс и обсуждение глобального управления, на основе собственного опыта работы в поле — с мигрантами, принимающими сообществами, местными властями и частными организациями. Фокус на мнении представителей меньшинств предоставляет им активную роль и возможность реального участия для удачной и прогрессивной интеграции. Репрезентативная демократия достигается через участие всех групп, поощрение этого участия на уровне администрации необходимо. Безусловно, существует необходимость мотивирования мигрантов к участию в политических практиках. Поэтому политико-культурная повестка уделяет максимальное внимание защите культурных прав, участию и разнообразию культурных практик и включает в себя создание платформ для культурного обмена и диалога; минимизация этнического, культурного и религиозного противостояния внутри местного сообщества; развитие культуры принятия (сюда относятся информационные брошюры, поощрение и стимулирование участия, межведомственная кооперация, антидискриминационные кампании).

3. Развитие креативности и инноваций, формирование политической культуры нового типа за счет использования навыков работников с различным происхождением: мультикультурный персонал способен повысить гибкость производства, поскольку это способствует быстрому приспособлению и реагированию в рамках всей структуры. Новые городские акторы способны занять доминирующие позиции в управлении на местном уровне и привнести работающие стратегии формирования новой политической культуры.

Обсуждение и выводы

Результаты анализа экспертных интервью дополняют современные международные исследования по вопросам формирования новой политической культуры и ее влияния на формирование политической системы [11; 13; 19]. Особенно это касается вопросов меньшинства (в том числе мигрантского) и инклюзии. Сегодня статус меньшинства основывается не только на объективных характеристиках, но и на субъективных, связанных с социальным отношением. Меньшинство как группа населения характеризуется языком, культурой, религией и этнической принадлежностью, но в то же время доступом и возможностью управлять и контролировать властные институты, а точнее — удаленностью от этих институтов и отказом в доступе к ним. При таком определении меньшинством может стать и часть местной популяции, при ее исключении из системы, маргинализация локальных сообществ не исключена. Вместе с процессом появления меньшинства происходит и процесс «навешивания ярлыков» и стигматизация [16]. Первое впечатление от человека создает определенный образ, связанный с ранее полученными социальными установками, и позволяет определить его в определенную группу. Стигматизированный человек обладает качествами неполноценного индивида, с каким-то дефектом (подпорченного), хотя данная ситуация касается не объективно нежелательных качеств, а соответствующих представлениям о персоне в данной группе. Люди могут стать социально исключенными по множеству факторов: материальному, языковому, национальному, из-за инвалидности, возрастному и т.д. Меньшинства в стране дискриминируются на разных уровнях: начиная от сроков и условий работы, лицензирования профессиональных дипломов, до бытовой дискриминации [8]. В больших городах это часто приводит к сепарации групп мигрантов, геттированию районов, и еще большей социальной эксклюзии, как следствие.

Культура распределения власти между представителями отдельных групп может рассматриваться как инклюзивная и в то же время как эксклюзивная. Сам факт категоризации людей в группу «социально исключенных» делает их таковыми. Некоторые специалисты-практики убеждены в том, что сама идея социального исключения не должна быть развиваема и полное социальное включение недостижимо. Невозможно отрицать, что решение институционализировать доступ к власти одних практически автоматически исключает других. В этом отношении целью интеграции как новой культурной доминанты современной политической системы становится избавление от стигмы в глазах принимающего общества, которое может быть достигнуто лишь посредством систематической работы на всех уровнях власти и во всех сферах жизни.

Современные всемирные и национальные декреты могут задать определенное направление развития политики мультикультурализма. Формальная толерантность уже присутствует во многих сферах жизни, однако до инклюзии еще довольно далеко. Решения на высоком уровне не способны в полной мере осуществлять реальные действия по созданию культурно разнообразного сообщества, такие компетенции должны быть спущены на местный уровень. Локальные власти выражают мнение населения, как самая близкая к ним ветвь власти и, соответственно, легитимизируются в глазах как населения, так и надгосударственных организаций, становясь полноправными акторами внешней политики. Однако любые попытки обучить, изменить модель поведения и даже мышления могут быть рассмотрены и как «цивилизационная миссия» разрозненного характера. Под влиянием глобализации и стирания границ вопросы социального разнообразия становятся все более актуальными и комплексными. Введение новых общественных практик требует множества специалистов разных областей, достижение демократических целей становится все более сложным. Перед органами государственной власти неизбежно встает дилемма выстраивания равного доступа к ресурсам власти для всех жителей: с одной стороны, искусствен-

ное создание репрезентации различных социальных групп, но и впоследствии ухудшение положения других меньшинств; с другой стороны, унифицированное, но более слабое смягчение неравенства между различными социальными слоями.

В любом случае, очевидно недостаточно, чтобы применяемая мера была названа социально инклюзивной и доступ к ресурсам, действию или месту был открыт для всех. Необходимо активное участие представителей всех групп населения, принятие во внимание мнения тех, кто боится говорить и не считается значимым, ведь только такими действиями может осуществляться мирное и сбалансированное сосуществование культурно разнообразного сообщества. Разнообразие без должного уровня реального участия ведет к сегрегации, стигматизации и общей маргинализации. В подобных условиях одним из решений может стать создание условий для облегчения межпространственной коммуникации чрезвычайно неоднородного населения. Горизонтальная кооперация и перераспределение власти между множественными акторами, напрямую сотрудничающими с местным сообществом, однозначно показывают свою эффективность [22].

Оставляя в стороне правовые реформы и общенациональные проекты, на локальном уровне нужно сфокусироваться на практиках, основной целью которых будет отдельная и четко определенная группа населения небольшой территории. Политическая культура предполагает контролируемое многообразие [21; 25], и именно это является основой трансформации политической системы в ближайшем будущем. Неслучайно одним из ведущих терминов во всех экспертных ответах был «инклюзивность». Инклюзия отличается от общего термина толерантность, означая более глубокое и качественное взаимодействие во всех сферах жизнедеятельности, основанное на принятии и уважении другой культуры.

В то же время, культурное многообразие как путь развития общества вызывает дебаты: положительные влияния на экономический рост иммиграционных городов могут способствовать упадку, «утечки мозгов» эмиграционных регионов [24]. Это ставит новые задачи перед государством и обществом, и эти задачи связаны с формированием нового типа политической культуры — культуры инклюзии. Современные государства на различных уровнях управления вынуждены находить решения для достижения высокого уровня социального включения, и в то же время улучшая экономические показатели, которые завязаны на уровне социально-экономического неравенства. Плотность населения возрастает, современные города не только физически расширяют свои границы, но и специализируются и транснационализируются. Экономический рост и концентрация наиболее прибыльных фирм неизбежно влияют на демографическую ситуацию, вызывая поток как профессионалов международного уровня, так и работников фирм, их обслуживающих. Муниципальные акторы получают признание собственной важности на международном уровне, в ЕС, ООН, транснациональных корпорациях. Это существенно трансформирует политическую культуру и политические ценности.

В заключение необходимо сделать ремарку по поводу распространенной сегодня практики перенятия лучшего опыта других городов, территорий и стран. Очевидно, что ни одна стратегия, связанная с культурной диверсификацией, не может быть воспроизведена с идентичными параметрами и результатами [12]. Причина этому — социальные факторы, определяющие поведение как принимающего общества, так и интегрируемых. Интеграция — процесс обоюдного изменения и выстраивания среды, обеспечивающей равенство и принятие. Культурное многообразие должно быть правильно использовано в процессе трансформации политической системы, а механизмы социальной инклюзии необходимо реконструировать в соответствии с культурными особенностями местного населения и социальных групп, его составляющих.

Литература

1. Баталов Э.Я. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 7–22.
2. Еремеева Л.Н., Плисецкий Е.Л. Региональная политика в современной России: особенности формирования и реализации // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 6. С. 4–11.
3. Карпова Н.В. Политический «генотип» как структурный элемент политической культуры // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2016. № 2. С. 134–149.
4. Ковалев В.В. Гражданская культура как базовый конструкт гражданского общества // Государственное и муниципальное управление. Уч. зап. СКАГС. 2014. № 1. С. 179–184.
5. Пеньков В.Ф. Политическая культура и политические процессы как объект исследования: методологический аспект и постановка задач // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 8. С. 229–242.
6. Almond G. The Politics of the Developing Areas. Princeton University Press, 1960.
7. Almond G., Powell G. B. Comparative Politics: a Developmental Approach. Boston, 1966.
8. Bentley J. R., Breland J. W., Ning Xu E. D., Campion D. & Treadway C. The political skill and will of expatriates in acculturating to the politics of an organization in a new culture // International Journal of Intercultural Relations. 2015. N 49. P. 343–353.
9. Burns D., Hambleton R., Hoggett P. The politics of decentralisation: revitalising local democracy. London : Macmillan, 1994.
10. Çaglar A., Schiller N. G. Migrants and city-making: Dispossession, displacement and urban regeneration. Duke University Press, 2018.
11. Cairney P., Zahariadis N. Handbook of Public Policy Agenda Setting (Chapter 6: Multiple Streams Approach: a Flexible Metaphor Presents an Opportunity to Operationalize Agenda Setting Processes). Princeton University Press, 2016.
12. Cooke P., Rehfeld D. Path dependence and new paths in regional evolution: in search of the role of culture // European Planning Studies. 2011. N 19. P. 1909–1929.
13. Ferris G. R., Frink D. D., Galang M. C., Zhou J., Kacmar K. M., Howard J. E. Perceptions of organizational politics: Predictions, stress-related implications, and outcomes // Human Relations. 1996. Vol. 49. P. 233–266.
14. Fincher R., Iveson K. Planning and Diversity in the City: Redistribution, Recognition and Encounter. Palgrave Macmillan, Houndmills/New York, 2008.
15. Florida R. The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community, and Everyday Life. New York : Basic Books, 2002.
16. Goffman E. Stigma: Notes on the management of spoiled identity. Simon and Schuster, 2009.
17. Hillman A. L., Swank O. Why political culture should be in the lexicon of economics // European Journal of Political Economy. 2000. Vol. 16. P. 1–4.
18. Hofstede G. The cultural relativity of organizational practices and theories // Journal of International Business Studies. 1983. N 14. P. 75–89.
19. Lawson L., Kearns A. Rethinking the purpose of community empowerment in neighbourhood regeneration: the need for policy clarity // Local Economy. 2014. N 29. P. 65–81.
20. Neal S. Transition culture: politics, localities and ruralities. Journal of Rural Studies. 2013. N 32. P. 60–69.
21. Oliveira C., Breda-Vazquez I. Creativity and social innovation: what can urban policies learn from sectoral experiences?: Creativity and social innovation in the Oporto city-region // International Journal of Urban and Regional Research. 2012. N 36. P. 522–538.
22. Pardo T. A., Cresswell A. M., Thompson F., Zhang J. Knowledge sharing in cross-boundary information system development in the public sector // Information Technology and Management. 2006. N 7. P. 293–313.
23. Rao A. N., Pearce J. L. Should management practice adapt to cultural values? The evidence against power distance adaptation // Cross Cultural & Strategic Management. 2016. N 23. P. 257–286.
24. Skoric M. M., Park Y. J. Culture, technologies and democracy: a cross-national analysis of political development // Telematics and Informatics 2014. N 31. P. 364–375.
25. Vigoda-Gadot E. Developments in organizational politics: How political dynamics affect employee performance in modern work sites, Edward Elgar Publishing, 2003.

Об авторе:

Туманов Андрей Дмитриевич, коммерческий директор ООО «Межрегионтеплосетьэнерго-ремонт ЦТС» (Москва, Российская Федерация), аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); tumandr94@mail.ru

References

1. Batalov E.Ya. Political culture of Russia through the lens of civic culture // *Pro et contra*. 2002. Vol. 7. N 3. P. 7–22. (In rus)
2. Ereemeeva L.N., Plisetsky E.L. Regional policy in modern Russia: peculiarities of formation and implementation // *Economics. Taxes. Law* [Ekonomika. Nalogi. Pravo]. 2013. N 6. P. 4–11. (In rus)
3. Karpova N. V. Political “genotype” as a structural element of political culture // *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science* [Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya]. 2016. N 2. P. 134–149. (In rus)
4. Kovalev V.V. Civic culture as the basic construct of civil society // *State and municipal administration. SCAGS academic notes* [Gosudarstvennoe i munitsipal’noe upravlenie. Uch. zap. SKAGS]. 2014. N 1. P. 179–184. (In rus)
5. Penkov V.F. Political culture and political processes as an object of study: methodological aspect and setting of tasks // *Social and humanitarian knowledge* [Sotsial’no-gumanitarnye znaniya]. 2019. N 8. P. 229–242. (In rus)
6. Almond G. *The Politics of the Developing Areas*. Princeton University Press, 1960.
7. Almond G., Powell G. B. *Comparative Politics: a Developmental Approach*. Boston, 1966.
8. Bentley J.R., Breland J.W., Ning Xu E.D., Champion D. & Treadway C. The political skill and will of expatriates in acculturating to the politics of an organization in a new culture // *International Journal of Intercultural Relations*. 2015. N 49. P. 343–353.
9. Burns D., Hambleton R., Hoggett P. *The politics of decentralisation: revitalising local democracy*. London : Macmillan, 1994.
10. Çaglar A., Schiller N.G. *Migrants and city-making: Dispossession, displacement and urban regeneration*. Duke University Press, 2018.
11. Cairney P., Zahariadis N. *Handbook of Public Policy Agenda Setting* (Chapter 6: Multiple Streams Approach: a Flexible Metaphor Presents an Opportunity to Operationalize Agenda Setting Processes). Princeton University Press, 2016.
12. Cooke P., Rehfeld D. Path dependence and new paths in regional evolution: in search of the role of culture // *European Planning Studies*. 2011. N 19. P. 1909–1929.
13. Ferris G.R., Frink D.D., Galang M.C., Zhou J., Kacmar K.M., Howard J.E. Perceptions of organizational politics: Predictions, stress-related implications, and outcomes // *Human Relations*. 1996. Vol. 49. P. 233–266.
14. Fincher R., Iveson K. *Planning and Diversity in the City: Redistribution, Recognition and Encounter*. Palgrave Macmillan, Houndmills/New York, 2008.
15. Florida R. *The Rise of the Creative Class: And How It’s Transforming Work, Leisure, Community, and Everyday Life*. New York : Basic Books, 2002.
16. Goffman E. *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*. Simon and Schuster, 2009.
17. Hillman A. L., Swank O. Why political culture should be in the lexicon of economics // *European Journal of Political Economy*. 2000. Vol. 16. P. 1–4.
18. Hofstede G. The cultural relativity of organizational practices and theories // *Journal of International Business Studies*. 1983. N 14. P. 75–89.
19. Lawson L., Kearns A. Rethinking the purpose of community empowerment in neighbourhood regeneration: the need for policy clarity // *Local Economy*. 2014. N 29. P. 65–81.
20. Neal S. Transition culture: politics, localities and ruralities. *Journal of Rural Studies*. 2013. N 32. P. 60–69.
21. Oliveira C., Breda-Vazquez I. Creativity and social innovation: what can urban policies learn from sectoral experiences?: Creativity and social innovation in the Oporto city-region // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2012. N 36. P. 522–538.
22. Pardo T.A., Cresswell A. M., Thompson F., Zhang J. Knowledge sharing in cross-boundary information system development in the public sector // *Information Technology and Management*. 2006. N 7. P. 293–313.

23. Rao A.N., Pearce J.L. Should management practice adapt to cultural values? The evidence against power distance adaptation // *Cross Cultural & Strategic Management*. 2016. N 23. P. 257–286.
24. Skoric M.M., Park Y.J. Culture, technologies and democracy: a cross-national analysis of political development // *Telematics and Informatics* 2014. N 31. P. 364–375.
25. Vigoda-Gadot E. *Developments in organizational politics: How political dynamics affect employee performance in modern work sites*, Edward Elgar Publishing, 2003.

About the author:

Andrey D. Tumanov, Commercial Director of LLC MTER CTS (Moscow, Russian Federation), Graduate Student of the Chair of State and Municipal Administration of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); tumandr94@mail.ru

Эволюция экономических исследований стратегий: роль концепции стратегирования В. Л. Квинта*

Алабина Т.А.^{1, 2}

¹Кемеровский государственный университет, Кемерово, Российская Федерация

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация; madam-alabina@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В цикле статей из двух работ раскрыта **цель исследования** как определение места концепции стратегирования Иностранного члена РАН — академика, доктора экономических наук, профессора В. Л. Квинта в системе экономических исследований стратегий за рубежом, в СССР и современной России на основе описания содержательной части и систематизации базовых концепций стратегирования и обзора зарубежных и отечественных региональных экономических исследований, а также выделения автором ключевых характеристик данной научной школы стратегии.

Объектом исследования выступают теории стратегий за рубежом, в СССР и современной России. **Предметом исследования** — концепция стратегирования В. Л. Квинта в системе экономических исследований по стратегии.

Методологический инструментарий включает в себя приемы и методы системного анализа, сравнительного анализа, логического анализа, принципы диалектико-материалистического метода познания и комплексного подхода при характеристике экономических исследований, методов обобщения и конкретизации. В описании исследования применен исторический подход и временное обобщение на основе ключевых вех развития экономических исследований по теории стратегии и методологии и практики стратегирования.

В качестве **результатов** данной статьи изложены основные характеристики, систематизации и содержательные аспекты зарубежных и отечественных экономических исследований стратегий. Определены место концепции стратегирования В. Л. Квинта в системе экономических исследований. Показана практика стратегирования научной школы.

Ключевые слова: экономические исследования, неоклассическая стратегия, стратегирование, концепция стратегирования

Для цитирования: Алабина Т.А. Эволюция экономических исследований стратегий: роль концепции стратегирования В. Л. Квинта // Управленческое консультирование. 2021. № 8. С. 139–149.

The Evolution of Economic Research Strategies: The Role of the Concept of Strategizing V. L. Kvint

Tatiana A. Alabina^{1, 2}

¹Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

²Altai State University, Barnaul, Russian Federation; madam-alabina@yandex.ru

ABSTRACT

The two-part series of articles reveals the **purpose of the research** as determining the place of the concept of strategizing of a Foreign Member of the Russian Academy of Sciences — Academician, Doctor of Economics, Professor V. L. Kvint in the system of economic research of strategies abroad, in the USSR and modern Russia on the basis of the description of the

*Цикл статей из двух работ подготовлен по материалам научного исследования, получившего диплом победителя IV Международного конкурса «Инновационные стратегии развития» в номинации «Молодые ученые» (научный консультант Вит. В. Мищенко, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой региональной экономики и управления МИЭМИС АлтГУ). Представлена первая работа, показывающая место концепции стратегирования В. Л. Квинта в эволюции экономических исследований стратегий.

content and systematization of the basic concepts of strategizing and a review of foreign and domestic regional economic research, as well as the author's identification of the key characteristics of this scientific school of strategy.

The object of the research is the theory of strategies abroad, in the USSR and modern Russia. **The subject of the research** is the concept of V. L. Kvint's strategizing in the system of economic research on strategy.

The methodological tools include techniques and methods of system analysis, comparative analysis, logical analysis, principles of the dialectical-materialistic method of cognition and an integrated approach to the characterization of economic research, methods of generalization and concretization. The description of the study uses a historical approach and a temporary generalization based on the key milestones in the development of economic research on the theory of strategy and the methodology and practice of strategizing.

As the **results** of present article, the main characteristics, systematization and content aspects of foreign and domestic economic research strategies are presented. The place of V. L. Kvint's concept of strategizing in the system of economic research are determined. The article shows the practice of strategizing the research school.

Keywords: economic research, neoclassical strategy, strategizing, the concept of strategizing

For citing: Alabina T. A. The Evolution of Economic Research Strategies: The Role of the Concept of Strategizing V. L. Kvint // Administrative consulting. 2021. No. 8. P. 139–149.

Теория стратегии ... развивалась на протяжении свыше двух тысяч лет. Тем не менее стратегия как наука до сих пор ... находится в процессе формулирования...

В. Л. Квинт [15, с. 9]

Введение

Стратегирование как процесс разработки и реализации стратегии занимает одно из важнейших мест в теории экономической науки [14], а в условиях усиления процессов глобализации и междисциплинарного сотрудничества с уклоном на практическую реализацию полученных исследований требует принципиальной систематизации теоретических и эмпирических подходов к стратегии развития в зарубежных странах, научного наследия СССР в современных российских условиях. Таковая систематизация была проведена в ряде исследований, в том числе авторском, где в результате обобщения и систематизации экономических исследований стратегий развития за рубежом, в СССР и современной России на основе описания содержательной части базовых концепций стратегий и стратегирования и обзора зарубежных и отечественных региональных экономических исследований решены следующие задачи: (1) представлен краткий обзор зарубежных и отечественных региональных экономических исследований; (2) показаны основные международные научные школы стратегирования в контексте их систематизации и ключевых характеристик; (3) дано обобщенное описание отечественных исследований стратегий и стратегического регионального планирования и их авторство [28].

Теоретические основы. Проведя анализ трудов экономических исследований, можно констатировать, что значительный пласт работ посвящен понятиям «стратегия» и «стратегирование» [2]. Их содержание и внутреннее наполнение рассматриваются в трудах А. Ш. Ахмедуева, О. С. Виханского, А. Г. Гранберга, Б. М. Гринчеля, С. Ф. Жилкина, К. Н. Знаменской, В. Г. Коняхина, Е. П. Костенко, Н. Е. Костылевой, Е. В. Михалкиной, А. С. Новоселовой, Г. Г. Почепцова, А. А. Рабадановой, В. Е. Рохчина, В. Е. Селиверстова, В. Б. Скирневской, В. С. Сурнина, В. И. Сулова, Р. Фатхутдинова, В. Ahlstrand, J. Lampe, H. Mintzberg, J. Pfeffer, M. E. Porter, G. R. Salancik и др.

Однако своей новизной и концептуальными подходами особо выделяется современная российская школа концепции стратегирования академика, иностранного члена РАН Владимира Львовича Квинта, которая получила не только российское, но и общемировое признание как в научной среде, так и среди практиков [20]. Хотя в трудах исследователей пока еще слабо отмечено место этой школы в системе экономических учений по теории стратегии и методологии и практике стратегирования.

Экономические исследования стратегий за рубежом

Опорой экономических исследований стратегий за рубежом и в отечестве всегда были достижения макро-, микро- и институциональной экономики, а также других направлений, и не только экономической науки. Например, А. Г. Гранберг структурирует их по четырем направлениям: от общих экономических теорий до теорий размещения производства, капитала, населения и других факторов, опирающихся на соответствующие предметные разделы экономической науки [6]:

1. Общие экономические теории, описывающие основные закономерности развития экономики.
2. Теории развития региона, основанные на трактовке региона как близкого структурного аналога страны.
3. Теории межрегиональных экономических отношений, близких к теориям международной торговли и экономической интеграции.
4. Теории размещения производства, капитала, населения и других факторов, опирающиеся на соответствующие предметные разделы экономической науки.

В 60–70-е годы XX в. для отражения различий между управлением, осуществляемым на высшем уровне, и текущего управления на уровне производства окончательно закрепилось понятие «стратегирование» [21]. Исследованиями по стратегированию занимались и занимаются не только экономисты, но и социологи, историки, философы, психологи, политологи, антропологи и даже биологи.

Особое место занимают международные научные школы стратегирования (табл.), систематизированные Г. Минцбергом, Б. Альстрэндом и Дж. Лэмпелем в книге «Школы стратегий» (оригинальное название «Стратегическое сафари: экскурсия по дебрям стратегий менеджмента») [32].

Таблица

Основные характеристики зарубежных научных школ стратегирования
Table. The main characteristics of foreign scientific schools of strategic management

Направление	Название школы	Основные представители, год исследования	Суть процесса стратегического менеджмента	Субъект управления
(1) Школы предписывающего (прескриптивного) характера	(1.1) Школа дизайна (проектирования)	Ф. Селзник, 1957; У. Ньюман, 1962; К. Эндрюс, 1965	Формирование стратегии как процесса осмысления	Менеджер
	(1.2) Школа планирования	И. Ансофф, 1965; Дж. Стейнер, 1969	Формирование стратегии как формальный процесс	Отдел стратегического планирования
	(1.3) Школа позиционирования	Д. Шендел, К. Хаттен, 1972; М. Портер, 1980; В. Ч. Ким, 1997	Формирование стратегии аналитический процесс	Высшее руководство

Направление	Название школы	Основные представители, год исследования	Суть процесса стратегического менеджмента	Субъект управления
(2) Школы описывающего (дескриптивного) характера	(2.1) Школа предпринимательства	П. Друкер, 1936; Й. Шумпетер, 1950; А. Коул, 1959	Формирование стратегии как процесс предвидения	Лидер, предприниматель
	(2.2) Школа познания (когнитивная)	Г. Саймон, 1947; Дж. Марч, 1958	Формирование стратегии ментальный процесс	Руководитель
	(2.3) Школа обучения	Р. Лапьер, 1934; Р. Кайерт, 1956; Ч. Линдблом, 1959; К. Бейк, Дж. Куинн, 1980; К. Прахалад, Г. Хэмел, 1990	Формирование стратегии развивающийся процесс	Любое лицо в организации
	(2.4) Школа власти	Г. Аллисон, 1971; Г. Этли, Э. Петтигрю, 1977; Дж. Пфеффер, Г. Салансик, 1978; Дж. Боуэр, Й. Доз, 1979; А. Макмиллан, Д. Сарразин	Формирование стратегии как политический процесс ведения переговоров	Властные структуры
	(2.5) Школа организационной культуры	Э. Ренман, Р. Норманн, 1960	Формирование стратегии как коллективный процесс	Социальное взаимодействие членов организации
	(2.6) Школа внешней среды	Д. Пью, 1961; М. Ханнан, Дж. Фримен, 1977	Формирование стратегии как реактивный процесс	Любое лицо в организации
	(2.7) Школа бенчмаркинга	К. Касселл, Дж. Шен, М. Заири	Формирование стратегии как трансплантация практик в деятельность	Лидер
(3) Школа конфигурации	А. Чандлер, 1962; Д. Миллер, Р. Майлз, К. Сноу, 1978; Д. Герст, 1995; Г. Минцберг, 1997	Формирование стратегии как процесс трансформации	Высшее руководство	

Источник: составлено по [4; 7, с. 158–159; 9; 23–26; 28; 29; 32; 33].

Среди многочисленных зарубежных публикаций можно выделить основных идеологов и методологов, таких как И. Ансофф (рус. Игорь Ансов), Питер Фердинанд Друкер (П. Дрюкер), Дэнни Миллер, Генри Минцберг, Майкл Юджин Портер, Р. Саймонс, Ф. Селзник, Альфред Дюпон Чандлер младший, Й. Шумпетер. Важные результаты в области стратегирования достигли Р. Акофф, У. Кинг и Д. Клиланд, Г. Хэмел и К. Прахалад, Д. Б. Куинн и др. [23, с. 16–17]. Рассматривая процессы стратегического планирования и управления по-своему и предлагая собственные методы при формировании и реализации стратегий, каждая из этих школ характеризуется собственной историей, однако все их можно классифицировать по трем направлениям, ранжируя по порядку возникновения с середины 50-х годов XX в. [26].

В качестве примера можно привести работу В. Чан Ким (W. Chan Kim) и Рене А. Моборн (Renee A. Mauborgne) «Стратегия голубого океана. Как найти или создать рынок, свободный от других игроков» (оригинальное название «Blue ocean strategy: how to create uncontested market space and make the competition irrelevant») [29], описывающую концепцию красного и синего океанов как рыночную вселенную.

«Красные/алые океаны» представляют собой все существующие сегодня отрасли — известное рыночное пространство. В них границы отрасли определены и приняты, а правила игры известны. Здесь компании пытаются превзойти своих конкурентов, чтобы получить большую долю спроса потребителей (часть рыночного пространства) на продукты, работы или услуги. По мере насыщения рынка перспективы получения прибыли и ее роста сокращаются. Продукты, работы и услуги становятся товаром, который характеризуется полной или частичной взаимозаменяемостью, и начинают занимать свою рыночную нишу — подмножество рынка, на который они ориентированы. При этом данная рыночная ниша по факту диктует продуктам, работам и услугам их конкретные характеристики, а также диапазон цен, качество продукции и другие параметры. В результате продукт, работа или услуга могут быть полностью разработаны для удовлетворения конкретной рыночной ниши, представляющей собой небольшой сегмент рынка, а значит, несущей риск частичного или полного снижения спроса на нем на данный продукт, работу или услугу, что в результате жесткой конкуренции может привести производителей продукции или поставщиков работ и услуг к фиаско, то есть «превращает океан в кровь»; отсюда и термин «красные океаны» [29].

«Голубые океаны», напротив, обозначают все отрасли, которых сегодня нет (отрасли будущего, новые/инновационные отрасли), — неизведанное рыночное пространство вне конкуренции. В них спрос создается автоматически/самостоятельно, за него не борются / не конкурируют. Здесь имеют место быть широкие возможности для получения прибыли и ее быстрого роста. «Голубой океан» — это аналогия для описания более широкого и глубокого потенциала рыночного пространства, которое еще не исследовано. Здесь компании генерируют продуктивные бизнес-идеи и создают ранее не существовавший спрос на новом рынке («голубой океан»), получая бурный рост и высокую прибыльность вместо конкуренции со множеством игроков на малоприбыльных рынках («красный/алый океан») [29].

Основываясь на многолетних разработках с 1997 г., В.Ч. Ким и Р.А. Моборн в качестве примеров исследовали 150 успешных стратегий на отрезке в 120 лет среди 30 отраслей, использовавших стратегию голубого океана в своей деятельности. Их книга из серии статей в научном журнале стала глобальным бестселлером с обновленным переизданием и незаменимым продолжением «Сдвиг голубого океана» в 2017 г. В настоящий момент эти две книги стали учебниками более чем в 2800 университетах в более чем 100 странах мира.

В.Ч. Ким как профессор стратегии и международного менеджмента Бостонской консалтинговой группы Б.Д. Хендерсона и Р.А. Моборн как аффилированный профессор стратегии организовали в качестве подразделения Институт стратегии голу-

бого океана в Европейском институте управления бизнесом (INSEAD — Institut européen d'administration des affaires) — не только французской, но и одной из ведущих бизнес-школ и исследовательских институтов мира, где также стали его содиректорами¹. Они объединили специалистов глобального сообщества концепции «голубого океана», которое объединило ученых, консультантов, руководителей и государственных служащих.

Отечественные исследования стратегий в СССР и современной России

Так уж исторически сложилось, что в России в практике исследований стратегического развития используются и западные концепции, однако еще с досоветского периода в полной мере сформировались отечественные, будучи самостоятельными и в известной мере самодостаточными. С позиции теоретико-методологических основ государственного планирования в дореволюционной России и СССР особого внимания заслуживают следующие отечественные исследования стратегического планирования и развития регионов [3; 4, с. 141]: основы эффективного природопользования с расчетом на отдаленную перспективу Д.И. Менделеева; общеисторическая концепция эволюции производительных сил с введением в политическую экономию категорию устойчивого развития Н.П. Огановского; формулировка базовых условий эффективной организации плановой работы, выявление экономических и технологических циклов Н.Д. Кондратьева; балансовый метод планирования «затраты — выпуск» 20-х годов XX в. В.В. Леонтьева; идея прогнозного баланса народного хозяйства 1923 г. С.Г. Струмилина; природа в экономическом и социальном развитии, роль природных ресурсов при решении народнохозяйственных задач в их территориальном аспекте Н.Н. Баранского; определение основного принципа в методологии стратегического планирования — «принципа непрерывности планирования» Г.М. Кржижановского («цепочка Кржижановского»); подчиненность государственному планированию в противоположность стихийности районирования, истории формирования районов И.Г. Александрова; замысел о понимании и построении единой системы народнохозяйственного учета, разработка теории корреляции и практики корреляционных вычислений, применение математических методов в экономических исследованиях и планировании В.С. Немчинова; комплексное социально-экономическое развитие регионов Н.Н. Некрасова.

Позднее, с 70–80-х годов XX в., основными отечественными теоретическими концепциями стратегий региона выступили [3; 5, с. 86–87; 8; 11; 12; 23; 27]:

- региональный подход к разработке макростратегии пространственного развития, реализованный в предплановых и прогнозных документах, разработанных в нашей стране в разные исторические периоды ведущими сотрудниками Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС), Совета по изучению производительных сил (СОПС) под руководством А.Г. Аганбегяна, В.П. Можина, Л.А. Козлова, А.Г. Гранберга, Б.М. Штульберга и др.;
- концепция межрегионального взаимодействия на основе экономико-математических моделей для обоснования экономического эффекта взаимодействия (А.Г. Гранберг,

¹ Материал об ученых, их биографиях и исследованиях подготовлен на основе подборки на сайтах личных страниц Европейского института управления бизнесом В.Ч. Кима [Электронный ресурс]. URL: <https://www.insead.edu/faculty-research/faculty/w-chan-kim> (дата обращения: 27.11.2020) и Р.А. Моборна [Электронный ресурс]. URL: <https://www.insead.edu/faculty-research/faculty/renee-mauborgne> (дата обращения: 27.11.2020), а также их публикаций, размещенных на сайте базы данных Scopus, содержащей аннотации и сведения о цитировании рецензируемой литературы: научных журналов, книг и материалов конференций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scopus.com/home.uri> (дата обращения: 31.03.2021).

В. И. Суслов, С. А. Суспин, С. А. Айвазян, В. Л. Макаров), в том числе региональные эконометрические модели;

- комплексное развитие района Б. И. Барановского, Н. Н. Колосовского, В. В. Кистанова, В. Э. Попова, Б. П. Орлова, Р. И. Шнипера;
- региональное программное планирование Б. П. Орлова, Р. И. Шнипера, А. В. Евсеенко и др.;
- концепция использования конкурентных преимуществ регионов, комплексное развитие региона на основе регионального маркетинга Р. И. Шнипера, Г. А. Унтуры, А. М. Лаврова и др.;
- многофакторное осуществление процесса стабилизации экономики региона и ее перехода к устойчивому развитию Л. И. Абалкина, С. В. Березнева, Н. Ф. Глазовского, В. С. Сурнина и др.;
- исследования по проблемам формирования регионального и муниципального стратегического планирования В. Г. Введенского, А. Г. Гранберга, В. Н. Лексина, О. В. Кузнецовой, П. А. Минакира, Н. Н. Михеевой, А. Н. Швецова, В. И. Сулова, Б. М. Штульберга, Л. С. Шеховцевой, Ю. В. Савельева, О. О. Смирновой, А. И. Шишкина и др. исследователей;
- «питерская» школа методологии и практики стратегирования В. Н. Виноградова, Б. М. Гринчеля, Б. С. Жихаревича, К. Н. Знаменской, О. В. Коломийченко, В. Е. Рохчина, О. В. Эрлих;
- комплексные исследования по вопросам регионального стратегического планирования В. Е. Селиверстова: концептуальные, методологические и методические основы, практика разработки конкретных стратегических документов;
- теория стратегии и методология стратегирования академика В. Л. Квинта, суть которой заключается в том, чтобы установить ценности и интересы объекта стратегирования, совокупность которых позволит сформулировать обоснованные стратегические приоритеты развития, а затем выявить имеющиеся конкурентные преимущества, которые позволят реализовать выбранные стратегические приоритеты [1].

Все эти научные школы внесли практический вклад в стратегическое развитие экономического пространства СССР и современной России. Однако особой новизной и концептуальными подходами выделяется современная российская школа концепции стратегирования Иностранного члена РАН — академика, доктора экономических наук, профессора В. Л. Квинта [16]. Ее практико-ориентированность подтверждена рядом успешно разработанных формальных стратегий и других стратегических документов разного уровня: от корпоративных до национального масштаба [10; 13; 30].

Например, на региональном уровне [17] ключевой разработкой научной школы стратегирования для Кемеровской области — Кузбасса стала Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области — Кузбасса на период до 2035 г.¹, где в семи контурах «Кузбасс — регион достойной жизни людей», «Стратегическое обеспечение безопасности Кузбасса», «Стратегическая диверсификация экономики Кузбасса», «Стратегическое развитие систем жизнеобеспечения Кузбасса (водоснабжение и водоотведение)», «Стратегирование внешнеэкономических, научно-образовательных, культурных, спортивных связей и международной кооперации», «Стратегирование научно-технологического потенциала Кузбасса и цифровизации региональной экономики» и «Стратегирование финансовой системы Кузбасса» про-

¹ О внесении изменений в Закон Кемеровской области «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года»: закон Кемеровской области — Кузбасса № 163-ОЗ от 23 декабря 2020 г. // Стратегия развития Кемеровской области [Электронный ресурс]. URL: <https://кузбасс-2035.рф/> (дата обращения: 11.04.2021).

слеживается одно из основных конкурентных преимуществ данного документа — ориентация на конкретного человека — жителя региона, который при высоком качестве жизни [18; 19; 22; 31] должен иметь возможность развивать свои компетенции, достойно трудиться и профессионально расти.

Стратегия Кузбасса — 2035 как документ выделяется еще и тем, что это формальная стратегия, которая де-юре являясь изменениями в Закон Кемеровской области от 26.12.2018 № 122-ОЗ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года», де-факто — оперативно переработанный документ в условиях наступления не просто чрезвычайной ситуации, но чрезвычайного периода с учетом глобальных трендов. В результате она принята на уровне регионального закона как оперативная переработка стратегического документа 2018 г., разработанного коллективом КемГУ при участии жителей, хозяйствующих субъектов региона, научного сообщества и др. институтов и стейкхолдеров регионального сообщества. Поэтому итоговый документ Стратегии Кузбасса — 2035 базируется на интересах региона и регионального сообщества при поддержке стратегического лидера в лице губернатора С. Е. Цивилева.

Заключение

Стратегии и стратегированию уделено внимание различных зарубежных и отечественных научных школ, занимающихся экономическими исследованиями. Их обобщение и систематизация дают возможность исследователям определиться с вкладом каждой в развитие науки и практики стратегирования. Однако в контексте усиления процессов глобализации и междисциплинарного сотрудничества с уклоном на практическую реализацию полученных исследований особое место в последние годы занимает концепция стратегирования В. Л. Квинта в общей системе экономических исследований. Ее практическое значение еще предстоит оценить, но практика стратегирования данной научной школы уже сейчас оказывает существенное влияние на развитие не только отдельных корпораций, но и отраслей, регионов и стран.

Литература

1. Алабина Т. А. Роль и место концепции стратегирования В. Л. Квинта в эволюции экономических исследований стратегий // *Фундаментальные и прикладные науки в развитии общества и технологий в странах СНГ: Сб. тезисов II Международной конференции / под общ. ред. М. С. Яницкого, И. Ю. Сергеевой; ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»*. Кемерово, 2020. 86 с. С. 3–6.
2. Алабина Т. А., Голубев М. Р., Морозова Е. А. «Стратегия» в стратегировании: теоретические подходы к определению понятия // *Теория и практика стратегирования: III Международная научно-практическая конференция (25 февраля 2020): сб. тезисов докладов / под науч. ред. В. Л. Квинта. М. : Изд-во Московского университета, 2020. 183 с. (Экономическая и финансовая стратегия)*. С. 72–75.
3. Алабина Т. А., Федулова Е. А. Оценка применения программно-целевого подхода в региональной экономической политике (на примере Кемеровской области): монография. Барнаул : Издательская группа «Си-пресс», 2016. 182 с.
4. Атанов Н. И., Семенов Ф. В. Развитие отечественной школы регионального стратегического планирования с использованием мирового опыта: монография. Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2016. 160 с.
5. Березнев С. В., Сурнин В. С. Многофакторная модель процесса стабилизации экономики региона. На примере Кемеровской области : монография. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2001. 399 с.
6. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики : монография. М. : ГУ ВШЭ, 2001. 495 с.
7. Дубровская Ю. В., Кудрявцева М. Р. Систематизация теоретических подходов к формированию стратегии регионального развития // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2018. № 68. С. 155–171.

8. Ивантер В. В., Фелпс Э. С., Квинт В. Л., Максимцев И. А., Алферов Ж. И. Как будет развиваться экономика России? // *Инновации*. 2013. № 1 (171). С. 3–12.
9. Катькало В. С. Место и роль ресурсной концепции в развитии теории стратегического управления (предисловие к разделу) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент*. 2003. № 3. С. 3–17.
10. Квинт В. Глобальный формирующийся рынок — влияние на стратегию России и стратегическое развитие российских компаний // *Эффективное антикризисное управление*. 2012. № 3 (72). С. 50–61.
11. Квинт В. Л. Вглядываясь в будущее: изыскания пророков, предсказателей, лидеров и страгетов: монография. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2018. 28 с.
12. Квинт В. Л. Вековой юбилей СОПСа и его роль в разработке перспектив развития экономики России // *Экономика и математические методы*. 2015. Т. 51. № 3. С. 140–142.
13. Квинт В. Л. Идея ноосферы Вернадского и закономерности, предопределяющие формирование глобального ноосферного миропорядка XXI в. // *Управленческое консультирование*. 2013. № 5 (53). С. 13–19.
14. Квинт В. Л. К истокам теории стратегии. 200-летие издания теоретической работы генерала Жомини: монография. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2017. 52 с.
15. Квинт В. Л. Концепция стратегирования : монография. Т. II. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. 162 с.
16. Квинт В. Л. Теория и практика стратегирования: дайджест. Ташкент : Тасвир, 2018. 160 с.
17. Квинт В. Л. Управление научно-техническим прогрессом: региональный аспект: монография. М. : Наука, 1986. 216 с.
18. Квинт В. Л., Окрепилов В. В. Роль качества в зарождении и развитии глобального формирующегося рынка // *Экономика и управление*. 2011. № 5 (67). С. 3–21.
19. Квинт В. Л., Окрепилов В. В. Роль качества в зарождении и развитии глобального формирующегося рынка: монография. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2011. 46 с.
20. Козырев А. А. Исследуя методологические основы стратегирования социально-экономического развития // *Экономика в промышленности*. 2020. Т. 13. № 4. С. 434–447.
21. Мищенко В. В., Пуричи В. В. Пространственные подходы в экономике и региональные исследования расселения // *Известия Алтайского государственного университета*. 2015. № 2. С. 123–127.
22. Новикова И. В. Концепция стратегии занятости населения в цифровой экономике: монография. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2020. 254 с.
23. Селиверстов В. Е. Региональное стратегическое планирование: от методологии к практике: монография. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2013. 436 с.
24. Смаржевский И. А. Управление проектом на основании непрерывно получаемой информации об освоенном объеме финансовых ресурсов // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2013. № 2 (140). С. 23–31.
25. Спирина А. М. Характеристика теоретических подходов к стратегическому планированию на предприятии // *Молодой ученый*. 2012. № 1. Т. 1. С. 144–150.
26. Стратегическое планирование и аудит социально-экономического развития региона : монография / под ред. И. А. Тажитдинова. М. : Экономика, 2012. 310 с.
27. Субботин С. П. Преодоление тенденции усиления региональной асимметрии социально-экономического развития (на примере Кемеровской области) : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Кемерово, 2002. 183 с.
28. Alabina T. A., Mishchenko V. V. Economic research of development strategies abroad, in the USSR and modern Russia: a brief overview and systematization // *Proceedings of the Volgograd State University International Scientific Conference. 2nd International Scientific Conference on 'Competitive, Sustainable and Safe Development of the Regional Economy' (CSSDRE 2019)*. Ser.: *Advances in Economics, Business and Management Research*. 2019. Vol. 83. P. 383–390.
29. Kim W. C., Mauborgne R. *Blue ocean strategy: how to create uncontested market space and make the competition irrelevant*. Boston, Massachusetts : Harvard Business School Press, 2005. 240 p.
30. Kvint V. Don't give up on Russia // *Harvard Business Review*. 1994. Vol. 72. N 2. P. 62–70.
31. Kvint V. L., Okrepilov V. V. Quality of life and values in national development strategies // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2014. T. 84. N 3. P. 188–200.
32. Mintzberg H., Ahlstrand B., Lampe J. *Strategy safari: a guided tour through the wilds of strategic management*. New York : The Free Press, 1998. 410 p.

33. *Shen Q., Liu G.* The selection of benchmarking partners for value management: an analytic approach // *International Journal of Construction Management*. 2007. Vol. 7. N 2. P. 11–22.

Об авторе:

Алабина Татьяна Александровна, доцент кафедры финансов и кредита и кафедры стратегии регионального и отраслевого развития Института экономики и управления (ИЭУ) Кемеровского государственного университета (Кемерово, Российская Федерация); докторант кафедры региональной экономики и управления Международного института экономики, менеджмента и информационных систем (МИЭМИС) Алтайского государственного университета (Барнаул, Российская Федерация), кандидат экономических наук; madam-alabina@yandex.ru

References

1. Alabina T.A. The role and place of the concept of strategizing by V.L. Kvint in the evolution of economic research on strategies // *Fundamental and applied sciences in the development of society and technology in the CIS countries: Collection of abstracts of the II International Conference / general ed. M. S. Yanitskiy, I.Yu. Sergeeva. Kemerovo State University. Kemerovo, 2020. 86 p. P. 3–6. (In rus).*
2. Alabina T.A., Golubev M.R., Morozova E.A. “Strategy” in strategizing: theoretical approaches to the definition of the concept // *Strategizing: Theory and Practice: III International Research-to-Practice Conference (February 25, 2020): book of abstracts / scientific ed. V.L. Kvint. M. : Moscow University Press, 2020. 183 p. (Economic and Financial Strategy). P. 72–75. (In rus).*
3. Alabina T.A., Fedulova E.A. Assessment of using of program-target method in regional economic policy (on the example of the Kemerovo region): monograph. Barnaul : Si-Press, 2016. 182 p. (In rus).
4. Atanov N.I., Semenov P.V. Development of national school of regional strategic planning using world experience: monograph. Ulan-Ude : Publishing House of Buryat University, 2016. 160 p. (In rus).
5. Bereznev S.V., Surnin V.S. Multivariate model of the process of stabilization of the region’s economy. On the example of Kemerovo region: monograph. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2001. 399 p. (In rus).
6. Granberg A.G. Bases of regional economy: monograph. M. : GU VShE, 2001. 495 p. (In rus).
7. Dubrovskaya Ju.V., Kudryavtseva M.R. Systematization of theoretical approaches to the formation of a regional development strategy // *E-journal. Public Administration [Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik]*. 2018. N 68. P. 155–171. (In rus).
8. Ivanter V.V., Phelps E.S., Kvint V.L., Maksimtsev I.A., Alferov Zh.I. How will Russia’s economy develop? // *Innovations [Innovatsii]*. 2013. N 1 (171). P. 3–12. (In rus).
9. Katkalo V.S. The place and role of the resource concept in the development of the strategic management theory (introduction to the section) // *Vestnik of Saint Petersburg University. Management [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment]*. 2003. N 3. P. 3–17. (In rus).
10. Kvint V. Global emerging market — influence on the strategy of Russia and strategic development of the Russian companies // *Effective crisis management [Effektivnoe antikrizisnoe upravlenie]*. 2012. N 3 (72). P. 50–61. (In rus).
11. Kvint V.L. Gazing into the future: a study prophets, visionaries, leaders and strategists: monograph. SPb. : NWIM RANEPa, 2018. 28 p. (In rus).
12. Kvint V.L. Century of the council for production forces research and its role in the strategy development of the future for the Russian national economy // *Economics and Mathematical Methods [Ekonomika i matematicheskie metody]*. 2015. Vol. 51. N 3. P. 140–142. (In rus).
13. Kvint V.L. The idea of a noosphere of Vernadsky and the regularities predetermining formation of a global noosphere world order of the XXI century // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul’tirovanie]*. 2013. N 5 (53). P. 13–19. (In rus).
14. Kvint V.L. To sources of the theory of strategy. 200 years of theoretical work of the general of Zhomini: monograph. SPb.: NWIM RANEPa, 2017. 52 p. (In rus)
15. Kvint V.L. The Concept of Strategizing: monograph. Vol. 2. SPb. : NWIM RANEPa, 2020. 162 p. (In rus).
16. Kvint V.L. Theory and practice of strategy: digest. Tashkent : Tasvir, 2018. 160 p. (In rus).
17. Kvint V.L. Managing scientific and technological progress: regional aspect: monograph. M. : Nauka, 1986. 216 p. (In rus)

18. Kvint V.L., Okrepilov V.V. The role of quality in the birth and development of global emerging market // Economics and management [Ekonomika i upravlenie]. 2011. N 5 (67). P. 3–21. (In rus).
19. Kvint V.L., Okrepilov V.V. The role of quality in the birth and development of global emerging market: monograph. SPb. : Publishing house of the St. Petersburg University of Management and Economy, 2011. 46 p. (In rus).
20. Kozlyev A.A. Study of methodological basis of strategizing of social and economic development // Russian Journal of Industrial Economics [Ekonomika v promyshlennosti]. 2020. Vol. 13. N 4. P. 434–447. (In rus).
21. Mishchenko V.V., Purichi V.V. Spatial approaches in economics and regional research of resettlement // Izvestiya of Altai State University [Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2015. N 2. P. 123–127. (In rus).
22. Novikova I.V. The concept of employment strategy for the digital economy: monograph. Kemerovo : Kemerovo State University, 2020. 254 p. (In rus).
23. Seliverstov V.E. Regional strategic planning: from methodology to practice: monograph. Novosibirsk : IEIE SB RAS, 2013. 436 p. (In rus).
24. Smarzhveskiy I.A. Project management based on continuously received information about the amount of financial resources used // Financial Analytics: Problems and Solutions [Finansovaya analitika: problemy i resheniya]. 2013. N 2 (140). P. 23–31. (In rus).
25. Spirina A.M. Characteristics of theoretical approaches to strategic planning at the enterprise // Young Scientist [Molodoi uchenyi]. 2012. N 1. Vol. 1. P. 144–150. (In rus).
26. Strategic planning and audit of socio-economic development of the region: monograph / ed. Tacitdinov I.A. M. : Ekonomika, 2012. 310 p. (In rus).
27. Subbotin S.P. Overcoming of tendencies of strengthening of regional asymmetry of social and economic development (on the example of the Kemerovo region): PhD Dissertation (Economic Sciences): 08.00.05. Kemerovo, 2002. 183 p. (In rus).
28. Alabina T.A., Mishchenko V.V. Economic research of development strategies abroad, in the USSR and modern Russia: a brief overview and systematization // Proceedings of the Volgograd State University International Scientific Conference. 2nd International Scientific Conference on 'Competitive, Sustainable and Safe Development of the Regional Economy' (CSSDRE 2019). Ser.: Advances in Economics, Business and Management Research. 2019. Vol. 83. P. 383–390.
29. Kim W.C., Mauborgne R. Blue ocean strategy: how to create uncontested market space and make the competition irrelevant. Boston, Massachusetts : Harvard Business School Press, 2005. 240 p.
30. Kvint V. Don't give up on Russia // Harvard Business Review. 1994. Vol. 72. N 2. P. 62–70.
31. Kvint V.L., Okrepilov V.V. Quality of life and values in national development strategies // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2014. Vol. 84. N 3. P. 188–200.
32. Mintzberg H., Ahlstrand B., Lampe J. Strategy safari: a guided tour through the wilds of strategic management. New York : The Free Press, 1998. 410 p.
33. Shen Q., Liu G. The selection of benchmarking partners for value management: an analytic approach // International Journal of Construction Management. 2007. Vol. 7. N 2. P. 11–22.

About the author:

Tatiana A. Alabina, Associate Professor of the Department of Finance and Credit and of the Department of Regional and Industrial Development Strategy of the Institute of Economy and Management of Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). Doctoral candidate of the Department of Regional Economics and Management of the International Institute of Economics, Management and Informational Systems of Altai State University (Barnaul, Russian Federation), PhD in Economics; madam-alabina@yandex.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в области государственного и муниципального управления, руководителям органов государственной власти и бизнес-структур, ученым, преподавателям, аспирантам.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory». Журнал включен в индексацию международных баз данных научных публикаций ERIH PLUS и EBSCO. Публикации журнала размещаются в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

На сайте журнала <https://www.acjournal.ru> предусмотрена возможность представить рукопись статьи через «Электронную редакцию».

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- ♦ электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами.
- ♦ Заполненное и подписанное «Обязательство автора(-ов)», образец которого размещен на сайте журнала: <https://www.acjournal.ru>

Оригинальность статьи должна быть не менее 85%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указываются город и страна.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis

(Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Рукопись статьи должна содержать *реферат* (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без *реферата* (на русском и английском языках) не рассматриваются. *Реферат* не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В *реферате* обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названии статьи.

Введение (*Introduction*)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (*Materials and Methods*)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д., а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (*Results*)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение (*Discussion*)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования. Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения, которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

При написании статьи необходимо избегать личных местоимений, в том числе научного «мы». Это же касается ссылок: при ссылках на собственные работы стоит избегать предложений типа «как показано в нашей работе». В первую очередь, это требование анонимности.

Выводы (Conclusions)

Подведение итогов исследования — получилось ли достичь цели и доказать определенную гипотезу? Какое значение имеют полученные результаты? Как можно применить их на практике?

Список литературы (References)

Список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Заведующий кафедрой _____

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

♦ монографии:

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ статьи в научных сборниках:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ публикации в многотомных изданиях:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ статьи в научных журналах:

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ статьи в газетах:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ правовые акты:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ электронные ресурсы оформляются следующим образом:

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2021. № 8(152)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 01.08.2021.
Подписано к печати 08.10.2021.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,42. Тираж 200 экз.
Заказ № 8/21.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97